

9 (Дог)

Г 13

В. Ф. Гаджиев

А. М. Пикман

РОССИЙСКИЕ ДЕМОКРАТЫ
О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ
ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ
В 20-50 ГГ. XIX В.

9(Дэг)
Г 13

Библиотечка Нусухова Уезд РАН
Мисер 22.06.99.

Институт Истории Археологии и Этнографии
Дагестанского научного центра РАН
Культурно-исторический фонд "Тарих"

В.Г. Гаджиев
А.М. Пикман

РОССИЙСКИЕ
ДЕМОКРАТЫ О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ
ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ
В 20-50гг. XIX в.

instituteofhistory.ru

Махачкала 1998 г.

Ответственный редактор —
Действительный член Академии Наук СССР
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ.

Рецензенты:

д. и. н. проф. М. Ш. ШИГАБУДИНОВ
д. и. н. проф. А. Х. КОСУМОВ

162251

Владилен Гадисович ГАДЖИЕВ, Александр Михайлович
ПИКМАН. РОССИЙСКИЕ ДЕМОКРАТЫ О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ
ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ В 20-50гг. XIX в. — Махачкала, 1998.
—120 с.

Махачкала
ная библиотека
иФАН СССР

© Владилен Гадисович ГАДЖИЕВ, 1998.
© Александр Михайлович ПИКМАН, 1998.

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель, книга, которую вы держите в руках, о взглядах И.И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Т.Г. Шевченко на движение горцев Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. Исследование данного вопроса весьма актуально, и не только потому, что до настоящего времени нет ни одной специальной работы, посвященной изучению этой проблемы.

При написании книги мы ставили перед собой цель привлечь и проанализировать работы и отдельные высказывания прогрессивных деятелей России XIX столетия, имеющие какое-либо отношение к истории многолетней героической и одновременно драматической борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа XIX в. 20-50 гг. С этой целью нами изучены полные собрания сочинений: А.И. Герцена — в 30 томах, Н.Г. Чернышевского — в 16 томах, Н.А. Добролюбова — в 5 томах, Т.Г. Шевченко — в 8 томах, использована также литература об их научно-теоретической и практической деятельности.

Поскольку книга написана на специальную тему, в ней не затрагиваются философские, политико-экономические, литературоведческие и иные воззрения указанных авторов. Мы не ставили также перед собой задачу осветить их исторические взгляды, так как это выходит за рамки данного исследования. Но мы не могли обойти вопросы историографии в тех случаях, когда было необходимо показать отличия взглядов наших авторов от господствовавших в то время исторических концепций на интересующую нас проблему.

Книга состоит из четырех очерков. Им предпослано введение, в котором кратко анализируются взгляды А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др. Это необходимо было сделать, чтобы полнее представить позиции прогрессивного крыла русского общества первой половины XIX в.

Для написания данных очерков использованы, возможно, не все высказывания А.И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Т. Г. Шевченко, имеющие отношение к истории на-

родов Кавказа вообще и к Кавказской войне в частности. В будущем, считаем, необходимо глубоко и всесторонне исследовать также наследие В.Г. Белинского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. Мы понимаем, что настоящие "Очерки" страдают определенной эскизностью, каждый из них при более детальном, кропотливом изучении проблемы может стать предметом специального монографического исследования. Но если эти очерки послужат толчком к изучению наследия прогрессивных деятелей России, а затем и к созданию фундаментальных работ о воззрениях А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Т.Г. Шевченко и других на историю Кавказских горцев и их самоотверженную борьбу с царизмом, то мы будем считать, что задачу свою выполнили. Наша цель - поставить проблему, привлечь к ней внимание.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Минуло уже более 150 лет как на Северо-Восточном Кавказе, в горах Дагестана и Чечни развернулась многолетняя борьба торских народов против самодержавия и местных феодалов. С самого начала своего возникновения это героическое и одновременно драматическое событие приковало пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей и мастеров художественного слова. И чем дальше и глубже изучалась эта сложная и многогранная проблема, авторы постепенно обнаруживали новое: еще не исследованные вопросы, не раскрытые события, не до конца выясненные и описанные человеческие судьбы и даже еще не поставленные проблемы. Сейчас с полным основанием можно утверждать, что отечественные кавказоведы давно, основательно и по достоинству оценили сочинения дворянско-буржуазных историков дореволюционной России, проанализировали их характеристики самого движения и главных действующих в нем лиц. Этого, к сожалению, нельзя сказать о трудах прогрессивно-демократического крыла российского общества, представители которого с совершенно иных позиций оценивали кавказскую политику самодержавия и давали в корне противоположную оценку движению горцев под водительством Шамиля. К сожалению, эти не потерявшие своего научного значения положения оставались менее известными и их, естественно, использовали историки-кавказоведы не достаточно полно. Не было и специальных работ, посвященных анализу трудов передовых прогрессивных деятелей дореволюционной России. Не ошибемся, если укажем, что по существу первым исследованием, посвященным этой важной проблеме, была наша работа "Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни", изданная в Махачкале в 1972г. Хотя бы поэтому эта публикация должна была встретить доброжелательное и сочувственное отношение со стороны научной и творческой общности республики. Но в период, который мы сейчас уже привычно называем "застойным", произошло непредвиденное. Еще, как говорится, не успела высохнуть типографическая краска, как

могу в этой связи не вспомнить и о следующем курьезном случае. К 150-летию восстания декабристов нами была написана специальная статья "Декабристы на Кавказе". Рассказывая о русско-турецкой войне 1828-1829 гг., в которой принимали участие сосланные на Кавказ декабристы, мы упоминали, что командовать царскими войсками на Балканах был назначен генерал И. Дибич, а на Кавказе - И. Паскевич. И услышав об этих назначениях, недавно уволенный с Кавказа генерал А. П. Ермолов съязвил: "На двух Ваньках далеко не поедешь". Это высказывание бывшего проконсула Кавказа было приведено автором в статье, естественно, как и положено, со ссылкой на источник: "Русский архив". 1907. № 11. Зоркие охранители усмотрели в этом недопустимую в советском издании 70 гг. критику в адрес двух русских генералов и своей властью вычеркнули цитату, забыв при этом убрать подстрочную сноску.

Но не следует наше прошлое освещать только в черных тонах. В научных кругах работа "Великие революционные демократы о движении горцев Дагестана и Чечни" была принята самым доброжелательным образом. О научной значимости этой работы автору этих строк писали академики Н. М. Дружинин, А. Л. Нарочницкий, член-корр. РАН Е. И. Дружинина, профессора В. И. Абаев, Г. А. Дзиндзария, З. В. Анчабадзе, Н. А. Смирнов, В. К. Гарданов, Я. А. Федоров и др. В письме ко мне от 26 октября 1972 г. В. И. Абаев писал: "Прочитал книгу с неослабевающим интересом. Я всегда восхищался революционными демократами, а Герцен относился к любимым моим писателям. Мне было известно, что революционные демократы живо интересовались событиями Кавказской войны, но только из вашей работы я узнал, как глубоко они вникали в кавказские дела".

Кстати сказать, последовавшие за вышеупомянутым "отзывом-проработкой" обсуждения также признали научную значимость книги. Об этом красноречиво свидетельствует и то, что эта работа разошлась мгновенно и вскоре же стала библиографической редкостью, а также последовавшие многочисленные обращения к авторам с предложением переиздать эту работу. Учитывая все это, имея целью удовлетворить читательские запросы и предпринято настоящее издание книги. Однако предлагаемая вниманию читателей публикация не является идентичной первому изданию. Настоящее издание в значительной мере дополнено. В работу включен написанный нами очерк "Т. Г. Шевченко о народно-ос-

один из местных функционеров, проверяющий научно-исследовательскую деятельность Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР, увидев эту работу, быстро перелистал ее, затем вернулся к первой странице, громко, чуть ли не по слогам, произнес самую последнюю строку из обращения авторов к читателям: "Наша цель поставить проблему, привлечь к ней внимание", призадумался на время и, приняв особую позу, без всяких эвфемизмов грозно изрек: "Что это значит? Что по-вашему история борьбы горцев в первой половине XIXв. — является основной проблемой, которую должны изучать советские кавказоведы?" Стало жутко! Неприятно было ощущать пристальный, пронизывающий насквозь взгляд его стеклянных глаз и в то же время обидно было за него же, ведь он, ни о чем другом не говоря, если верить документам — дипломированный историк. O tempora! O mores! (O времена! O нравы!)

Как бы то ни было, эта, походя брошенная реплика, оказалась зловещей. Не прошло и двух недель, как в газете "Дагестанская правда" была опубликована объемистая разносно-разгромная рецензия, озаглавленная "Достоинства и огрехи одного исследования", за подписью писателя К. Султанова. Осталось только невыясненным, по личной инициативе или по подсказке тех же функционеров написал он этот, с позволения сказать, отзыв. Ясно было одно, это "критическое сочинение" было составлено в духе культивируемого в те годы — "обработочного жанра". И как следовало ожидать, автор так и не обнаружил в рецензируемой им работе никаких достоинств, а все его ни чем не обоснованные обвинения, нарочито высокомерные, рассчитанные на сенсацию, выпады основывались на пяти обнаруженных в публикации опечатках. Этих, давно оставшихся в прошлом фактов, мы коснулись лишь только с целью, чтобы еще раз показать, в каких условиях приходилось трудиться нашим историкам в недавнем прошлом.

Кстати сказать, надо признаться, что в небольшой степени сложившуюся в застойное время обстановку осложняли и драматизировали доморощенные "охранители" местного масштаба. Именно в итоге их "бдительности" в свое время пришлось набранный в типографии сборник документов "Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х годов XIXв." в трех томах превратить в однотомник. По этой причине не были изданы ценные во многих отношениях сочинения местных авторов: "Воспоминания Абдурахмана". "Рассказ кумыка о кумыках" Д. -Г. Шихалиева и др. Не

вободительной борьбе народов Северо- Восточного Кавказа”. По этой причине пришлось несколько видоизменить и название работы. Предлагаемое издание значительно расширено “свежими” материалами и новыми обобщениями. В предпосланном к основным разделам книги ввводном очерке “Нашими устами говорит вся Россия нарождающаяся” несколько расширен и рассказ об истории движения горцев Дагестана и Чечни. Внесены новые сведения и в “Заключение” публикации.

Авторы глубоко признательны редактору, ныне уже покойному, незабвенному академику А. Л. Нарочинцкому, руководителю Северо- Кавказского научного центра высшей школы, член-корр. РАН Ю. А. Жданову, зав. кафедрой РГУ проф. А. П. Пронштейну, чьи советы и замечания способствовали улучшению содержания книги. Выражаем искреннюю благодарность зав. кафедрой Дагпедуниверситета доктору исторических наук, проф. М. Ш. Шигабудинову, старшему научному сотруднику Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН Д. М. Магомедову за рецензирование исследования, научным сотрудникам Е. И. Иноземцевой, З. М. Абдулаевой, редактору издательства Северо- Кавказского научного центра высшей школы В. В. Дашевской, а также всем сотрудникам отдела Отечественной истории ИИАЭ и всем коллегам, принявшим участие в подготовке к печати настоящего издания.

В. Г. Гаджиев

instituteofhistory.ru

I. "НАШИМИ УСТАМИ ГОВОРИТ ВСЯ РОССИЯ НАРОЖДАЮЩАЯСЯ"

Кавказ с яркокрасочной природой, неисчислимо разнообразными богатствами, пестротой своего разноязычного населения всегда привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей: "Странно, — писал акад. Н. Дубровин, — что ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ".¹ Но едва ли еще какому-нибудь вопросу истории народов Кавказа посвящено столько исторических исследований, художественных произведений, сколько многолетней героической и одновременно драматической борьбе горских народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. Эта многочисленная, разнохарактерная, всевозможного толка литература, издававшаяся чуть ли ни во всех странах мира, по разному оценивала борьбу горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Движение горцев Дагестана и Чечни под флагом кавказского юридика, затрагивавшее интересы слишком многих людей, общественные круги различных народов и стран, не располагало к спокойной, трезвой, объективной и реалистической оценке этого крупного и трагического явления. Приверженцы или противники судили о борьбе и его предводителях с субъективных позиций, горячо и с пристрастием, либо чрезмерно придиричиво, либо со всепрощающим снисхождением, превращая таким образом "суд истории в пристрастное судилище". Дворянско-буржуазные историки собрали большой фактический материал, но не сумели раскрыть подлинные причины, вызвавшие это движение и определить его истинный характер. Под их пером движение горцев Дагестана и Чечни, имеющие глубокие социально-политические корни, превратилось в историю героев и личностей. Главную причину борьбы они видели в "извечной вражде" мусульман и христиан и привычкой горцев жить войной и набегами на соседей. Всю борьбу по существу сводили к деяниям руководителей движения, видя в них "начала добра и зла". И таким образом персонифицировали историю. В целом же движение горцев за свои права и его подавление

самодержавием характеризовали как борьбу цивилизации с "самым упорным варварством". Официальной линии в русской литературе историографии противостояло направление прогрессивно-демократическое, в лице передовых деятелей русской литературы. Естественно, что прогрессивные деятели России в своих взглядах на исторические события были связаны с идеологией и философией своей эпохи. И все же некоторые из них (А.С. Пушкин и др.), "в большей мере оставаясь на идейных позициях господствовавшей в их время историографии, в ряде суждений уже преодолевали ее ограниченность... такое преодоление происходило иногда не столько путем теоретического пересмотра распространенных исторических концепций, сколько путем правдивого изображения средствами художественного реализма".² А главное, передовые деятели России своими практическими делами выражали сочувственное отношение к горским народам, в специфических условиях самоотверженно отстаивающих свои права на самостоятельную жизнь и свободу. Насилие и гнет самодержавия в отношении горцев вызывали у них протест. Одним из первых против жестокой политики самодержавия на Кавказе выступил писатель В.Т. Нарезный. В своем сатирическом романе "Черный год или горские князья", он в иносказательной форме обрисовал картину вопиющих беспорядков в Кавказском управлении, подверг беспощадной, но вполне справедливой критике местных владетелей. Не имея возможности показать в романе царского генерала под настоящим именем, автор, прибегая к эзоповскому языку, вывел в образе астраханского хана Самсудана главнокомандующего на Кавказе Кнорринга. В романе созданы реалистические картины разоренных в результате карательных экспедиций царских войск горских селений, разрушенного хозяйства.³

По достоинству оценил народы Кавказа великий русский писатель А.С. Грибоедов "Он был одним из первых русских писателей, с любовью относящихся к нашему краю, — писал известный грузинский деятель Д. Эристави, — он один из первых, если не первый, сумел понять, что на Кавказе живут и будут жить люди достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли".⁴

Признавая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, Александр Сергеевич в то же время открыто осуждал систему управления краем, построенную на насилии, грабежах и изменах. "Боже, какие у нас здесь генералы! — с горечью

писал А. С. Грибоедов. — Они точно нарочно созданы для того, чтобы еще более утвердить меня в отвращении, которое я питаю к чинам и отличиям".⁵

В литературе утвердилось мнение, что А. С. Грибоедов с похвалой отзывался о генерале А. П. Ермолове. И действительно, А. С. Грибоедов в ряде своих высказываний восхищается мужеством, проникательностью и умом проконсула Кавказа. Но при этом следует помнить, что А. С. Грибоедов еще в 1819 подчеркивал, что он пугает горцев всевозможными карами и заключал: "... я не оправдываю иных его самовольных поступков".⁶ А карательные экспедиции А. П. Ермолова в горы Дагестана и Чечни А. С. Грибоедов назвал борьбой "горной и степной свободы с барабанным просвещением".⁷

Говоря о необоснованных жестокостях, допускаемых при правлении А. П. Ермолова, А. С. Грибоедов приходит к совершенно верному выводу, что "действовать страхом и щедротами можно только до времени, одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы со знаменами победителей" и считает, что известный партизан и поэт Д. Давыдов "во многом поправил бы ошибки самого" А. П. Ермолова.⁸

Следует особо подчеркнуть, что великий русский поэт не скрывал от главнокомандующего своего отрицательного отношения к проявленным им неоправданным жестокостям.

О восставших кумыках, жителях Эндрей-аула, А. С. Грибоедов говорил, что их "волновал не столько имам (имеется в виду Гази-Магомед),... как покойный Греков, способный человек, но грабитель" и заключал, что на Северном Кавказе "хороших начальников вовсе нет".⁹⁻¹⁰

Небезызвестно отметить, что А. С. Грибоедов, несмотря на служебное положение и даже родственные отношения, не всегда хорошо отзывался о преемнике Ермолова — генерале И. Ф. Паскевиче. В 1828 году в беседе с Д. Давыдовым, Шименьковским и другими он подчеркивал, что "Паскевич так невыносим".¹¹ Великий русский писатель с любовью относился к горским народам Кавказа, называя их "вольным и благородным народом". Он всячески пытался облегчить их участь, советовал правительству "равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации не были"¹², а правителям Кавказа советовал не вмешиваться во внутреннее управление народов Кавказа: "Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его правам и обычаям законов, которых ник-

то не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбирать судей, которым он доверяет, если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию".¹³

Вместе с тем весьма интересно отметить, что граф Паскевич, являющийся не меньшим реакционером и колонизатором, чем его предшественники, считал возможным ввести на Кавказе вместо военного гражданское управление. "Военное управление, - писал он Николаю I, - замедляет... просвещение, напротив того, управление гражданское скорее умягчит нравы и вернее причит к познанию взаимных отношений, общественных обязанностей и законов".

¹⁴ Хотя и после этого письма в управлении Кавказом не произошло никаких изменений, небезынтересен все же тот факт, что с такими предложениями к императору обратился именно главнокомандующий на Кавказе граф Паскевич. Вполне вероятно, что это явилось результатом влияния на него русского писателя А.С. Грибоедова.

С Кавказом был тесно связан и великий поэт А.С. Пушкин. "Он один только певец Кавказа, - писал Н. В. Гоголь, - он влюбился в него всею душою и чувствами".¹⁵ В произведениях "Кавказский пленник", "Путешествие в Арзрум", "Кавказ", "Обвал" и других великий поэт, которому по праву принадлежит честь открытия в художественной литературе, правдиво показал и "дикую волюность", и человечность, и трудолюбие горцев. Он посвящает горцам Кавказа много теплых, полных глубокого сочувствия строк.

Именно такой подход к изображению кавказских народов позволил великому критику В. Г. Белинскому указать, что "муза Пушкина как бы осветила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем".¹⁶ Признавая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, гений русского народа А.С. Пушкин глубоко сочувственно относился к горским народам, оказавшимся под игом царизма.

*Так буйную юность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Как ныне безмолвный Кавказ негодует,
Как чуждые силы его тяготят -*

писал он в стихотворении "Кавказ".¹⁷

Борьбу народов Кавказа за свою свободу и независимость А.С.

Пушкин сделал темой ряда своих произведений. В них он восхищался и высоко ценил свободолюбие и отвагу горцев, вынужденных вести неравную борьбу с самодержавием и скромно мечтал о временах грядущих, "когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся".

А. А. Шишков - "один из лучших представителей гражданской поэзии в 20-х гг. XIX в., поэзии декабристов и Пушкина"¹⁸, сосланный в 1818 г. "за вольнодумность", на Кавказе пробыл до 1821 г. Участвовал в походах в Северный Дагестан. В романе "Кавказ или Грузия 1812 г.", вопреки утверждениям представителей официальной России, А. А. Шишков показывает, что "антирусские настроения живут в среде царевичей и князей, мечтавших о реставрации старых порядков, трудовое же население стремится к дружбе с Россией, оно восстало существенно из-за невыносимого гнета".¹⁹ Он любил природу Дагестана "и храбрых горцев дух великий, дивился прошлым их делами".

Ненависть к царизму, любовь к свободе, сила патриотического чувства, сочувствия, горечь бессилия и обреченность, но вместе с тем жажда мести и борьбы являлись основными мотивами творчества выдающегося русского поэта А. И. Полежаева, сосланного на Кавказ за сатирическую поэму "Сашка". Вынужденный участвовать в походах царских войск против горцев, поэт-солдат благожелательно относился к судьбе народов Северо-Восточного Кавказа. Он хотел чтобы народы не враждовали между собой. Поэт писал:

*"В то время русские охотно
Желали видеть их базар,*

** * **

*Мирный чеченец, кабардинец,
Кумык, лезгин, койсубулинец,
И персиянин, и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь, как у друзей,
Красою праздничных нарядов".*

Известно, что царь и его окружение называли Кавказ "теплой Сибирью", это было место ссылки политически-неблагонадежных элементов, тех, кто проявлял себя каким-либо беспокойством и нарушением порядка. После подавления восстания 14 декабря са-

модержавие в 1825-1828гг. сослало на Кавказ большое число декабристов. 21 "На Кавказе вообще, - свидетельствует А. Зиссерман, - искони был вкоренившийся уже обычай относиться самым снисходительным образом ко всяким разжалованиям". 22 На это указывают и сами декабристы. 23 Оказавшись не по своей доле здесь, декабристы участвовали в войнах России с Ираном (1826-1828) и Турцией (1828-1829). Однако многие из них были уверены, что воюют они не ради захвата и грабежей. "Оскорбительно даже думать, - писал декабрист И. Г. Бурцев, - что столь великие жертвования кровью русскою и казною делаются для каких-нибудь доходов или плантаций сахарных". 24 Декабристы были уверены, что участвуют в освободительной войне. Они видели в лице Оттоманской Поры не только "угнетательницу славянских народов и поработительницу Греции. Задача недопущения влияния Турции на Кавказе и освобождения народов Кавказа от удушающего деспотизма и религиозного фанатизма Турции представлялась им вполне прогрессивной и продиктованной насущными интересами России". 25

Совершенно иначе относились декабристы к горским народам Кавказа и их мужественной борьбе с самодержавием. Декабристы, как и их предшественники, подвергали резкой критике кавказскую политику царизма и активных ее проводников наместников Кавказа и их окружение. Было время, когда передовые деятели России высоко оценивали деятельность ген. А. П. Ермолова, а декабристы даже намечали его в руководители обновленной России. Однако позже, анализируя его кавказскую деятельность, несколько иначе оценивали личность "проконсула Кавказа". Так в 1826г. А.С. Грибоедов в письме к своему другу Бегичеву назвал А. П. Ермолова "человеком прошлого века" 26, в другом письме Грибоедов охарактеризовал наместника "сфинксом новейших времен". 27 В письме к М. И. Мазаровичу А.С. Грибоедов, имея в виду А. П. Ермолова, с иронией писал: "... его превосходительство господин проконсул Иверии". 28 По свидетельству современников А.С. Грибоедов говорил, что "Сардар Ермолу, как азиатцы называют Ермолова, упрям как камень и ему не возможно внушить какую-нибудь идею. Он хочет, чтобы все происходило от него и чтобы окружающие его повиновались ему безусловно". 29

"Я сказал в глаза Алексею Петровичу, - говорил А.С. Грибоедов М. С. Щепкину, - вот что: зная ваши правила, ваш образ мыслей, приходишь в недоумение, потому что не знаешь, как

согласить их с вашими действиями, на деле вы совершенный деспот". "Испытай прежде сам власть,- отвечал мне Ермолов,- а потом осуждай".³⁰ Касаясь ни чем не обоснованных жестокостей, А. С. Грибоедов записал в "Путевых заметках": "Нет не при нем здесь (на Кавказе - В. Г.) быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей..., которые слово его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет ослушников".³¹ Уверенный в невероятной жестокости проконсула Кавказа", для которого не будет никакого оправдания, А. С. Грибоедов писал Бегичеву: "Чтобы дальше не иовничать, пускаюсь в Чечню, А. П. (Ермолов - В. Г.) не хотел (почему бы? - В. Г.), но я сам ему навязался. Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действием конгревов. Будем вешать и прощать и шлюем на историю... В Чечню! В Чечню!".³²

А. С. Пушкин в свое время отдал дань увлечению А. П. Ермоловым. В письме к брату Льву в период первого посещения Кавказа он писал о нем: "... любопытен во всех отношениях". Ермолов "наполнил его своим именем и благотворным гением".³³ Увидев его в 1828 г. Поэт писал: "С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем, — лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественная. Когда же он задумается и хмурится, то становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом".³⁴ Пушкина поразило соединение головы тигра- хищника и торса Геркулеса- благородного силача, атлета. А в 1834 г. А. С. Пушкин открыто называет А. П. Ермолова "великим шарлатаном".³⁵ О "проконсуле Кавказа" ходила молва, что он был близок к декабристам, будто бы он спас от неминуемого ареста В. К. Кюхельбекера и от осуждения А. С. Грибоедова, его оппозиционности. Сам А. П. Ермолов говорил, что он не любит "поблажать шалостям молодых людей".³⁶ Что касается оппозиционности Ермолова, то, по словам хорошо знавшего его П. А. Вяземского, она представляла собой не более, как "внешнее явление", а в сущности он был человеком власти и порядка".³⁷ Большим доверием и расположением пользовался А. П. Ермолов у российского монарха. "Надобно знать,- писал В. Андреев,- что

Ермолов - любимец Александра и друг брата его Константина...³⁸ Иначе он не был бы назначен Александром I командующим стотысячной армией, которая должна была подавить революцию в Италии. Или, как справедливо отмечал проф. А. В. Фадеев, "Александр I не стал бы держать Ермолова бессменно на Кавказе, если бы не был уверен, что он сумеет лучше других обеспечить там необходимый "порядок", т. е. режим сурового колониального управления".³⁹ И действительно, А. П. Ермолов был одним из последовательных и активнейших проводников жестокой кавказской политики царизма. И неслучайно период его управления на Кавказе даже дворянско-буржуазные историки характеризовали "началом систематической войны против горцев".⁴⁰ Первый биограф проконсула Кавказа Ф. М. Уманец в унисон Грибоедову подчеркивал, что с приездом Ермолова "изменился язык, на котором мы разговаривали с непокорными горами".⁴¹

При А. П. Ермолове в Дагестане находились декабристы Бобрыкин и А. П. Воейков, которые не таясь, рассказывали о его жестокостях. Побывавший в 1820г. в Дербенте Н. Н. Муравьев записал в своем дневнике: "Рассказы, слышанные мною касательно кампании Ермолова, не могут быть здесь помещены, ибо, не имея настоящих сведений на сей счет, мне бы не хотелось осуждать действия 12-тысячного корпуса... Много говорят о несправедливостях, которые допускал сам главнокомандующий на Кавказе. Жестокие поступки, которыми он ознаменовал себя в течение прошлого года, совсем несовместимы со свойственным ему добродушием". Обо всем этом Н. Н. Муравьев думал сказать А. П. Ермолову "прямо, что стыдится за него, и это будет концом их отношений".⁴²

Сосланный на Кавказ поэт А. А. Шишков говорил о А. П. Ермолове: "Его здесь боятся, как разрушительного грома".⁴³ Мы же добавим, что его в Дагестане боялись и именем его пугали детей говоря: "Ермолу идет".⁴⁴ Сам проконсул Кавказа знал обо всем этом и не только не стыдился своих жестокостей, но и бравировал ими, считая это заслугой. "Надобно признать, - писал он ген. А. А. Закриевскому, - что меня здесь очень не любят, но и то правда, что правительству ничего не теряет, ибо столько же боятся".⁴⁵

С осуждением произвола царских сатрапов выступали декабристы А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Лорер, А. В. Веденяпин, А. Н. Розен, Я. Костенецкий, В. С. Норов и многие другие. Они подвергали суровой, но справедливой критике главнокомандую-

щих на Кавказе Паскевича-Эриранского, Розена, Нейдгара и др. "Нет, - писал П. Ф. Выгодский, - подлее, гнуснее и омерзительнее в мире мерзавца, канальи и людоеда, как Паскевич- урод и чудовище сам диавол красавцем против него".⁴⁶ "Что сказать Вам о состоянии здешнего края?, - писал А. Бестужев- Марлинский, - Паскевич, отдав свою доверенность людям, которые всего менее ее заслуживали, довел Кавказ до высшей степени растрояства".⁴⁷ О главнокомандующем на Кавказе Борловине декабрист В. С. Толстой писал: "Самый бездарный, неспособный военный генерал, годен только устроить смотр, парад, развод со всеми мелочами, перед знатью и влиянием до низости искалечен, перед подчиненными надут и до дерзости; на Кавказе прозван "булочник немецкий".⁴⁸

С критикой кавказского управления и особенно против применения насильственных мер выступал декабрист А. О. Корнилович⁴⁹, А. И. Полежаев⁵⁰ и другие представители передовой прогрессивной русской культуры. Выступая против жестких карательных экспедиций, часто предпринимаемых Кавказским командованием, декабрист Н. И. Лорер писал: "Огонь и меч не принесет пользы, да и кто дал нам право таким образом вносить образование к людям, которые довольствуются своей свободой". Ему вторил А. Е. Розен, А. А. Бестужев и др. Все считали, что включение Кавказа не должно осуществляться исключительно одним оружием, а на основе экономического и культурного сближения горцев с русским народом.⁵¹ Будучи горячими патриотами своей Родины, декабристы рассматривали присоединение Кавказа к России как положительное явление, и, что особенно важно, они были убеждены, что русский народ сыграет важную роль в экономическом и культурном возрождении многочисленных народов Кавказа. "Кавказу суждены в будущем великие судьбы"; - предсказывал А. Бестужев- Марлинский. И повторял подобившиеся ему слова писателя Томаса Мора: "Дайте Кавказу мир, - и не ищите земного рая... он здесь". В светлое будущее народов Кавказа верил Н. И. Лорер: "Когда-то эти божьи места (т. е. Кавказа- В. Г.) путем просвещения цивилизации сделают образованного человека".⁵²

Оказавшись волею судеб на Кавказе, передовые прогрессивные деятели России делали все от них зависящее в развитии культуры народов Кавказа. В 1828г. А.С. Грибоедов вместе с П. Д. Завилейским составил проект "Записки об учреждении Российской Закавказской компании", в которой намечены были перспективы экономического и культурного развития края. По его иници-

Махачкала

Библиотека
СССР

162257

ативе было начато социально-экономическое описание Кавказа, в результате чего был составлен не потерявший и поныне своего научного значения четырехтомный труд "Образование российских владений за Кавказом" (1836г.) А.С. Грибоедов был и фактическим основателем газеты "Тифлисские ведомости".⁵³ Заместителем редактора газеты с самого начала издания до внезапного ареста был декабрист В. Д. Сухоруков.⁵⁴ Самое активное участие принимал А.С. Грибоедов в создании государственной публичной библиотеки и тифлисского "благотворительного училища". Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский с 1830 по 1834гг. служил в Дербенте. Здесь он изучил азербайджанский язык. Бывал он в Тарках, Кафир-Кумухе, Бойнаке, Курахе, Табасаране, Аварии. Это дало возможность богато и разносторонне одаренному Бестужеву ближе познакомиться с горцами, глубже изучить их быт, нравы, понять и высоко оценить их характеры. На материале, почерпнутом из реальной жизни горцев Дагестана, им были написаны крупные, получившие широкую аудиторию произведения: "Аммалат-бек", "Рассказы офицера, бывшего в плену у горцев", "Ших-Гусейн" и др. Здесь была задумана и повесть "Мулла-Нур". Романтические герои повестей, очерков и рассказов А. А. Бестужева-Марлинского наделены отвагой и свободолюбием. Реальные факты (с сохранением точных имен и характеров), описанные в его произведениях, как справедливо отмечает В. Васильев, "будили в русском читателе жажду свободы и борьбы, независимости личности от социальных и политических пут, пробуждали чувства уважения к обитателям Кавказа, сознательное чувство любви к народу, к дому, к яркой, счастливой жизни".⁵⁵ В большой дружбе был Бестужев с историком Азербайджана и Дагестана А. -К. Бакихановым, с алимом из Дербента Назаром Ахундовым и др., имел преданных кунаков в аулах Дагестана. Всех он ценил и оказывал известное влияние, способствовал расширению знаний горцев о России и русском народе.⁵⁶ Жители Дагестана отвечали писателю-декабристу взаимностью. "Все горцы от меня без ума, - писал он, - меня очень любят татары за то, что я не чужаюсь их обычаев, говорю их языком". "Добрый и веселый нрав Бестужева-Марлинского, - свидетельствует современник, — хорошее знание татарского (азербайджанского и кумыкского-В. Г.) языка, печальная и непонятная для многих судьба, все это привлекало сердца дербентцев к изгнаннику. Он был любимец жителей Дербента и, когда по приказу начальства Бестужев был переведен на Северо-Западный Кавказ, они нехотя рас-

стались с ним. Верхом и пешком, — продолжает очевидец, — двигалась толпа провожающих за дорожной повозкой верст двадцать до самого Самура, палили из ружей в прозрачное небо, пускали ракеты, били в бубны, пели, плясали, каждый провожал по-своему. Когда повозка стала осторожно спускаться к Самурской переправе, вся эта разноцветная толпа закричала, завизжала и завывала. "Прощай друг Исхандер-бек! На пути твоём лежат наши пожелания. Прощай!"⁵⁷ Читателю будет интересно узнать, что когда Бестужев в 1837 г. в стычке с горцами намысе Адлер был убит, возникла легенда, получившая широкое распространение, будто он не скончался; а бежал в Дагестан и продолжает бороться с царскими войсками в отрядах самого Шамиля.⁵⁸

Большую научную ценность представляют кавказоведческие сочинения декабристов И. Г. Бурцева, П. А. Муханова, А. И. Искрицкого, Е. Е. Лачинова, В. Д. Сухорукова, В. С. Норова, В. С. Толстого, А. Е. Розена, А. С. Гангблова⁵⁹ и др.

Известно, что ссыльные на Кавказе декабристы участвовали в боевых операциях царских войск по подавлению движения горцев Дагестана и Чечни. И это в отечественной и зарубежной литературе вменяется в вину декабристам. Правомерно ли все это? Попытаемся разобраться. Из вышесказанного читатель мог видеть, что декабристы подвергли резкой критике кавказскую политику самодержавия и ее активных проводников, советовали главнокомандующему не вмешиваться во внутреннее управление горских народов, глубоко сочувственно относились к горцам.⁶⁰ Однако, в силу своего положения, декабристы не могли избежать участия в военных действиях против горцев: не надо забывать, что они находились в самом бесправном и унижительном положении рядовых военнослужащих царской армии. Офицеры над ними форменным образом издевались, и они не могли ослушаться. Вот характерный пример. "Отдано приказание, — пишет Петр Бестужев, — послать меня в учение. Я повиновался, но нашел случай, спросил... поручика..., с каким намерением он требует этого, объявил ему, что за потерю руки, сам я не мог учиться..., и не могу учить других. Он ссылаю на приказ..., продолжал изнуять меня. С евангелическим терпением я продолжал посещать учения, безропотно переносил унижительную деспотию. Наконец, сырость казармы, мокрая и влажная погода и пронзительный ветер сделали меня совершенным барометром.

Правая рука от раны и левая от застарелой простуды пропа-

ли... Это заставило меня пойти к майору и просить о снисхождении. Он холодно отвечал, что это распоряжение ротного командира, и вот я снова под безусловною волею, капризами и претензиями ротного командира... Я не упоминаю Вам о неприличных выражениях и угрозах, кои он употребляет...⁶¹ "Невыносимо тяжелое положение в конце концов привело Петра Бестужева к душевному заболеванию. "Незаслуженные обиды, - писал А. А. Бестужев-Марлинский, - врезали в его сердце глубокую мизантропию, в ум глубокую меланхолию... Он изранен, изувечен, и никакого покоя, никакого улучшения его жизни, ни одного дружеского лица около... Это ужасно. Данте поместил бы крепость Бурную в свою *таком же Divina Comedia* и эта глава была бы сильнейшей".⁶² В таком или почти таком же положении находились и другие декабристы. Поэтому-то многие из них готовы были предпочесть смерть такой жизни. "Лучше умереть от пули, чем от тоски изгнания или от лихорадки"⁶³, - признавался В. С. Норов. А. О. Корнилович в письме к своему брату от 30 января 1834 г. из лагеря "Царские Колодцы", писал: "Наша судьба такова, что без экспедиции едва ли успеешь вырваться из своего сыромяжного наряда". А когда полк, в котором служил А. О. Корнилович, направился в Дагестан, он заметил: "... Мне суждено лишь под пулями искать облегчения своей участи; авось благодатный кусок свинца, пущенный черкесом, сократит время моего странствия в броне сыромяжной".⁶⁴ В письме же к матери писал: "Полк, в котором я нахожусь, выступает в поход в горы Дагестана... Если господь бог поможет, то поход этот даст мне возможность вырваться из этого положения".⁶⁵ И что же удивительного в том, что декабристы, оказавшись в невыносимо тяжелых условиях, доведенные до крайности, готовы были идти на все ради избавления своего, не останавливаясь даже перед опасностью жизни. Однако многие декабристы так и не дожили до желанной свободы. А. О. Корнилович погиб в Южном Дагестане, А. М. Миклашевский - при взятии укрепленного места Чумискент в 1832г., А. А. Бестужев-Марлинский, как указывалось выше, на Северо-Западном Кавказе. "Смерть брата Александра - как и следовало ожидать - произвела... потрясающее действие, как будто происшествие, внезапно постигшее всех, тогда как все, а особенно мы с братом, были уже к этому приготовлены письмами его в которых пробивалась его решимость - искать смерти, и уже заметным намерением правительства вывести его в расход".⁶⁶ Декабрист А. Е. Розен свидетельствует о том, что А. А. Бестужев "все время рвался

в бой".⁶⁷ Как бы продолжая эту мысль, В. С. Толстой пишет: "Бестужев, выйдя на берег, никому ничего не сказав, ушел в степь, где был ранен"⁶⁸ смертельно. Таких примеров множество. Но и приведенные не оставляют сомнения в том, что участие декабристов в борьбе против восставших горцев было вынуждено. Однако вынужденные участвовать в качестве рядовых солдат Николаевской армии, они не испытывали у горцев ненависть, не считали их своими врагами. О своем "отвращении к ремеслу солдат" писал П. Бестужев.⁶⁹ "Признаюсь, - заявлял Норов, - что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был там более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами... Я всегда восторгался их героическим сопротивлением".⁷⁰ "Побежденными друзьями нашими" называет кавказцев декабрист А. В. Веденяпин.⁷¹ "Я дерусь, - писал А. А. Бестужев совершенно без цели, без долга даже".⁷² "Я если и служу, то служу лишь для вида".⁷³ замечал А. О. Корнилович. Восхищаясь храбростью горцев, А. А. Бестужев подчеркивал: "Черт меня возьми, такие удалцы, что я готов расцеловать яного. Вообразите, что они стоят под картечью и кидаются в шашки на пешую дель, - прелесть что за народ! Надо самому презирать опасность, чтобы оценить это мужество".⁷⁴ Красочно описывая сражения, участником которых он был, А. А. Бестужев в письме к историку и издателю-журнала "Московский телеграф" Н. А. Полевому отмечал: "варварский образ этой войны доселе мне худо знакомый", а в письме к брату Павлу он крайне отрицательно отзывался о характере войны, которую ведет самодержавие.⁷⁵ Весьма примечательно и то, что и рядовые русские солдаты не смотрели на горцев как на своих врагов. После выступления в Акушу в 1819г., исполнившие поручения войска расположились на зимних квартирах в деревнях. Скоро солдаты сдружились с сельчанами до того, что помогали им во всех домашних работах и жили как родные. "Забавно было видеть усача нашего, в огромном хозяйском тулупе, с ребенком на руках, забавлявшего малютку, в то время как мать занималась рукоделием или хозяйством".⁷⁶ И горцы отвечали им взаимностью. В "Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев" А. А. Бестужев описал встречу с беглым русским солдатом. "Пятнадцать лет служил, - говорит солдат, - я верой и правдой богу, государю, проливал кровь в Шведчине и в Турции... да видно мой грех до меня дошел... Я нашел здесь добрых людей, научился чужому языку, нашел жену и детей, - а все же другой родины не нажить и прежней не позабыть".⁷⁷ "Горцы, - говорил бывший в плену

местным населением, возникло благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов".⁸⁴

С Кавказом тесно связана судьба великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. "Странное дело! Кавказу как- будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, - писал великий критик В. Г. Белинский, - вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм "Кавказского пленника", и одна из последних его поэм "Галуб" тоже посвящена Кавказу, несколько превосходных лирических стихотворений его также относятся к Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое "Горе от ума": "дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов, вдохновляли его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатичного, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов- этих карикатур на природу человеческую... И вот является новый великий талант и Кавказ делается его поэтической родиной, любимой им: на недоступных вершинах Кавказа, венчаемых вечным снегом, находит он свой Парнас в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой кастальский ключ, свою Ипокрену".⁸⁵ Великий критик был прав, М. Ю. Лермонтов "главным образом любил Кавказ". В превосходном стихотворении "Кавказ" сам поэт говорит: "Как сладкую песню отчизны моей люблю я Кавказ". Одновременно М. Ю. Лермонтов выражает свое отношение к Кавказу как "к жилищу вольности простой".

Критикуя колониальную политику царизма, М. Ю. Лермонтов в ряде своих произведений показывает и "коварство" феодальных верхов Кавказа. К простым же горцам М. Ю. Лермонтов отнесился с любовью:

*"Люблю я цвет их желтых лиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор,
И их гортанный разговор".⁸⁶*

Прав акад. Л. В. Черепин, утверждая, что великий поэт не остался, да и "не мог остаться равнодушным и безучастным к движению горцев против колониальной политики царизма, хотя и видел, что среди самих горцев имеются противоречия, и понимал ис-

ну С. Рябов,- замечая во мне хорошее расположение духа и веселость, не раз предлагали остаться у них навсегда, принять их веру и жениться, обещая любую невесту в ауле, даже с огромным по их понятиям приданым- 50 голов баранов".⁷⁸ Даже ген. Барятинский вынужден был признать, что "постепенно сконилось в горах... довольно большое число пленных и беглых нижних чинов, которые живя между горцами долгое время, осваивались с их образом жизни и нравом, а некоторые женились, приживали себе семейства".⁷⁹ В горах Северо-Восточного Кавказа имелись и такие русские солдаты, которые были усыновлены горянками.⁸⁰ Б. Андреев вспоминает, что русские солдаты определенное время были расквартированы в одном из горских сел, когда пришла пора им "оставить селение, все мужчины провожали их более 5-ти верст, везли хлеб, мед, молоко, и с истинным сожалением дагестанцы расставались с русскими".⁸¹ Имея в виду горцев Северного Кавказа, Павел Бестужев писал: "Черкесы исстари были союзниками русских". И хотя феодально-клерикальные верхи разжигали ненависть, горцы-продолжает он, не питают вражды к русским, "до сих пор гостеприимный порог черкесов надежнее всякого оружия защищает стариков от нападения врага".⁸² Об отношении горцев к русским солдатам говорит и следующее свидетельство декабриста Я. Костенецкого. "В Хунзахе,- пишет он, мы были безопасны между ними (горцами-В. Г.), что ходили даже без оружия. Это было очень странно... здесь, в горах, между неизвестным нам народом, мы были совершенно как дома, я возьму бывало книжку и пойду гулять по полям хунзахским, как будто в Малороссии по собственным поместьям: недоставало только халата. Встречавшиеся аварцы приветствовали меня "Салам алейкум" как будто своего земляка, и спокойно продолжали свой путь".⁸² О враждебном отношении горцев к своим порабощителям и о доверии к демократически настроенным русским свидетельствует весьма показательный факт. Один из активных проводников колониальной политики царизма ген. Засс, прославившийся неопишескими жестокостями, не смог поставить горцев на колени. Те его "так ненавидели, или лучше сказать боялись, что присылали депутатов к Роту (начальник части на Северо-Западном Кавказе, в которой служили декабристы-В. Г.) с наивной просьбой помочь им пушками и казаками идти вместе с ними против Засса".⁸³ Акад. М. В. Нечкина обратила внимание и на другую сторону деятельности декабристов на Кавказе. Здесь вокруг них создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с

торическую прогрессивность вхождения народов Кавказа в состав российского государства".⁸⁷

Великий поэт убежден, что народам Кавказа не по пути с "дряхлым Востоком", вхождение же с состав России прочно оградит его народы от иноземных вторжений и будет способствовать развитию производительных сил края.⁸⁸

Гениальные творения певца вольности, как известно, способствовали распространению объективно верных сведений о жизни, быте, нравах и борьбе горских народов Кавказа за свободу и независимость и тем самым вызывали в передовых кругах русского общества глубокое сочувствие и уважение к горцам.

Говоря о сосланных на Кавказ, нельзя не упомянуть известных своей близостью к декабристам В. Д. Волховского, Н. Н. Раевского и др., "переведенных в Кавказский корпус в 1826г., "хотя официально и не в порядке наказания". В 1833г. В Эриванский карабинерный полк Кавказского корпуса был переведен бывший член декабристской организации "Союза спасения" писатель и драматург П. А. Катенин. Перевод этот всеми был воспринят равнозначным новой ссылке. Однако его положение через 3 года изменилось. Друзьям удалось перевести П. А. Катенина в город Кизляр, где он до ноября 1838г. Состоял в должности коменданта. Все они сочувственно относились к борющимся горцам и подвергали критике проводимую царизмом на Кавказе политику. Одна миролюбивая политика, - писал Н. Н. Раевский, "может вести к прочному их (горцев-В. Г.) покорению, всякая другая, основанная на разорениях и кровопролитии, вредна... торговля, сближая горцев с нами, доставляя огромные выгоды..., не может иметь вредных последствий". Система же карательных экспедиций "отдалит покорение черкесского народа".⁸⁹ Резко осуждая политику царизма, Н. Н. Раевский писал: "Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами".⁹⁰

На Кавказ в эти годы переводились и молодые офицеры, которые не могли вынести аракчеевщину и надеялись за хребтом Кавказа укрыться от постоянных подозрений жандармской слежки:

*"От их всевидящего глаза
от их всеслышающих ушей"*

"Лучшие из офицеров, - писал впоследствии А. Васильчиков, — старались вырваться из Михайловского манежа и Красносельс-

кого лагеря на Кавказ"⁹¹. Побывавший в 1839г. В России маркиз де Кюстин писал, что он видел в России людей, "краснеющих при мысли о гнет сурового режима, под которым они принуждены жить, не смея жаловаться. Эти люди,- продолжал он,- чувствуют себя свободным только перед лицом неприятеля. Они едут на войну в глубине Кавказа, чтобы отдохнуть от ига, тяготеющего на их родине. Эта печальная жизнь накладывает преждевременно на их чело печать меланхолии, контрастирующую с их военными привычками и беззаботностью их и вызывает живейшее сострадание. Эти молодые люди заимствовали у Востока его серьезность и воображение северных народов,- туманность и мечтательность, они очень несчастны и очень привлекательны: ни один обитатель иных стран не подходит на них".⁹² Большой интерес для нас имеет и суждение неоднократно посещавшего Кавказ, героя Отечественной войны 1812г., партизана, близкого к декабристам и А.С. Пушкину, поэта Д. Давыдова. Имея в виду горские народы Северного Кавказа, в письме Вальтеру Скотту в январе 1827г. Он писал: "Когда-нибудь я попытаюсь описать обычаи этих воинственных народностей, добродетели и преступления которых, героизм и тупость, честность и хитрость достойны пробудить любопытство и философа, и война".⁹³

В 1844г. Выл опубликован привлекший к себе внимание роман Е. Хамар-Дабанова "Проделки на Кавказе". Прочитав книгу, Николай I пришел в ярость. И было от чего. В ней раскрывались закулисные стороны борьбы с горцами. "Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза!", - говорил император военному министру державы ген. А. И. Чернышеву. Последний в свою очередь обратил внимание начальника штаба Отдельного корпуса жандармов Л. В. Дубельта на роман, заметив при этом, что "книга эта тем вреднее, что в ней строка, то правда!"⁹⁵

Естественно, что книга была запрещена и переиздана лишь в наше время, спустя 142 года. Под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов скрывалась Е. П. Лачинова (1813-1896), приехавшая на Кавказ вместе с мужем ген. Н. Е. Лачиновым в 1836г. Исследователи полагают, что главным действующим лицом в романе является декабрист, но не брат мужа Е. Е. Лачинов, а более значительная "фигура".⁹⁶ Несомненно и то, что Екатерина Петровна в своем романе использовала рассказы Н. Е. и Е. Е. Лачиновых, А. А. Бестужева-Марлинского и др. В плане нашего повествования важно, что автор устами главного героя Александра Пустогородова

разоблачает колониальную политику самодержавия, вскрывает лицемерие царизма, объясняющего свои действия на Кавказе "благодетельными" и "цивилизаторскими" целями. Автор не побоялась смело сказать правду о невероятных жестокостях, творимых царскими сатрапами на Кавказе, не побоялась бросить гневное слово обличительной правды в лицо царизма. Устами того же главного героя автор дает уничтожающую характеристику офицера кавказского командования. "Здесь между людей,- говорит он,- редко встретишь человека! Расчеты, честолюбие, желание не заслужить, а выслужить награду, поглощают все истинные добродетели, порождают презрительную и постыдную искаственность, обращаются в одно всеобщее сплетение лжи, обмана и каверз".⁹⁶ Прав С. Бойко утверждая, что "ни в одной из книг, ранее или позднее написанных в эпоху царизма, вы не встретите столько примеров жестокости со стороны царских генералов"⁹⁷, как в книге Е. П. Лачиновой. Чего стоит хотя бы одна сцена-диалог между толмачем и горцем Алимом, описанная в романе. Алим говорит: "Генерал очень сердис на капитан, сказал- фу, черт! До сорока тел убитых черкес и башка не привозил; чтобы велел казак голова руби и приторочит к седло; да еще черкес пятнадцать ранен: в плен на кой черт их? Голова долой и мне прислал". Этому диалогу дано подстрочное примечание: "За Кубанью вел обычай между казаков отрезывать головы у убитых черкесов. Родные выкупали головы потому, что по туземным обычаям нельзя хоронить головы; поэтому-то занимающимся таковым торгом гораздо выгоднее иметь голову, чем пленного".⁹⁸ Однако в вышеописанном диалоге речь идет о вышеупомянутом, отличавшимся особой жестокостью генерале Г. Х. Зассе, который приказывал своим подчиненным отрезать головы горцев, а затем отсылали их в Берлинскую академию наук для исследования.⁹⁹

Уничтожающей критике в романе подвергнуты и другие администраторы Кавказского управления: генерал П. Е. Коцебу (в романе Мешик зебу), инженер Компанейский (Янжил-паша) и др.

Выше мы приводили высказывания передовых деятелей России, свидетельствующие о глубоко сочувственном их отношении к горцам. Однако Е. П. Лачинова в романе восхищается не отдельными личностями, а всем народом. Она открыто заявляет: "Я люблю их дикую честность! Возьмите черкеса, разберите его как человека- что за семьянин. Как набожен! Он не знает отступничества, несмотря на тяжкие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромнен в своих потребностях и желаниях, как верен в дружбе, как

почитателен к духовенству, к старикам, к родителям! О храбрости нечего и говорить - она слишком известна! Как с ней он повинуется обрядам старины, заменяющим у них законы! Когда же дело общественное призовет его к ополчению, с какой готовностью покидает он все, забывает вражду, личности, даже месть и кровопролитие! Черкесов укоряют в невежестве, но взгляните на их садоводство, ремесла, особенно в тех местах, где наша образованность не накладывала просвещенной руки своей, и вы согласитесь со мною, что они не такие звери, какими мы привыкли их почитать!"¹⁰⁰

Голоса, возражающие против насильственных мер, раздавались и со страниц некоторых журналов и книг. Так, в статье "О сближении горцев с русскими на Кавказе" С. Иванов предлагал строить взаимоотношения России с горцами на базе экономического и культурного общения. Для этого он считал необходимым организацию базаров в определенные дни; строительство мечетей и открытие школ. "Развитие торгово-экономических связей, - подчеркивал он, - даст толчок росту производства кустарной промышленности; подъему благосостояния и будет содействовать смягчению характера первых (горцев-В. Г.) и, высказывая и выгоды цивилизованной жизни, выставит русских не как грозных победителей, жаждущих войны, ищущих кровопролития, а как нацию, заботящуюся об улучшении их состояния. Эти сближения могут послужить началом образования края и значительно облегчить военные операции и даже иногда устранить их печальную необходимость".

101

Гораздо дальше в высказываниях подобного рода пошел в своей записке, озаглавленной "Мысли о средствах утверждения русского владычества на Кавказе", крупный военный теоретик генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин. Он указывал на исторические примеры, когда в короткое время или даже одним натиском завершилось покорение страны; если же, подчеркивал, "война делается народною, никакие усилия материальные, никакие армии и победы не могут одолеть великой силы, нравственной и материальной, целого народа... точно в таком же положении находятся в отношении России кавказские горные племена". Поэтому Д. А. Милютин считал необходимым "совершенно изменить образ действия", не применять насилия, не посягать на религию, обычаи, образ жизни горцев, но убедить их, что "Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достоинство, что спокойствие и благо края суть единственная цель ее стрем-

лений". Предложения Милютинина, как и следовало ожидать, были отвергнуты. Однако и он не оставлял эту мысль. В 1854г. Он вновь вернулся к высказанным им ранее идеям, но и на сей раз его проект не был принят правительством.¹⁰² Даже эти предложения, по существу направленные на достижения той цели "покорения" горских народов, вызывали яростное сопротивление со стороны самого императора и апологетов самодержавия. Царизм отвергал все трезвые, реалистические предложения и упорно продолжал гнать на Кавказ на смерть все новые и новые силы. Уверенные в том, что *alea jacta est* (жребий брошен) смелое и важное решение казалось им отменять поздно и отказаться от него невозможно.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

П. А. И. ГЕРЦЕН О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В самом конце первой трети XIX в. В чрезвычайно сложном переплетении классовых и национальных противоречий на Северо-Восточном Кавказе под флагом кавказского мюридизма возникло движение горцев Дагестана и Чечни. Вопреки утверждениям некоторых отечественных и зарубежных авторов это многолетнее героическое и одновременно драматическое явление выросло на местной социально-экономической почве Северо-Восточного Кавказа в итоге всего хода исторического развития края в первой четверти XIX в. Причем первоначально «с большой силой борьба развернулась в Дагестане, особенно в Аварии, где истребление феодальной верхушки приняло повсеместный характер, в то время, как, например, в Чечне на первое место выдвинулась борьба против колониального режима, неизменно поддерживающего господствующую верхушку». ¹ И действительно, на этом первом этапе был уничтожен почти весь род аварских ханов, истреблено более 80 феодалов в селениях Гочатль, Эрпели, Соситль, Кишиб, Телетль, союзов сельских общин Гидатля, Андаляла и др. ² Со временем, однако, и в Дагестане на первое место выдвинулась антицарская борьба. Уже при первом имаме Дагестана и Чечни Гази-Магомед горцы совершали небезуспешные рейды против царских войск, находящихся в приморском Дагестане, в Засулакской Кумыкии, Чечне, штурмовали крепость Бурную, внезапно обложили города Кизляр, Дербент.

В 1832 г. При защите родного сел. Гимры первый имам погиб, а Шамиль был ранен. Вскоре после этого вторым имамом был провозглашен Гамзат-бек. Он занял столицу аварских владетелей Хунзах, истребил аварских ханов, за исключением Булач-хана. Но недолго продолжалось правление Гамзат-бека. В 1834 г. в хунзахской мечети группой заговорщиков он был убит. В том же 1834 г. третьим имамом был избран Шамиль. В 1834-1838 гг. горцы, предводительствуемые Шамилем, нанесли поражение ген. Ланскому вблизи сел Гимры, отряду под командованием М. Ивлеча. Имам

сделал безуспешную попытку овладеть Хунзахом. Совместно с предводителем чеченских повстанцев “беглецом Андреевской деревни” Ташовым Хаджи действовал против аула Игатли, Унцукуль и др., “коих жители не принимали шариат”. Кавказское командование неоднократно предпринимало в Чечню и Дагестан карательные экспедиции против “непокорных”, но успеха не имело.

Кавказское командование попыталось было уговорить имама прекратить сопротивление. В начавшихся переговорах Шамиль усмотрел подвох самодержавия и самым решительным образом отверг эти предложения.

Против непокорного и гордого имама снаряжена была большая экспедиция под командованием ген. К. К. Фези. При осаде с. Телетля генерал понес большие потери и не в силах уже был занять вторую половину селения, обороняемого Шамилем.⁴ В связи с этим он охотно согласился на предложения имама и вступил с последним в переговоры. Шамиль выдал в аманаты своего племянника, а Фези снял блокаду.

Характеризуя эти события, офицер Прушановский подчеркивал: “Экспедиция генерала Фези без всяких существенных последствий только уверила наших противников, что Шамиль в состоянии бороться с огромными силами”⁵ царских войск. Обеспокоенная всевозрастающим изо дня в день влиянием Шамиля, Россия прибегла к идеологической борьбе с имамом. В горы рассыпались различного рода прокламации, в которых действия Шамиля объявлялись противозаконными, распускались всевозможные слухи против имама, его окружения и особенно — возглавляемой им вооруженной борьбы.

В этой связи была сделана безуспешная попытка с помощью присланного из Крыма в Дагестан муфтия Тадж-Эддина Мустафина убедить “горцев в неправильном толковании шариата мюридами” и Шамилем и расположить таким путем горцев в пользу самодержавия.⁶ Царские власти прибегали и к другому рода уловкам. Были предприняты меры чтобы всевозможными посулами и обещаниями привлечь на свою сторону самого Шамиля и уговорить его прекратить вооруженную борьбу и явиться в Тбилиси для встречи с императором. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Движение ширилось с каждым днем и вскоре восстанием были охвачены союзы сельских общин Салатау, Гумбет, Анди и примыкающая к Дагестану часть Чечни. Шамиль хорошо понимал, что самодержавие предпримет наступления на повстанцев. И чтобы во всеору-

жие встретить непрощенных ростей, он занялся усиленной подготовкой⁷ повстанцев к новым схваткам и строительством оборонительных сооружений. По берегу Андийского Койсу в скалистых горах была построена крепость, названная "Новый Ахульго", о которой говорили, что она могла "сделать честь европейскому инженеру". Превращен был в крепость так же аул Ирганай. Эти работы велись беспрепятственно, благодаря тому, что в 1837гг. кавказское командование было занято подавлением кубинского восстания.⁸ Однако, как только руки освободились, самодержавие решилось предпринять двустороннее наступление. Сюда должен был наступать ген. Головин, а с севера - П. Х. Граббе. Головин "усмирил" Ахтынский, Докузпаринский и Рутульский союзы сельских обществ Южного Дагестана, а ген. Граббе с восьмьютысячным отрядом при 170 орудиях, шести сотнях казаков и двух сотнях горской милиции 45 дагестанских феодалов⁹ "огнем и мечом" прошел Чечню и вторгся в Дагестан. Шамиль занял оборону у сел. Аргуни. По подсчетам царских офицеров численность обороняющихся достигла 10 тысяч воинов. Возможно здесь допущено и некоторое преувеличение, но то, что Шамиль собрал под Ахульго значительные силы, не вызывает никакого сомнения. Царские войска, свидетелемствует полк. Казбек, "первый раз встречали перед собой горцев; собранных в такую массу, под командованием одного человека в укрепленной позиции. Аргунское дело должно было напоминать штурм Телетля. И все же после многочасового кровопролитного сражения Шамиль отступил в надежде разбить царские войска под Ахульго. Видя перед собой неприступную крепость. Граббе, отказавшись от штурма, обложил Ахульго. На штурм царские войска пошли к концу июня, завязалась кровавая битва. "Трудно изобразить все сцены этого ужасного боя: матери своими собственными руками убивали детей... целые семейства умирали под развалинами саклей. Некоторые из мюридов, изнемогая от ран, и тут еще хотели дорого продать свою жизнь; отдавая уже оружие. они... наносили смерть тому, кто хотел принять его. Неимоверных трудов стоило выгнать неприятеля из пещер, находившихся в отвесном обрыве над берегом Койсу. Приходилось туда спускать солдат на веревках."¹⁰ И не случайно эта битва вошла в историю под названием "Кровавого штурма Ахульго".

Несмотря на сопротивление оборонявшихся, Шамиль вынужден был выдать в аманаты своего старшего сына Джемалэддина и под покровом ночи с невероятным риском для себя и своих близких

уйти в Чечню.¹¹ Царские военачальники считали взятие Ахульго кондом сопротивления горцев. Хотя Шамиля и не удалось захватить, - писал ген. Граббе, он "скитаясь одиноким в горах..., должен только думать о своем пропитании и о спасении собственной жизни. Секта мюридов пала вместе со всеми ее представителями приверженцами... Столь счастливая развязка экспедиции дала мне возможность... приступить к тем мерам, которые я считаю необходимыми для упрочнения спокойствия края".¹²

Кавказское командование глубоко оцибалось. Падением Ахульго завершился только первый этап движения. И вся борьба была еще впереди. Однако новый порядок, который после "этого стало вводить Кавказское командование, усиливал всеобщее недовольствие".¹³ Особенно это сказалось в Чечне, где во главе административного управления был ген. Пулло, "человек жестокий и несправедливый".¹⁴

В 1840г., доведенные до крайности произволом и лихоимством царских военачальников, трудящиеся Чечни подняли всеобщее восстание. Шамиль, умело использовал создавшееся положение и обращения к нему повстанцев, возобновил вооруженную борьбу против самодержавия и вскоре одержал первые победы под Ишкартами и Эрпели. К восстанию присоединились и значительная часть Аварии. С этого времени начинается второй этап борьбы горцев, удачно названный Н. А. Добролюбовым "блистательной эпохи Шамиля". Восставшие под предводительством Шамиля за короткое время нанесли ряд чувствительных ударов Кавказской армии. В 1842-1843гг. Шамиль отбил у царизма 12 крепостей в Дагестане, подчинил своей власти почти всю Аварию и Чечню. Затем он предпринял экспедицию в Кази-Кумух, Ахты, Табасаран, угрожал Темир-Хан-Шуре, сделал попытку расширить базу борьбы.¹⁵

Обеспокоенные успехами горцев, царские войска разработали план, который предопределял решительным ударом занять резиденцию Шамиля Дарго и подавить движение. С этой целью была подготовлена специальная экспедиция, которую в 1845г. возглавил только что назначенный наместник Кавказа ген. М. С. Воронцов. "В главной квартире, - вспоминал участник похода гр. Бенкендорф, - ублаживали себя надеждой, что жители (Дагестана - в. г.) с благодарностью примут тут же предложенную им нами помощь и поддержку, надеясь что разосланные прокламации разорвут узы подчинения различных народностей Шамилю.".¹⁶ Однако кавказское командование глубоко заблуждалось. Продвигаясь с

боями и пройдя через Анди, М. С. Воронцов вошел в Чечню и занял столицу Шамиля-аул Дарго и только здесь понял, что он окружен. Отрезанный от баз снабжения, неся огромные потери (о чем речь ниже), главнокомандующий делал отчаянные попытки вырваться из окружения. И неизвестно чем бы все завершилось, если бы не подоспел вовремя ген. Фрейтаг с подкреплением. Позже Шамиль заставил ген. Воронцова отступить от аула Гергебель. В 1846г., имея намерение расширить базу восстания привлечением к борьбе жителей центрального Кавказа, Шамиль вступил в Кабарду, но вскоре был вынужден вернуться в Дагестан.¹⁷

Борьба Дагестана и Чечни, которая "из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами, - писал Ф. Энгельс, - были обязаны наступательной тактике, которой они придерживались при обороне своей территории... , сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнину, во внезапных нападениях на русские гарнизоны и аванпосты, в быстрых набегах на глубокий тыл... , в засадах, которые они устраивали на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество. Фактически во всех случаях, следовательно даже в случаях временно успешных восстаний жителей гор, эти успехи были результатом наступательных действий".¹⁸

На гребне поднимающейся крестьянской войны против местных феодалов и самодержавия Шамиль организовал военно-теократическое государство-имамат. В годы наибольших успехов движения это государство охватывало "около 900 верст в окружности". Эта территория была разделена на наибства. В период правления Шамиля было образовано 50 наибств, но более или менее постоянными были 30.¹⁹ Общее управление осуществлял сам Шамиль. При нем находился постоянно действующий Совет-Диванхана. Вопросы чрезвычайной важности решались на периодически созываемых съездах наибов, алимов и других представителей администрации имамата. Всего за время существования было создано 6 таких съездов.²⁰

В имамате была создана государственная казна-байтул-мал, образована армия, введены чины, награды, налажено производство артиллерийских орудий, пороха, ракет²¹ и т. п. В имамате был принят ряд мер, которые привели к некоторым изменениям социальных отношений.²² Гражданская жизнь в имамате определялась

низамы- законодательными установлениями, выработанными в соответствии с законами шариата. Но несмотря на это, "многие положения низамов, - как справедливо подчеркивают ученые, - отличались от положений шариата".²³

Начиная с конца 50-х годов движение горцев Дагестана и Чечни вступило в третий, завершающий этап своего развития. Характерной чертой его было то, что антифеодалная борьба не только отступила на задний план, но и вовсе прекратилась. В это время все более обнаруживается противоречие, которое подспудно существовало в движении с самого начала. Нарастающие противоречия приводили к отходу народных масс от движения, а следовательно и к внутреннему разложению имамата. По окончании Крымской войны, показавшей по словам В. И. Ленина, "гнилость и бессилие крепостной России",²⁴ царизм намного усилил нажим на горцев. В итоге фронтального наступления на имамат царские войска покорили Чечню. Шамиль, покинутый многими наибами бежал в Гуниб. Здесь он был окружен, а 25 августа пленен.

Движение горцев Дагестана и Чечни под водительством Шамиля по своему социальному и национальному составу не было однородным. В многолетней борьбе горцев принимали участие самые различные социальные потоки тогдашнего горского общества. Вместе с широкими народными массами активное участие принимали аульская верхушка, мусульманское духовенство и часть феодалов. И все же основной движущей силой движения являлось горское крестьянство с его антифеодалными и антицарскими устремлениями. Оно и определяло освободительный характер многолетней борьбы горцев.

Общезвестно, что самодержавие вплоть до 40-х годов, возлагая надежды на "быструю" победу над горцами, а следовательно, и надеясь поставить общественное мнение страны перед свершившимся фактом, как правило, умалчивало о событиях, происходящих на Северо-Восточном Кавказе. Цензуре было поручено строжайше следить, чтобы в прессе не появлялись сведения о событиях на Кавказе. А крайне редко публикуемый материал должен был соответствовать "видам" царского правительства и касаться только "дозволенного". Насколько было опасно писать о Кавказе и происходивших событиях свидетельствует офицер (впоследствии генерал-лейтенант) А. А. Неверовский. В письме к Д. А. Милютину (будущему военному министру) он писал, что о Кавказе можно

сказать "только то, что можно писать, не подвергаясь опасности".

25

Впоследствии, в статье "1831-1863" А. И. Герцен писал: "Журналы, литература не имели никакого политического значения при тогдашней цензуре. Общество, сильно падшее, оставалось равнодушным, хотя и было меньшинство, воспитанное под западным влиянием и ненавидевшее Николая за бесцеремонность его деспотизма, оно радовалось неудачам Дибича и глупостям Паскевича".²⁶

В этих условиях для выражения своих идей прогрессивные деятели России и неподцензурная печать вынуждены были прибегнуть к эзоповскому языку, на котором только и можно было писать и печататься в царской России: В связи с существовавшим запретом публиковать негодные правительству оценки кавказских событий, А. И. Герцен до отъезда за границу в 1847г. вынужден был также прибегать к аллегории, иносказательству, завуалированному выражению своих мыслей. Надо полагать, что такое скрытое осуждение борьбы царизма на Кавказе содержится в статье "Истинная и последняя эмансипация рода человеческого от злейших врагов его", напечатанной в 1844 году в "Отечественных записках"²⁷. В ней А. И. Герцен в иносказательной форме пишет: "Великое совершенство: на высотах Кавказа, возле самой Персии, растет один цветок; происхождение которого никому неизвестно, кроме меня, - а я вам расскажу его. Однажды в Персию было очень много блох; Камбиз* не мог спать да и только; много переказнил он людей, определенных в совет о предохранении сына солнца от дочерей блох; ничто не помогло; он рассердился и пошел разорить Египет... он велел кстати предать огню и мечу весь Египет по ту и другую сторону Нила". Но к Камбизу пришел маститый жрец, который открыл тайну растения, уничтожающее блох."

"Недавно, - продолжает А. И. Герцен, - второй Камбиз из Ревеля, Г. Зонненберг, нашел потерянное сокровище; лет на десять он сиделся взойти на утесы Кавказа, несколько раз срывался, падал на 2800 футов, тонул, замерзал, таял от жара - но любовь к ближнему и высокая мысль эмансипации все превозмогли и он набрал ругеthum. Когда он сорвал первый цветок, тень молчаливого старца явилась в воздухе и благословила его против мух, комаров, блох и прочее".²⁸

Каковы бы ни были причины написания данной статьи, шуточный характер изложения, нельзя не признать за ней политическую заостренность. Упоминание о Кавказе и о той бесцельной борь-

бе, которую ведут сначала Камбиз в Египте, а затем и Зонненберг на Кавказе, наводит на мысль о неравной борьбе самодержавия с горцами.

Можно предположить, что в статье в образах правителя Персии Камбиза и гувернера писателя Зонненберга, умершего в 1862 году, выведены царские военачальники. Однако для более точного определения, кого именно из царских сатрапов имел в виду А. И. Герцен, необходимы дополнительные материалы, которыми мы пока не располагаем.

Большой интерес представляет и дневниковая запись А. И. Герцена в августе того же 1844 по поводу событий, развернувшихся вокруг книги "Проделки на Кавказе" Е. Хамар-Добанова. В этой книге-остром памфлете на царскую политику- автору, как отмечалось выше, удалось в подцензурной печати дать критическую оценку войне самодержавия на Кавказе, в самом неприглядном виде показать офицеров кавказской армии. Как и следовало ожидать, книга вызвала гнев у Николая I и его окружения. Управляющий III-им отделением небезызвестный Л. В. Дубельт писал, что Е. Лачинова "делает вопрос" - какой результат военных экспедиций правительства на Кавказ и считал, что такого рода сведения "не должны быть передаваемы читающей публике".²⁹ И что цензор Крылов Н. И. "не хотел пропускать этого произведения, но гр. Строганов (попечитель Московского округа) взял его на свою ответственность".³⁰ Он же попытался защитить попавшего в немилость властей цензора Н. И. Крылова. В связи с этим в упомянутой дневниковой записи А. И. Герцен восклицает: "Что за нерусская черта! Честь и звала графу".³¹

Большинство высказываний А. И. Герцена о Кавказской войне относится ко времени, когда он, преследуемый царизмом, вынужден был жить в эмиграции. Позиция, занятая А. И. Герценом в отношении борьбы на Кавказе, органически связана с его революционно-демократическим мировоззрением и общей теоретической оценкой завоевательных войн царизма. А. И. Герцен считал, что такие войны ничего положительного не дают России и русскому народу. Он разоблачал иллюзорность и антинародный характер планов создания "единства народов с помощью насилия". "Все эти грубые, насильственные соединения ведут не к единству, а увеличивают ненависть",³² - утверждал А. И. Герцен, т. е. несправедливые войны усиливают реакцию внутри страны.

Глубоко понимая связь реакционной внутренней и внешней по-

литики царизма, он писал: "Для царя завоевательная война — единственное средство приобрести популярность и сохранить свою власть... Царю это дает возможность уклониться от решения внутренних вопросов..."³³ Эта идея проводится А. И. Герценом и в ряде других работ, в частности, в статье "Война и мир": "Мы не рады войне как русские, война остановит внутреннюю работу, усидит снова управление шпорами и снова истощит силы народа, не давая взамен ничего, кроме множества калек и несколько лубочных картин, представляющих генералов, лошадей, трупы и дым".³⁴

А. И. Герцен считал, что социально-политическое освобождение русского народа невозможно без национального освобождения угнетенных царизмом нерусских народов.³⁵ Не ограничиваясь одними общими положениями о войнах царизма, А. И. Герцен давал оценку событиям, происходящим на Кавказе, высказывался конкретно о Кавказской войне, исходя из анализа реальных фактов.

Подлинная любовь к Родине, русскому народу, преданность революционным идеалам, громадная эрудиция и великий талант позволили ему прийти к глубоким, строго научным выводам. Одним из таких выводов являлось ясное, неоднократно повторяемое заявление — царизм на Кавказе ведет несправедливую и кровопролитную борьбу, а горцы борются за свою свободу и независимость.

В 1851 году в письме к издателю Вольфзону он отметил, что поляки принимали участие в национально-освободительных войнах, "где бы ни поднималось знамя независимости, в Колумбии или Испании, в Италии или на Кавказе".³⁶ Здесь важно подчеркнуть и то, что по убеждению А. И. Герцена на Кавказе было поднято знамя борьбы за независимость, и то, что борьбу кавказских горцев он ставит в один ряд с такими освободительными движениями, какие проходили в свое время в Испании, Колумбии и Италии.

Особенно часто А. И. Герцен сравнивает, ставит в один ряд политику царизма в Польше и Кавказе. Из всех несправедливых войн самодержавия он считал наиболее реакционными, нанесшими наибольший ущерб русскому народу, действия царизма в Польше и на Кавказе. Говоря о наиболее значительных акциях (в смысле их отрицательного воздействия на историю России), А. И. Герцен писал в работе "Русский заговор 1825 года": "В десять часов вечера Николай был победителем и с этого часа началась для России мрачная эпоха его царствования, которая торжественно

открылась виселицами, шествуя вперед, утопая в крови и слезах Польши и Кавказа”³⁷.

Когда царское правительство провокационной политикой подготавливало взрыв народного возмущения в Польше, А. И. Герцен в статье “Подтасованный выбор?” восклицает: “Не довольно им войны на Кавказе, еще польскую войну им (т. е. царю и его окружению-В. Г.) надобно.”^{37а}

Полный чувства национальной гордости, остро переживающий унижение, которому подвергает его родину царизм тем, что угнетает народы национальных окраин, в том числе и кавказских горцев, А. И. Герцен замечает: “Да что же в самом деле за палачи?”^{37б} Аналогичность царской политики на Кавказе и в Польше подчеркивается А. И. Герценом и в работе “Что же дальше?”, самодержавие рисуется им как “неведомое море, поглотившее Польшу, Кавказ и окровавленное на окраинах”.³⁸

Войну царизма на Кавказе А. И. Герцен причислял к тягчайшим преступлениям Романовых перед русским народом. В известном сочинении “О развитии революционных идей России” (впервые издано в 1851г.) отмечено, что народ помнит Романовых “лишь по количеству своих несчастий”. А. И. Герцен перечисляет преступные деяния царей и среди них называет “войну, настолько же кровопролитную, насколько и бессмысленную, которая длится 25 лет в неприступных горах”.³⁹

В той же работе он опять затрагивает явно волнующий его вопрос, указав, что “картина официальной России внушала только отчаяние.” “Здесь- Польша, рассеянная во все стороны и терзаемая с чудовищным упорством”, - продолжает А. И. Герцен- “там- безумие войны, длящейся все время царствования (Николая I — В. Г.), поглощающее целые армии, не подвигая ни на шаг завоевание Кавказа; а в центре- всеобщее опошление и бездарность правительства”.⁴⁰

В речи, произнесенной в Англии в ноябре 1853 года в связи с XXIII годовщиной Польского восстания (1830года), А. И. Герцен, подводя итоги деятельности Николая I, сказал: “Печальное царствование его продолжается 27-й год и он не сделал ничего, создал кроме самодержавия для самодержавия. Тип его деяний- это Кавказская война, поглотившая целые армии и которая через 25 лет не продвинулась ни на шаг”.⁴¹

Выделяя подавление национально- освободительной борьбы в Польше и на Кавказе как наиболее реакционные внешне- поли-

тические акции царизма, А. И. Герцен близко подошел в данном вопросе к позиции К. Маркса и Интернационала.

В письме к Ф. Энгельсу, как известно, К. Маркс писал: "Эти два дела: подавление Польского восстания (1863г.) и овладение Кавказом я считаю самым серьезным европейским событием со времени 1815 года".⁴² (Т. е. со времени реакционного Вейсского конгресса). Та же мысль проведена и в программном документе марксизма "Учредительном манифесте международного товарищества рабочих". Здесь осуждается "бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа, умерщвляет героическую Польшу."⁴³

Позицию, занятую А. И. Герценом в период Польского восстания, высоко оценил В. И. Ленин, указывая, что он спас честь русской демократии. Возвращаясь к оценке царствования Николая (в статье "Москва нам не сочувствует"), А. И. Герцен нарисовал такую картину: "Мертвящая сила царизма, схватив за горло молодую развивающуюся жизнь, замерла в 30-летней борьбе... отчаяние в поэзии, отчаяние в картинах, отчаяние и пустота дома, в гостиницах, Сибирь, Кавказ, каторжная работа и опущенный шлагбаум на границе".⁴⁴

В статье "Москва и Петербург" он пишет: "В Петербурге вообще либералов нет, а коли заведется, так в Москву не попадет: они отправляются прямо на каторжную работу или на Кавказ".⁴⁵ В заметке "Августейшие путешественники" А. И. Герцен рассказывает о том, как одна англичанка осмелилась не пустить в свой сад русскую императрицу. Затем он иронически восклицает: "Какова смелость! Она, верно, не знает, что в России ее послали бы солдатом на Кавказ или на каторжную работу лет на тридцать".⁴⁶

Полагая, что Огарев попал в руки царских властей и отправлен в ссылку, А. И. Герцен писал: "Бедный Огарев без средств в ссылке. И что это за ссылка - крепость ли. Сибирь, Кавказ" и т. д. Сибирь, Кавказ, каторжная работа - не случайное сопоставление слов. По мнению А. И. Герцена, в период царствования Николая I Сибирь и Кавказ были фактически синонимами каторжных работ. Правильность этого определения становится очевидной, если учесть, что сам царь и его приближенные называли Кавказ "теплой Сибирью". "Это место ссылки неблагонадежных элементов, тех, кто проявлял себя каким-либо беспокойством или нарушением".

После подавления восстания декабристов, по приговору Верховного суда на Кавказ было сослано 39 человек разжалованных офицеров, 27 человек “прикосновенных”, т. е. сочувствовавших декабристам или имевших отношение к тайным обществам,⁴⁷ и не менее 2800 солдат-участников восстания на Сенатской площади в Петербурге.⁴⁸

Чрезвычайно важное значение для понимания позиций А. И. Герцена в отношении борьбы горцев имеет и то, что он расценивал добровольное участие в борьбе против горцев либо заблуждением, либо результатом моральной деградации. В то время, когда официальная печать, выполняя социальный заказ самодержавия, прославляя “подвиги” царских генералов, восхваляла кавказских “героев”, А. И. Герцен в статье “Старый мир” пишет о трагической обстановке, созданной Николаем в России: “... люди талантливые умирают в ссылке”. А сотни других “... с отчаянием сложили руки, морально покончили с собой на Кавказе, засели в своих имениях, в игорных домах, в кабаках...”.⁴⁹ Таким образом, для А. И. Герцена добровольное участие в войне царизма с кавказскими горцами означало “морально покончить с собой”. Понятно поэтому волнение А. И. Герцена, когда его близкий друг М. Мейзенберг высказала предположение, что М. Ю. Лермонтов добровольно служил на Кавказе. “Как могли Вы хоть на минуту подумать, что М. Ю. Лермонтов добровольно служил на Кавказе!” - восклицает А. И. Герцен. Он опровергает несправедливое обвинение в адрес великого русского поэта, доказывая в соответствии с фактами, что М. Ю. Лермонтов был “сослан на Кавказ”, “сослан в Кавказскую армию”.⁵⁰

Отечественные исследователи со всей убедительностью доказывали, что М. Ю. Лермонтов был сослан на Кавказ и вынужден был принимать участие в походах царских войск против борющихся горцев.⁵¹ Но при этом М. Ю. Лермонтов не видел в горцев врагов, а напротив, с чувством глубокого уважения относился к ним и сожалел, что на Кавказе происходит долголетняя кровопролитная война:

*“Кавказ! Далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьем полна
И окровавлена войной...”*

И скорбел:

instituteofhistory.ru

*“Нет! Прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свобода- прежде мильй край.
Приметно гибнет для нее”*⁵²

В таком положении оказались не только М. Ю. Лермонтов, но и многие прогрессивные деятели России, о которых речь шла выше.

Но вернемся к предмету нашего повествования. Даже когда в 1845 году под Дарго погиб Д. Пассек, который отчаянно сражался с горцами и дослужился до чина генерал-майора, А. И. Герцен в “Былом и думах” с горечью писал, что Диамонд Васильевич Пассек “неза свое дело сложил голову”.⁵³ Ведь война на Кавказе была делом угнетателей народа, а Д. Пассек, по мнению А. Г. Герцена, был субъективно честным человеком.

А. И. Герцен отмечал не только ужасы которые несла война, затяжная царизмом с кавказскими горцами, но подчеркивал, каких громадных жертв стоила русскому народу колониальная политика царизма. Причем заявления А. И. Герцена основывались на фактах. Когда он пишет: “Миллионы погибли на Балканах, на Кавказе”⁵⁴, — он близок к истине. Ужасное число людских потерь на Кавказе подтверждается много численными источниками. Голимые в бой правительством, ежегодная убыль в русских войсках Кавказского корпуса простирается до двести тысяч человек”.⁵⁵

По мнению командира Кавказского корпуса генерала Головина в 1838-1843гг. на Кавказе ежегодно гибло около 30-ти тысяч человек и шестая часть доходов Российского государства шла на ведение войны в том крас.⁵⁶ Журнал “Русский вестник” признавал: “Много народа ежегодно гибло на Кавказе. много денег и крови стоил он России”.⁵⁷

Следует особо подчеркнуть, что А. И. Герцен видел то общее главное, что сближало русских крестьян, выступающих против крепостного права, и отстаивающих свою независимость кавказских горцев- и те, и другие, по его мнению, боролись за свободу. И тем. и другим необходимо было учитывать и использовать взаимный опыт борьбы с правительством. Говоря в 1853 году о трудностях, с которыми связано восстание русских крестьян против крепостного права, в частности, отмечал, что на равнинной местности, характерной для многих губерний России, трудно отражать натиск правительственных войск.

Правда, можно использовать для военных целей леса, но и здесь надо учитывать, что "граф Воронцов показал на Кавказе, как поступить с такими убежищами".⁵⁸

Отметим, что А. И. Герцен показывает здесь свое хорошее знакомство с военно-инженерной стороной борьбы царизма с горцами. Действительно, потерпев провал в осуществлении навязанного ему Николаем I плана одним ударом разгромить Шамиля, С. М. Воронцов приступил к длительной войне на истощение, приказал прорубить просеки в тех лесах, которые служили убежищем горцев.

Создание просек, в известной мере, способствовало военному ослаблению позиций Шамиля. С этим опытом, по мнению Герцена, нельзя было не считаться, если бы дело дошло до восстания на Руси.

Расстрел правительством в с. Бездна русских крестьян, недовольных "крестьянской" реформой 1861 года, вызвал у А. И. Герцена ассоциацию с тем, что царизм делал в Польше и на Кавказе.

Он писал 1 января 1863г.: "Расстрелянная Хрулевым молитва в Варшаве, расстрелянное недоумение крестьян в Бездне испугало войско, оно раскрыло ему глаза, куда эти господа его ведут. Казаку на Кавказе стало противно бить независимого черкеса".⁵⁹ Бездна, Варшава, Кавказ - везде, по А. И. Герцену, шла война с ненавистным царским правительством.

Большинство работ, где содержались герценовские оценки борьбы на Кавказе, печаталось в "Полярной звезде" и "Колоколе". Небезынтересно отметить, что в некоторых произведениях других авторов, опубликованных в "Колоколе" о событиях на Кавказе, есть высказывания, явно сходные со взглядами А. И. Герцена. И это понятно. Прежде всего отметим, что ближайший друг и соратник А. И. Герцена - Н. П. Огарев оценивал борьбу на Кавказе как "изнуряющую Россию".⁶⁰ В "Сказании о бездненском побоище" в Казанской губернии по случаю "освобождения" крепостных крестьян говорится: "Апраксину хотелось бы показать убитыми человек пять, шесть, но офицер сказал, что здесь не Кавказ, скрывать невозможно". Автор "Сказания", по-видимому, использовал материалы корреспонденции "Колокола". Аналогичный эпизод приводится в письме, которое цитирует А. И. Герцен в статье "12 апреля 1861. (Апраксинское убийство)": "Апраксин сказал: "Фу, как их много (т. е. убитых крестьян, - В. Г.), ну да можно будет показать меньше, это всегда так делается". Но один уездный чи-

новник заметил ему, что может так и делается на войне, но здесь нельзя переписать всех".⁶¹

Примечательно, что в "Сказании", очевидно для большей наглядности, возражающий Апраксину помощник говорит не об искажении численного количества погибших в войнах вообще, а о сокрытии количества убитых на Кавказе.

"Отличие между Кавказом и Россией, подчеркиваемое автором "Сказания", явно такого рода, что говорит о коренном сходстве положения кавказских и русских крестьян, подвергшихся насилию со стороны царизма. Это как раз та мысль, которую высказывал Герцен. Сянным сочувствием поместил А. И. Герцен на страницах "Колокола" и "Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии" М. И. Венюкова.⁶² Приведа убедительный материал, свидетельствующий об антинародном характере борьбы на Кавказе, М. И. Венюков закономерно задавал вопрос: "Спросим теперь, против кого воевали на Кавказе шестьдесят с лишним лет? Не против ли России, разоряя ее?"⁶³ Хотя А. И. Герцен и писал по поводу работы Венюкова, что "мы не отвечаем за оценку лиц", но тут же добавил: "на все изложенное носят в себе печать истины и наблюдательности".⁶⁴

Резко осуждая колониальную политику самодержавия, А. И. Герцен в то же время подчеркивал коренное различие между царизмом и русским народом, показывал противоположность их интересов. Он подчеркивал: "Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа - ничего не понимают".⁶⁵ А. И. Герцен указывал, что нельзя смешивать Россию с ее правительством: "По счастью Зимний дворец не вся Россия, даже не весь Петербург... Другая Россия вне дворца, вне табеля о рангах. Другая Россия приветствует вас, своих братьев, протягивает вам руку, не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с "Анной на шее", действительных пилигримов, заезжающих к вам по дороге в Иерусалим или на Афонскую гору". "Между нами,- писал А. И. Герцен в статье "Юрьев день! Юрьев день!"⁶⁶ -находится то самоотверженное меньшинство, которым искупается Россия в глазах народов и в собственных своих. Из ваших рядов вышли... Рылеев и Бестужев. Из ваших рядов вышли Пушкин и Лермонтов. Наконец, и мы, оставившие Родину для того, чтобы вчуже раздавалась свободная русская речь, вышли из ваших рядов. К вам первым мы и обращаемся".⁶⁷ Эту же мысль А. И. Герцен повторяет в статье "Вольная русская община в Лондоне:

“Нашими устами говорит вся Россия нарождающаяся, Русь вольная, юная, живая, скрывающаяся дома, но гласная в изгнании. Нашими устами говорит Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов, Русь Пестеля, Муравьева, Рылеева и Бестужева, Русь, о которой мы свидетельствуем миру и для гласности которой мы оторвались от Родины”.⁶⁸ А. И. Герцен был против захватнических войн. Но он был твердо убежден в преимуществе, которое дает народам добровольное государственное объединение, основанное на началах равенства. А. И. Герцен неоднократно подчеркивал мысль о полезности объединения, базирующего не на силе феодальных государственных связей между русскими и другими народами, а на их добровольном союзе. “Польша, как Италия, как Венгрия имеет неотъемлемое право на государственное существование, независимое от России. Желаем ли мы, чтобы свободная Польша отторглась от свободной России- это другой вопрос. Нет этого мы не хотим... Нам кажется,- продолжает А. И. Герцен,- Польша и Россия могут рука об руку идти одной дорогой к новой социальной жизни”.⁶⁹

А. И. Герцен был глубоко убежден в том, что наступит время, когда восставший русский народ, освободив народы присоединенных окраин, составит с ними дружную, свободную семью. “Из-за насильственного единства,- пророчески писал А. И. Герцен,- видится существо свободное, из-за единства, поглощающего Польшу с Россией,- единство свободное, основанное на признании равенства и самобытности”.⁷⁰

Зная интернационализм А. И. Герцена, нельзя сомневаться, что он считал благом, как для горцев Кавказа, так и для русского народа их добровольное объединение в одно государство. А. И. Герцен в полном соответствии с фактами разъяснял, что ответственность за войну на Кавказе несет царизм и только царизм. Русский народ был такой же жертвой правительства, как и кавказские горцы и понес такие же неисчислимые потери.

Выступления А. И. Герцена в защиту народов угнетенных национальных окраин и его обличительные статьи против внутренней и внешней политики самодержавия, непримиримая борьба с лжепатриотизмом, да и вся его практическая революционная политическая деятельность являются примером великого служения русскому народу. “Всеми фибами своей души принадлежу русскому народу”, - говорил А. И. Герцен. “Вы говорите,- писал он в статье “Ответ русской даме”, что я все браню в России, все- полно, все

ли? Уверять в противном я не стану, а скажу только, что вся моя жизнь, все мои слова, все, что я сделал и сделаю — лучшее возражение на Ваше замечание”.⁷¹

Противопоставляя патриотизм революционной демократии, выступающий за освобождение трудящихся масс от гнета самодержавия, казненному лжепатриотизму, проповедующему “истребление крови”, А. И. Герцен в статьях “Колокол” и “День” подчеркивал: “Недаром я испокон веков любил русский народ и терпеть не мог патриотизма. Моя совесть спокойна и не только совесть спокойна, но и незыблема моя любовь к русскому народу. Вся теплая, личная поэтическая сторона моего нравственного бытия только в этой любви и в упоминании, основанном на ней, поэтому- то я так ненавижу и их Петербург, и вашу Москву, и всю эту отвратительную империю, пульс которой меряется кнутом и пролитой кровью мучеников и в которой каждая победа- обида всему, что дорого человеку”.⁷²

На самом деле, одно дело быть русским по происхождению и другое дело- искренне любить русский народ, выражать интересы трудящихся масс, вдохновлять их на борьбу за освобождение, быть непримиримым врагом национализма и шовинизма, относиться с ненавистью к угнетателям русского и других народов и ко всему тому, что мешает прогрессивному революционно- демократическому развитию страны. А. И. Герцен высказал глубокую мысль: “Настоящая история этого времени (т. е. периода царствования Николая- В. Г.) ни на Кавказе, ни в убитой Варшаве, ни в остроге Зимнего дворца”. Настоящая история русского народа, как понимал ее А. И. Герцен, состояла в героической деятельности русских революционеров, в труде и в борьбе русских людей с реакцией. Выступления самого А. И. Герцена в защиту кавказских горцев, их справедливой борьбы за независимость- одна из ярких страниц русской истории.

III. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ДВИЖЕНИИ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ ШАМИЛЯ

Н. Г. Чернышевский - ученый, критик, один из создателей исторической и критической школы в русской литературе, которая по словам Ф. Энгельса, "стоит бесконечно выше того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой".¹

Выдающееся место принадлежит Н. Г. Чернышевскому в развитии русской национальной культуры. И не случайно В. И. Ленин характеризовал передовую демократическую русскую культуру "именем Чернышевского и Плеханова".²

Великий демократ Н. Г. Чернышевский, посвятивший всю свою жизнь делу освобождения и просвещения русского народа, считал своим патриотическим долгом бороться против всякого гнета, за свободу и равноправие эксплуатируемых царизмом народов. Решительно отстаивая права угнетенных народов, Н. Г. Чернышевский писал: "Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество чужое, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны - это гнусно".³

Вопреки реакционной колониальной политике царского правительства натравления одного народа на другой, Н. Г. Чернышевский разработал программное положение российской революционной демократии по национальному вопросу, "проникнутое глубоким интернационализмом, утверждающее равноправие и единство трудящихся всех наций нашей страны".⁴

Особенно последовательно Н. Г. Чернышевский отстаивал идеи равенства народов России в программной статье "Национальная бестактность". Вместе с признанием права каждого народа на независимость, Н. Г. Чернышевский призывал народы к единству и дружбе. И убедительно доказал, что у трудовых слоев, независимо к какой нации они принадлежат, никаких причин для враж-

ды и ссор нет. Он прямо указывал, что основная причина вражды в Галиции между польским и украинским населением кроется в "словесных привилегиях", а ни сколько не в национальности или вероисповеданиях. ⁵ "Малорусский пан и польский пан, - продолжал он, - стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу: если была она дурна прежде, она была и для обоих одинаково дурна; насколько становится или станет она лучше для одного из них, равно настолько же и для другого". ⁶

Н. Г. Чернышевский в своей теоретической деятельности огромное значение придавал и изучению национально-освободительных движений: разоблачал идеологию царизма, оправдывавшую захват чужих территорий и подчинение своей власти народов национальных окраин; поддерживал национально-освободительное движение Польши, на страницах "Современника" выступал в защиту героической борьбы итальянского народа, возглавляемой Гарибальди, внимательно следил за национально-освободительной борьбой индийского народа против английских колонизаторов, широко пропагандировал восстание в Китае, выступал с требованиями признать Китай независимой страной; с гневом и возмущением клеймил правящие круги западно-европейских государств, вмешивающихся во внутренние дела других стран; неустанно разъяснял, что трудящиеся страны-завоеватели не получают никакой выгоды, подавляя другой народ.

Какую выгоду получает английская нация от восстановления английского владычества в Ост-Индии? - спрашивает Чернышевский. И отвечает, что он стало тормозом для внутреннего развития. "Теперь, например, отложены в Англии все заботы о внутренних улучшениях, не до них теперь английскому правительству: оно занято исключительно ост-индийскими делами... Некогда подумать о своих делах и английскому народу, он тоже беспрестанно отрывается от своих дел заботами об ост-индийских делах". И далее: "Для нации война убыточна, но для того класса людей, который управляет Англией - она очень выгодна... для нации господство над Ост-Индией бесполезно, но могущество английского министерства и парламента, его значение между другими европейскими правительствами увеличивается господством над Ост-Индией". ⁷ Эти строки революционным демократом были написаны в период, когда самодержавие, окончив Крымскую войну, бросило все свои силы на подавление движения горцев Дагестана и Чечни.

В свете сказанного, большой интерес приобретают следующие слова Н. Г. Чернышевского. В 1859г. В письме к родным он писал: "Слава богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно 25 тысяч русских солдат; одна из этих язв, которая истощала Россию - закрывается".⁸ Забегая вперед, укажем, что это одна из тех цитат, которую приводили для доказательства, якобы, отрицательного отношения русского революционного демократа к борьбе горцев.

Автор этих строк еще в 1956г. имел возможность показать полную несостоятельность подобного рода попыток.⁹ Здесь же отметим, что авторы, пытавшиеся таким образом представить Н. Г. Чернышевского чуть ли не противником борющихся горцев, прибегали к недозволенным в научных исследованиях приемам. Приводить отдельно выхваченные из контекста цитаты, без учета научно-теоретического наследия и общественно-политической деятельности Н. Г. Чернышевского - значит исказить позиции великого русского демократа.

Учитывая мнение Н. Г. Чернышевского в отношении русского царизма, объективный исследователь не может не заметить, что в вышеприведенной цитате великий революционный демократ разоблачает захватнические устремления самодержавия и колониальную войну на Кавказе, в результате которой трудящиеся России ничего не получали кроме гибели массы людей.

Естественно, что последовательный революционный демократ не мог без сожаления относиться к страданиям и жертвам простого русского народа, за счастье и лучшую долю которого он боролся всю свою жизнь.

Авторы, пытавшиеся представить Н. Г. Чернышевского чуть ли не противником движения горцев Дагестана и Чечни, приводили также выдержку из того же письма к родным от 8 сентября 1859г. "... Ныне приготовлена великолепнейшая иллюминация, какой никогда еще не было в Петербурге, даже та, которую устраивали во время коронации, далеко не так была блистательна, как нынешняя... Здесь (т. е. в Петербурге-В. Г.),... даже много говорят о взятии в плен Шамиле. Для него приготовлено помещение в Таврическом дворце и вообще он будет принят с большим почетом, насмотревшись на него, предложат ему для жительства Казань или Киев".¹⁰ Утверждали, будто здесь Н. Г. Чернышевский иронизирует и из этого делались "далеко идущие выводы", будто он отрицательно относился к движению в целом. Авторы, утверждавшие это,

не понимают или не хотят понять, что великий русский мыслитель и революционер не мог обвинить трудящихся горцев только потому, что царские власти решили встретить Шамиля с почестями.

Напротив, Н. Г. Чернышевский насмехается над "правящими кругами России, которые устраивали балы и банкеты с тем, чтобы посмотреть на Шамиля, считая его какой-то диковинкой". Намекает на то, что самодержавие придавало в своей пропаганде огромное значение победе над горцами и пленению Шамиля, критикует царское правительство крепостников, которое пыталось использовать удобный момент, чтобы представить себя человеколюбивым управлением, способным даже приласкать недавнего врага:

Несомненный интерес для выяснения изучаемого нами вопроса представляет и следующий факт. В том же 1859 году Н. Г. Чернышевский в письме к Н. А. Добролюбову писал: "Николай Александрович, есть большая статья "Schamil und der heilige Krieg im Caucanus" (Шамиль и священная война на Кавказе)", Grgenwort, — этого тома у меня нет, его можно взять у Карла Ивановича. Есть также сочинение Боденштедта с заглавием "Кавказ" или что-то подобное — не Transcaian, т. е. Грузия, которое было переведено: а собственно о горцах и Шамиле. Чернышевский." "Это письменное свидетельство того, что великий революционный демократ интересовался и следил за выходящей литературой о борьбе горцев, не только русской, но и иностранной.

Во-вторых, это письмо убедительно свидетельствует о заинтересованности Н. Г. Чернышевского статьей о движении горцев, которую Н. Г. Добролюбов писал в это время для "Современника" ¹² (о ней ниже).

И наконец, важно отметить, что в разбираемом письме Н. Г. Чернышевский указывает лишь на ту литературу, которая в официальных кругах царской России получила резко отрицательные оценки. Не трудно понять для чего это делалось. Такова, например, работа известного немецкого поэта Боденштедта. ¹³ О ней историк А. Берже писал: "Труд этот не без значения, хотя весьма относительного, вообще же проникнут таким враждебным настроением к России; что недостойно имени автора, сумевшего в области поэзии приобрести столь завидную популярность западно-европейских собратьев". ¹⁴

До сих пор мы анализировали сами по себе чрезвычайно важ-

ные и относящиеся к предмету нашего исследования лишь косвенно высказывания и утверждения великого мыслителя.

Н. Г. Чернышевский является автором и двух специальных работ о борьбе горцев: "Кормило кормчему" (перевод с татарского) и "Знамение на кровле" (по рассказу очевидца). Удивительна их судьба. Создал их Н. Г. Чернышевский, когда отбывал царскую каторгу в далеком Забайкалье. Томясь в тюрьме Калаши, а затем, в Александровском заводе, Н. Г. Чернышевский много писал. "Много, много у меня наработано", - сообщает он 29 апреля 1870 г. в письме к своему родственнику А. П. Пыпину.¹⁵ Однако лишь в 1871 г. Н. Г. Чернышевскому представится случай переправить жене Ольге Сократовне часть написанного. Вместе со знаменитым "Прологом пролога", "Дневником Лаврецкого и некоторыми другими произведениями он отослал "Кормило кормчему" и "Знамение на кровле".¹⁶

Само собой понятно, что на каторге и в ссылке он не писал что-либо "просто так", для времяпровождения. Правы те авторы, которые подчеркивают громадное революционное значение теоретической деятельности Н. Г. Чернышевского в Сибири. Воля и дух великого революционера не были сломлены, и в Сибири он продолжал героическую борьбу с царским правительством. Все написанное Н. Г. Чернышевским имело глубокий революционный смысл, каждой строчкой своей он стремился помочь освободительному движению угнетенных царизмом народов. Теми же стремлениями было вызвано и создание "Кормило кормчему" и "Знамение на кровле".¹⁷ Н. Г. Чернышевский не был уверен, что цензура пропустит статьи в печать, и рассчитывал, что их будут читать хотя бы в рукописи. Однако, как он писал жене, было бы лучше, если бы их опубликовали.¹⁸ Статьи эти по признанию самого автора - эпизоды из книги Эрато. "Книга Эрато, - писал Н. Г. Чернышевский, - энциклопедия в биллетрической форме. Я работаю над нею уже более двух лет. Это будет нечто колоссальное по размеру".¹⁹

Как указал Н. Г. Чернышевский, эти статьи надо читать с помощью экзегетики (так называлась в античное время наука о комментировании, раскрывающем скрытый смысл произведения). Он многозначительно намекал в письме к Ольге Сократовне, что таким образом надеется "знакомить публику" и с "политической экономией и всякими науками", несомненно подразумевая под последним науку о борьбе с царизмом.²⁰

"Кормило кормчему" и "Знамение на кровле", к сожалению,

увидели свет только в 1906 году, когда их опубликовал сын Н. Г. Чернышевского- Михаил Николаевич Чернышевский.²¹

Советский исследователь И. М. Романов упрекает “левого либерала” А. П. Пыпина за то, что он не опубликовал попавшие к нему рукописи Н. Г. Чернышевского (у А. Н. Пыпина в архиве хранились и “Кормило кормчему” и “Знамение на кровле”. С понятным огорчением пишет И. М. Романов, что неизвестные читателям работы Н. Г. Чернышевского стали “на время бесполезными”.²²

“Кормило кормчему” и “Знамение на кровле” - галантливейшие исторические сочинения, замечательное достижение передовой русской исторической науки XIX в. Поразительной загадкой является то, что они до сих пор не привлекали внимания историков-кавказоведов и должным образом не были оценены специалистами по русской истории, философии социологами, литературоведами. Примечательно и то, что в полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского “Кормило кормчему”, и “Знамение на кровле” напечатаны в XVI (дополнительном) томе.

Из работ, посвященных анализу творчества и общественно-политической деятельности Н. Г. Чернышевского в связи с темой нашего исследования, следует выделить кандидатскую диссертацию А. М. Черникова, посвященную пребыванию Николая Гавриловича на каторге в Забайкалье, указав, что Н. Г. Чернышевский в “Кормило кормчему” и “Знамение на кровле” говорит “о борьбе братских народов за его самостоятельность, о Шамиле, о мюридизме”, автор указывает на тот факт, что Н. Г. Чернышевский стоял за добрососедские отношения русского народа и народов Кавказа, и что великий русский демократ осуждал тех, кто вызывал вражду к русским.²³

Отдавая должное А. М. Черникову; который не прошел мимо произведений Н. Г. Чернышевского о движении кавказских горцев, нужно все же отметить, что раскрытие глубины замысла и, следовательно, значимости этих работ требует дополнительных исследований исследователей. С нашей точки зрения, тонкость суждений Н. Г. Чернышевского станет явственной, когда рассмотрение их будет опираться не только на общие оценки, но и исходить из детального анализа конкретных событий Кавказской войны.

В статье “Кормило кормчему” Н. Г. Чернышевский ставит и решает ряд проблем, связанных с оценкой внешней политики царизма, а тема движения горцев занимает в ней центральное место.

Начинается статья с описания того, как некий ученый старец-марабут Абу- Джафар проживал "во дни Абд- эль- Кадера и маршала Бюжо" в Алжире, он ухитрился (с большой для себя выгодой) одновременно служить как предводителю борющихся за свободу алжирцев Абд- эль — Кадеру, так и командующему войсками французских колонизаторов в Алжире- маршалу Бюжо. Однако, после пленения французами Абд- эль — Кадера дела марабута пошатнулись, так как теперь он "не получал подачки ни от вождя правоверных, ни от гяуров" (т. е. французского командования-В. Г). Последние заявили Абу- Джафару, что теперь в нем "нет надобности".²⁴ В скором времени марабуту как человеку "угодному богу", нисходит "видение". Абу- Джафар призывается в горы Кавказские, где ему было обещано (во время упомянутого "видения") благо. Когда марабут прибывает на Кавказ, там уже были "дни Шамиля и дни князя Воронцова", следовательно не ранее 1844г., так как именно в этом году Воронцов был назначен кавказским наместником. На Кавказе старец повел себя так же, как и в Алжире "был угоден князю Воронцову, ездил к Шамилю и был угоден Шамилю". Что касается "блага", то оно на Кавказе было "лучше прежнего".

Но вернемся к анализу статьи. Напомним, что в связи с соперничеством царского и французского правительства на международной арене в русской печати пропускались материалы, из которых можно было сделать вывод, что Франция вела захватническую войну против алжирцев. Проводя аналогию между действиями царской России на Кавказе и Франции в Алжире, Н. Г. Чернышевский тем самым оценил войну царизма против горцев как колониальную. Великий русский революционер- демократ выразил свои симпатии борющимся горцам Дагестана и Чечни.

Как в Алжире арабы ввели войну не против французского народа, а против таких французов, как маршал Бюжо, так и на Кавказе борьба кавказских горцев направлялась не против русских трудящихся, а против царского правительства.

Очень характерно, что Н. Г. Чернышевский в противоречии с официальной прессой, пытавшейся оправдать царскую колониальную политику и представлявшей ее как необходимую оборону против "хищничества" горцев, ни слова не говорит о пресловутых "зверствах" горцев Дагестана и Чечни.

Второе, что привлекает внимание при разборе указанного отрывка из "Кормила кормчему", - фигура Абу- Джафара. Вводя его в свое повествование, Н. Г. Чернышевский проявил отличное зна-

ние того, что в действительности происходило на Кавказе. Такие, как называл их Н. Г. Чернышевский, “продажные души” из мусульманского духовенства, весьма типичны в период борьбы горцев против царизма.

Из всех, кто когда-либо писал о движении горцев, Н. Г. Чернышевский наиболее глубоко показал роль мусульманского духовенства в нем. Как известно, движение кавказских горцев происходило под флагом религиозного мусульманского учения (мюридизма). Из этого факта само движение даже назвали мюридистским. При этом Н. Г. Чернышевский прекрасно видел, что малая часть местного мусульманского духовенства, подобно Абу-Джафару, оказывала услуги как предводителям горцев, так и царским генералам. Здесь Н. Г. Чернышевский убедительно доказал, что абу-джафары порождены не только мусульманской реакцией, но в равной мере и царизмом. Обратимся к реальным фактам.

С первых шагов этого движения царское правительство стремилось завербовать себе на службу наиболее влиятельных среди горцев духовных лиц. Яркий образец тому — взаимопонимание командующего кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова и влиятельного среди местного населения кадия Саида Эфенди Араканского. В Саиде Араканском А. П. Ермолов легко распознал человека, который мог бы быть полезен царизму. Встречи Ермолова с Саидом проходили в доме преданного царю крупнейшего дагестанского феодала Мегди-шамхала Тарковского.

Во время этих встреч Саиду было обещано пенсион-жалование²⁴ (по терминологии Н. Г. Чернышевского “благо”). Саид хорошо служил не только Ермолову, но и другим командующим царских войск на Кавказе. Как отметил один офицер, Саид призывал койсубулинцев “отослать от своих предприятий и от пути порока” и “склониться под кров милосердия государя императора, под коим все области и народы наслаждаются спокойствием и тишиною.”²⁵ Саид занимался и письменной пропагандой. Князь Воронцов, прочтя его сочинения, размышлял: нельзя ли эти произведения “разселять и сделать известными” горцам.²⁶

Много сходного в политической деятельности с марабутом Абу-Джафаром было у известного Эфенди Сулеймана. Сулейман оказывал услуги Шамилю, а затем, перейдя на сторону царизма, вел пропаганду против руководителей движения. Он составил письменное “опровержение” учения Шамиля. Придавая большое значение этому документу, Воронцов распорядился, чтобы “к распро-

странению этого опровержения между покорными и непокорными нам мусульманскими народами местные начальства употребили всевозможные старания".²⁷ Работа по распространению сочинения Сулеймана среди горцев приняла широкий размах. В одном из распоряжений по штабу кавказского корпуса говорится: "В литографии генерального штаба изготавливается тысяча экземпляров составленного Эфенди Сулейманом опровержения учения Шамиля. Станок в день выпускает 60 экземпляров. Таким образом, в воскресенье будет готово 300 экземпляров, независимо от десяти, отправленных с чеченцами, приехавшими в Тифлис".²⁸

Экземпляры работы Сулеймана для рассылки их в горы были направлены ген. Фрейтаге, Нестерову, Горскому, Бебутову, Аргутинскому, Каханову, полк Хлюстину, Грузино-Имеретинскому гражданскому губернатору, начальнику Каспийской области и др.²⁹

Отмечая результаты воздействия на народные массы этого документа, начальник Джаро-Белоканского военного округа и всей Лезгинской кордонной линии доносил Воронцову, что по агентурным данным некоторые пункты учения Сулеймана, прочитанного по несколько раз в публичных собраниях, чрезвычайно им, т. е. горцам, понравились, и что "весь вообще народ при чтении сих экземпляров очень задумался".³⁰

Получил "благо от генерала" (жалование в 150 червонцев) и Мамед-кадий Акушинский. Отчитываясь перед ген. Кахановым в своей деятельности, Мамед отмечал, что старается "склонить на нашу (т. е. царизма-В. Г.) сторону горцев".³¹

Подкупленный царским правительством кадий Дукай склонил горцев на вооруженный отпор отрядам Шамиля, своим влиянием заставил ауховцев дать присягу, что они не соединятся с Шамилем.³²

Можно указать и на такие прототипы Абу-Джафара на Кавказе, как мулла Умар-Магомед и мулла Эсен-Мурза и др. Когда кавказский наместник Воронцов разослал свои воззвания, карахский мулла Умар-Магомед "старался объяснить народу полезные последствия покорности". Мулла Эсен-Мурза прямо в мечети селения Джараган-Юрт прочитал воззвание Воронцова к непокорным.³³

Известные услуги царизму оказывали также находящиеся на содержании правительства преподаватели и ученики Тифлисского мусульманского училища "Омарова учения".³⁴ Подполковник

Пржцеславский (пристав при Шамиле - В. Г.) в своем сочинении фактически подтверждает типичность выведенного Н. Г. Чернышевским образа Абу-Джафара. Он пишет, что "алимы Дагестана и Чечни при перевесе на стороне царских войск, говорили о своей преданности царю. Когда же побеждал Шамиль, они объявляли себя мюридами и истинными приверженцами шариата".³⁵

Образ Абу-Джафара важен еще и по следующим соображениям: Абу-Джафар-марабут, т. е. член или руководитель мусульманского религиозного братства, действовавшего в Алжире. Сходный с этим монашеский орден последователей был распространен на Кавказе. Учение мюридов (руководителей) тараката Накишбенди, несмотря на некоторые сходные черты, отличалось от мюридизма — учения руководителей движения горцев.³⁶ Это прекрасно понял Н. Г. Чернышевский и дал различную политическую оценку Абу-Джафару и Шамилю. Ценность наблюдения Н. Г. Чернышевского станет более ясной, если учесть, что многие советские историки не заметили никакой разницы между таракатом Накишбенди и учением руководителей движения в Дагестане и Чечне.

Проследим далее за содержанием "Кормило кормчему": как-то раз в двадцатое лето дней Шамиля и в десятое лето князя Воронцова (т. е. в 1854г., Шамиль стал имамом в 1834г., а Воронцов, как указывалось, назначен наместником на Кавказе в 1844г.) марабут во время мусульманского праздника, когда "сошелся весь народ: кумыки и казикумыки, и аварцы, и мизджеки называемые чеченцы, многое множество народа", стал говорить во дворе Шамиля, что ему, Абу-Джафару, было "видение". Во сне к марабуту явился первый имам Чечни и Дагестана Гази-Магомед и передал "волю бога", записанную в "книге судеб".³⁷ "Пророчество", которое сообщил народу марабут, с нашей точки зрения, еще раз будет предметом пристального внимания исследователей. В "Книге судеб" оказались записанными многие крайне важные социально-политические взгляды Н. Г. Чернышевского; достойно привести одно из них: "нет правды в стране гяуров (т. е. в царской России), и пока не будет правды в "Книге судеб".³⁸ Согласно видению Абу-Джафара, "во дни Шамиля сокрушился Кавказ".³⁹ Это произойдет следующим образом: "Пожиратель книг" (так Н. Г. Чернышевский называл самого себя, но в данной работе "Пожиратель книг" выступает то в образе Н. Г. Чернышевского, то как символ передовой русской науки), создал проект замечательной, очень мощной машины, которая может значительно облегчить жизнь и труд людей.

“И работа ее даром, и годится, она для всякой работы и большой, и малой”; варить, печь, ткать, шить, строить дома, сеять, жать, собирать хлеб, строить дороги, проводить каналы, поправлять реки, осушать болота, осваивать пустыню и многое другое. И будет имя этой машины Эвергет”. Однако чертежи “добрый машины” возьмут (без сомнения царские власти) и спрячут от всех. И начнут делать три бомбы, каждую бомбу в сто миллионов пудов”. И когда сделают 3 бомбы, “тогда по чертежу Эвергета и сделают машину, чтобы она бросала ту бомбу на тысячу верст вверх и будет машина называться уже не доброй, а Сейсмот (потрясатель земли) и Хедергет (проклятой).⁴⁰ Одну из бомб с помощью Сейсмот Хедергета поднимут на тысячу верст и бросят на Кавказ. И упадет эта бомба на Эльбрус и пробьет его до основания”. “И всякое землетрясение будет по всему Кавказу. И десятая часть людей на Кавказе погибнет... Великое горе Кавказу от падения бомбы. И от взрыва ее погибель”.⁴¹

Ясно, что здесь Н. Г. Чернышевский прежде всего подымает голос протеста против растрачивания народного добра, таланта ученых на ненужные трудовому народу захватнические войны.

Далее важно отметить оценку Н. Г. Чернышевского военных операций царизма на Кавказе, как наносящих вред, разоряющих русский народ. Н. Г. Чернышевский обращает внимание также на гибель, которую принесла затеянная самодержавием война как горцам, так и русским. Когда Н. Г. Чернышевский пишет о гибели “десятой части людей на Кавказе”, он имеет в виду не только горцев, но и русских (сравни вышеприведенное его письмо к родным).

Вернемся к изложению сюжета “Кормило кормчему”. Как и следовало ожидать, пророчество Абу-Джафара потрясло народ. Марабут продолжал: “Милосерден бог и милостив. И пошлет бог спасение Кавказу”. За несколько дней до того, как будет бомба брошена, будет “знамение”: на кровле дома Шамиля появится баран и заблеет по-козлиному. “И услышит народ козлоголосование, и поймет Кавказ: близка погибель Кавказу от потрясателя земли. И смирится Кавказ, и спасется Кавказ”.⁴² Перепуганный пророчеством народ потребовал от Шамиля заключить мир с царизмом. Однако имам сумел убедить горцев, что пророчество Абу-Джафара лживо, т. к. он подкуплен Воронцовым”.⁴³ Тогда было решено казнить Абу-Джафара. Пока идут приготовления к казни, Шамиль вводит к себе в дом Абу-Джафара и ведет с ним тайную беседу в присутствии преданного имаму честного Асланбея. Очень

интересен диалог между Шамилем и Абу-Джафаром. Шамиль сказал: "Марабут Абу-Джафар, ты мерзавец, ты хуже пса и душа твоя грязнее нечистого тела свиньи. Но ты марабут. Как допускает бог таких людей быть марабутами, я не знаю. Но такова воля божья. Знаю я, недорого купить тебя на всякое подлое дело. Но не подкуплен ли ты князем Воронцовым, так как тебе выгодно, чтобы здесь не было мира, и ты знал, что идешь на верную смерть". Абу-Джафар отвечал, что не хотел идти, но "его повела сила божья". Абу-Джафар сказал также, что в руках у его сына есть условия мира, предлагаемые кавказским командованием предводителю горцев. И тут же спросил: не собирается ли Шамиль принять эти условия. На что Шамиль, хотя и не прямо, ответил отказом.⁴⁴

Н. Г. Чернышевский заставляет Шамиля допытываться у марабута, куда же еще, кроме Кавказа, царь собирается сбросить бомбы (всего их было три). Может быть те, кого собирается атаковать царь, помогут Шамилю? Абу-Джафар не успевает дать ответ на этот вопрос и погибает. Удивленный случившимся мюрид Аслан-бей спрашивает имама: "Как же ты убил истинного пророка, Шамиль? Не хорошо. Грех перед богом". На что Шамиль ответил: "Так надобно, Аслан-бей... Кто не делает так, не годится управлять народом. Вот например... Сражаешься ты хорошо. А в правители не годишься. Потому, что большая душа у тебя, правдивая. Сердце у тебя справедливое. Ты не мог бы понимать, как должно правителю. Грех мне, говоришь ты. Нет. На то воля божья. Когда поставил бог тебя управлять народом, то воля божья на все, что надобно делать, по делам моим, чтобы оставаться на месте, на которое поставлен я, - помолчавши сказал, - Аслан-бей, правдивая душа! Без обмана тут нельзя".⁴⁵

Вкладывая эти слова в уста Шамиля, великий революционный демократ преследовал определенные цели. Ознакомившийся с этими строками читатель не мог не задуматься. На самом деле, если даже поднявшийся на гребне выступления горского крестьянства предводитель борьбы против самодержавия уверен, что без обмана народа нельзя им управлять, то каково может быть самодержавное управление такой огромной страной, как Россия. Или, если правителю нельзя иметь "большую" "правдивую душу" и "справедливое сердце", то какая должна быть душа и какое должно быть сердце у российского монарха и его окружения. Могут возникнуть и другие аналогии, но как бы то ни было, ясно одно, что этот отрывок вряд ли оставит читателя равнодушным. Вместе

стем эти строки характеризуют Шамиля как личность, способную прибегнуть ко всякого рода ухищрениям, в том числе и обману рядовых участников движения, ради продолжения борьбы. Только ли ради продолжения борьбы? Быть может и ради укрепления и сохранения власти имама. Не вызывает сомнения и тот факт, что Н. Г. Чернышевский сумел разглядеть в деятельности Шамиля черты, которые не заметили многие историки- кавказоведы. Факты свидетельствуют, что Шамиль для укрепления своей власти и для поднятия духа и боеспособности борющихся горцев с целью привлечения новых сил сам составлял письма от имени правителей ближневосточных государств и распространял их среди трудящихся горцев Дагестана.

На это обстоятельство обратил внимание А. Юров. "Чтобы придать себе более важности в политическом отношении, - писал он, - Шамиль распускал слухи, а часто даже рассылал письма, полученные им будто бы от египетского паша Магомед- Али к дагестанским народам".⁴⁶

Это письмо, как отмечает ген- адъютант Нейгардт, "пересылалось из одного общества в другое". В нем говорилось: "До сих пор будучи занят борьбой с европейскими державами, которые по воле божьей имеют ко мне полную покорность, но новые мои силы обращены против России, а поэтому, назначив Шамиль- эфенди вашим шахом, . . . предписываю Вам иметь к нему полное повиновение быть моими помощниками в этом предприятии, обещая, что скоро к вам прибудет часть моего войска. Если кто-нибудь не исполнит сего требования моего, то его голова будет отрублена вместе с головами неверных".⁴⁷

Марабут Абу-Джафар казнен. Шамиль не успел узнать у него все, что ему хотелось и его мучает вопрос, как "спастись Кавказу и без покорности гяуру".⁴⁸ Так заканчивается "Кормило кормчему".

"Знамение на кровле" - есть прямое продолжение "Кормило кормчему", что следует как из содержания произведения, так и указания самого Чернышевского.⁴⁹ Проследим за сюжетом "Знамения". Первоначально читаем в нем: "мюриды, найбы- сами администраторы" и все остальные были уверены, что марабут был подкуплен Воронцовым, и его пророчество о гибели Кавказа неверно. Через пять недель, когда муэдзин стал оповещать об утренней молитве, раздался более сильный крик. На кровле дома Шамиля стоял баран и кричал по- козлиному. "Что такое? Неужели сбывается?

И вдруг зашумел народ... выбежал на крыльцо Шамиль и Асламбей, опомнившись, упал подле него. Мириться! Мириться!- был гвалт народа". Шамиль сделал отчаянную попытку силой заставить народ замолчать. Но за оружие взялись только 5-6 преданных мюридов. Остальные пожимали плечами. "Нет, Шамиль, когда народ глуп, то глуп, а когда прав, то прав", говорили они. А народ подступал с криком "Миришь! Миришь!" Шамиль пытался уговорить, но народ требовал своего. Тогда Шамиль стал угрожать".⁵⁰

На первый взгляд здесь как будто описан лишь один эпизод из жизни борющихся горцев. На самом деле - это блестящая характеристика целому этапу. В этом не трудно убедиться хотя бы потому, что перечисленные здесь факты характерны для конечного, т. е. третьего этапа движения. Этот этап начался за несколько лет до военного поражения Шамиля; когда в имамате явственно обнаружились противоречия, подспудно существовавшие с самого начала движения, когда утомленные, изнуренные и разоренные продолжительными военными действиями, а также произволом и лихоимством наибов, широкие народные массы стали отходить от движения. В это время все больше и больше раздавались голоса, требующие прекратить сопротивление и заключить мир с Россией. В приведенном отрывке рядом с Шамилем оказались 5-6 преданных мюридов. Нечто схожее происходило и в действительности. Не только народные массы отходили от движения, но, говоря словами Н. Дубровина, переходили "к нам (т. е. на сторону царизма - В. Г.) многие из его (т. е. Шамиля - В. Г.) наибов и между прочим, чеченский Баты, аварский Хаджи-Мурад и джурмутский Кали-Али".⁵¹ По подсчетам исследователей преданных Шамилю оказалось примерно 30 наибов, которые "жертвовали свою душу и добро ради пророка Магомета".⁵²

В чрезвычайно сложной внутренней и внешней обстановке Шамиль стремился продлить существование имамата, прибегал к всевозможным угрозам и репрессиям. Широко известны, например, карательные экспедиции, которые Шамиль предпринимал против отошедших от движения сел: Андалала, Гумбета, Гидатля и др. Но эти меры, как и следовало ожидать, не приводили к желаемым результатам. "Выбегаемые к нам горцы, - писал начальник дагестанской области, - большею частью выходили вследствие преследований Шамиля или его приближенных и будучи принимаемы нами, старались отблагодарить нас".⁵³ А иногда "возмущения народа выливались в волнения и восстания".⁵⁴ В вышеприведенном

отрывке ни к чему не привели угрозы Шамиля, ему так и не удалось заставить замолчать народ. Народ продолжал требовать от Шамиля заключения мира. Имам оказался в затруднительном положении. В конце концов ему удалось выпросить у народа время на обдумывание. Ища выход из создавшегося положения, он не переставал думать, кому кроме Кавказа, а точнее борющихся горцев, предназначены те две царские бомбы. Оказывается, Шамиль знает, кому они предназначены.

“Вторая бомба, - говорит имам, - полетит на Турцию и истребит Стамбул... третья бомба на Австрию и истребит Вену. Турция- страна правоверных, оно так, но годится она лишь на то Кавказу, чтоб черкесы имели куда продавать дочерей, кроме не к чему. Гнилая трость и сломится под рукой опирающегося на нее и ранит руку”.⁵⁴ Эти слова вложил Н. Г. Чернышевский в уста Шамиля. Они мало чем отличаются от того, что действительно говорил Шамиль. Как стало известно впоследствии, Шамиль был недоволен султаном турецким: “Он знал, что я глава мусульманства на Кавказе, он знал, какое дело я делаю и ни одного раза не полюбопытствовал узнать о моем положении, ни одного раза не прислал спросить, как твое здоровье, Шамиль? Как твои обстоятельства? И далее, коснувшись присланных ему султаном знамени и медали, украшенной драгоценными камнями, он заметил, “что не придаст никакого значения им, так как они были присланы без всякого письменного документа. И кроме того, “медаль со знаменем составляла первый и последний случай сношения с ним султана”.⁵⁵

Более резко выразил Шамиль свое недовольство султаном турецким в 1844 году в беседе с пленным князем Орбелиани. “Но разве ты думаешь, что султан верный исполнитель законов Магомета, а турки истинные магометане? Они хуже гяуров. Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы их на двадцать четыре куска, начиная с султана”.⁵⁶

-Что же касается Австрии (здесь Н. Г. Чернышевский имеет в виду позицию Австрии по отношению к России во время Крымской войны), то она “не лучше”. Общій вывод- стало быть на эти бомбы нечего рассчитывать, чтобы от страха перед ними была помощь горцам.⁵⁷ Иначе говоря, Шамиль согласно анализируемому произведению, хорошо знает, что “помощь” иностранных государств не принесет пользу Кавказу, не поможет Шамилю противостоять царизму. Далее мы узнаем, что самодержавие, не остановившись на достигнутом, начнет работы по изготовлению четвертой бомбы.

“Только не будет доставать у них ни железа, ни пороху, ни работников”.⁵⁸ Как видно, русский революционный демократ отрицательно относился к несправедливым захватническим войнам. Вместе с тем Н. Г. Чернышевский этим дает понять читателю, что захватнические войны, если даже они завершаются победой, тяжелым бременем ложатся на плечи трудовому народу. Это принципиальное мнение революционного демократа, которое еще раз подтверждается его высказыванием о захватнических войнах. “Всякая война,- писал Н. Г. Чернышевский,- имеющая целью завоевание или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успехами не сопровождалась, к каким бы выгодным, по-видимому, результатам ни приводила”.⁵⁹ Другим очень важным выводом Н. Г. Чернышевского является и то, что несправедливые войны одного из государств, как правило, приводят к столкновению с державами, также проводящими захватническую политику и не желающими уступать кому-либо добычу. Эта мысль в анализируемом произведении высказана следующими словами, вложенными в уста Шамиля. В то время, как у царя не будет средства для изготовления бомбы, “сложатся другие гяуры-немцы, и французы, и англичане- и легко им вместе сделать Потрясателя земли и бомбы еще гораздо больше тех. Изготовленные совместными усилиями две бомбы бросить- одну на Петербург, одну на Москву. Это очевидно вселило какую-то надежду, Шамиль обращается к Аслан-бею и говорит: “поезжай же ты..., к “Пожирателю книг”, ты найдешь его, “у гяуров так заведено, что известно обо всяком начальству” (намек на то, что самодержавие устанавливало слежку). И отдай ему книгу с записью видения Абу-Джафара. Если он поверит, то бросит изготовлять машину, не поверит, ты убей его. Поставив такую задачу перед своим преданным мюридом, Шамиль вышел к народу: “Братья,- начал он,- у гяуров есть поговорка: “голос народа,- голос божий”. Есть видно и у гяуров кое-что правдивое в мыслях. Поищем же правды у гяуров. Пошлем к ним Аслан-бей”. “Хорошо! Хорошо!,- закричал народ” и не догадался даже точно узнать куда и с какой целью пойдет Аслан-бей. А тем временем Шамиль велел стащить с кровли своего дома по-козлиному кричавшего барана и зарезать. Но “мясо не ешьте,- сказал имам,- отдайте собакам, он слуга шайтана, он проклятый”. “Вот и подготовлено, чтобы дело опять повернулось как надобно”,- подумал Аслан-бей.⁶¹ Таким образом Шамиль, виро-

чем как и в действительности, добился продолжения войны. Встает вопрос, почему Шамиль все-таки не прекратил борьбу? И делал все чтобы продолжить ее. С точки зрения Н. Г. Чернышевского, он, прежде всего руководствовался своими корыстными мотивами, отказываясь заключить мир. Возможность такого предположения, подтверждаются и следующие слова, вложенные в уста Шамиля. На вопрос марабута Абу-Джафара, удовлетворят ли имама предложенные кавказской администрацией условия мира, Шамиль ответил: "Нечего спрашивать у орла, какие условия примет он, чтобы дать подрезать свои крылья".⁶²

У читателя "Кормило кормчему" и "Знамение на кровле" могут возникнуть вопросы: для чего такие сложности? Почему Н. Г. Чернышевскому потребовалось, чтобы призвал горцев к миру человек с одной стороны подкупленный Воронцовым, а с другой-уполномоченный "духом" первого имама Дагестана и Чечни Гази-Магомеда и богом? Н. Г. Чернышевский хочет показать, что в период и особенно после Крымской войны полезнее было для горцев заключить мир с Россией.

Анализ "Кормило кормчему" и "Знамения на кровле" не оставляет сомнения, что Н. Г. Чернышевский считает борьбу горцев освободительной, справедливой. В этой связи нельзя не указать на следующее высказывание великого революционного демократа. Он писал: "Человеку трудящемуся разорительна всякая война, полезна для него только та война, которая ведется для отражения врага от пределов отечества".⁶³ Но Н. Г. Чернышевский считает, что в конце движения, которое мы, советские историки, обычно называем третьим этапом, более явно стали проявляться реакционные черты, намного сократилась социальная база, предводители движения, говоря словами проф. Н. А. Смирнова, "вынуждены были опираться в борьбе с царизмом на довольно ненадежные и неустойчивые элементы".⁶⁴ Борьба горцев стала безнадежной. У них не было сил и возможностей защитить себя от царя, добиться свободы. Поэтому продолжение войны в таких условиях было делом безнадежным, вело к громадным, ненужным жертвам как среди русских, так и горцев. Шамиль мог бы в это время принять предложение о мире, которое как указывает Н. Г. Чернышевский, было относительно для тех конкретных условий более приемлемым, чем продолжение войны.⁶⁵ Эта точка зрения Н. Г. Чернышевского имеет исключительное значение для понимания истории борьбы горцев Кавказа с царизмом и истории ряда других национально-осво-

бодительных движений. Она обязательно должна быть учтена исследователями. Небезынтересно заметить, что Н. Г. Чернышевский не только блестяще разбирался в политической ситуации кавказских событий, но и чисто военные вопросы анализировал чрезвычайно компетентно.

Прав полковник Н. Макеев, когда утверждает, что "в вопросах военно-исторических Н. Г. Чернышевский обладал большой эрудицией".⁶⁶

Согласно воспоминаниям Л. Ф. Николаева, Н. Г. Чернышевский, будучи на каторге, сумел предсказать "весь ход войны (франко-русской-В. Г.) почти до деталей сражений, походов, отступлений и проч."⁶⁷ На отличном знании фактов и большом понимании дела основано и высказывание Н. Г. Чернышевского о предложениях о мире, с которыми обращалась в период и после Крымской войны кавказская администрация к Шамилю. Хорошо осведомленный участник борьбы на Кавказе царский историк А. Л. Зиссерман пишет, что в 1855 году генерал-адъютант Муравьев обдумывал мысль предложить Шамилю "нечто вроде учреждения диктатуры под нашим покровительством".⁶⁸ О переговорах в тот период царского командования с Шамилем о мире знает и местный историк Мухаммед-Тахир.⁶⁹ В июле 1859г. в письме главнокомандующему на Кавказе кн. Барятинскому канцлер Горчаков предлагал как можно быстрее заключить мир с Шамилем. "Политический горизонт, дорогой князь, далеко не ясен. Свидание в Виллафракке может привести к новым комбинациям, исход которых пока никому предвидеть нельзя... Если бы Вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещании в Европе, достигнув этого без жертв кровью и деньгами".⁷⁰

Из вышесказанного явствует, что в "Кормило кормчему" и "Знамение на кровле" Н. Г. Чернышевский дал глубокое освещение принципиальных вопросов борьбы горцев Дагестана и Чечни 20-50-х годов XIX века, царской политики на Кавказе и характера движения горцев, роли мусульманского духовенства и иностранных государств.

Новым принципиально важным моментом в изучении движения кавказских горцев является заключение Н. Г. Чернышевского о последнем этапе борьбы горцев. Кроме того Н. Г. Чернышевский блестяще показывает, какой вред в политическом и экономическом отношениях принесли России завоевательные войны. Он

озабочен тем, что колониальная политика, которую ведет царское правительство, приведет Россию к столкновению с не менее агрессивными западно-европейскими державами. Отсылая свои работы, в числе которых были и “Кормило кормчему” и “Знамение на кровле”, Н. Г. Чернышевский писал жене: “Бедный русский народ, тяжело придется ему в этом столкновении”.⁷¹ Разоблачая захватническую политику русского царизма, Н. Г. Чернышевский, горячо любя великий русский народ, неустанно разъяснял непричастность трудящихся к завоеваниям самодержавия. “Нет, - писал он, - не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как монголы, а спасателями и от ига монголов, которые сдержали на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей”. В то же время великий демократ глубоко верил в творческие силы русского народа. Был уверен, что русский народ сыграет положительную прогрессивную роль. “Пусть, - писал он, - Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную... выступить мощно, самобытно и спасительно для человечества”.⁷²

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

IV. Н. А. ДОБРОЛЮБОВ О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ 1829-1859 ГГ.

Николай Александрович Добролюбов — национальная гордость русского народа и всех народов России. Всем просвещенным и мыслящим людям, писал В. И. Ленин, дорог Н. А. Добролюбов, “страстно ненавидящий произвол и страстно ждавший народного восстания против... самодержавного правительства”.¹ Очень высоко ценил талант и общественно-политическую деятельность Н. А. Добролюбова вождь революционной демократии России Н. Г. Чернышевский. После смерти Н. А. Добролюбова Н. Г. Чернышевский писал: “Вот уже два месяца с половиной редкий день проходит у меня без слов... Я тоже полезный человек, но лучше бы я умер, чем он. Лучшего защитника потерял в нем русский народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем он хотел тебя увидеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих”.²

Литературно-критическая и общественно-политическая деятельность выдающегося мыслителя и революционного демократа Н. А. Добролюбова, как известно, протекала в тесном сотрудничестве с Н. Г. Чернышевским. Уже один этот факт говорит, что он не мог не сочувствовать движению кавказских горцев. С точки зрения прогрессивных идеалов против колониальной политики царизма, не могла не оцениваться как справедливая. Анализ же произведений и высказываний, относящихся к так называемой Кавказской войне, не оставляет в этом никакого сомнения.

Один из литературных приемов Н. А. Добролюбова заключался в дискредитации творчества авторов, нападавших в своих работах на движение горцев Дагестана и Чечни.

В числе наиболее активных “идейных” борцов с движением кавказских горцев, на которых обратил свое внимание Н. А. Добролюбов, были литераторы граф В. А. Соллогуб и Е. А. Вердеревский. Конечно, было бы неверно изображать дело так, словно идейная борьба Н. А. Добролюбова с Е. А. Вердеревским и особенно с В. А. Соллогубом, была вызвана только их взглядами и отно-

шением к политике царизма на Кавказ. Именно их литературная деятельность, направленная против освободительного движения кавказских горцев, встретила решительный отпор Н. А. Добролюбова.

Свою службу на Кавказе Соллогуб начал в 1850г. в Тифлисе у первого кавказского наместника М. С. Воронцова чиновником по особым поручениям. А также, говоря словами офицера А. Э. Циммермана, он писал исключительно литературные заметки.

В 1855-1856гг. В. А. Соллогуб издал в Петербурге свои "сочинения" в пяти томах. В следующем 1857г. Н. А. Добролюбов в "Современнике" помещает статью "Сочинения графа В. А. Соллогуба". В ней Н. А. Добролюбов рассматривает все литературное творчество В. А. Соллогуба как в "докавказское" время, так и в период его службы при Воронцове и Барятинском.

Мы же из статьи Н. А. Добролюбова рассмотрим преимущественно то, что непосредственно относится к теме нашего исследования.

Как правильно указывает Н. А. Добролюбов, начало литературной деятельности В. А. Соллогуба сопровождали "восторги читателей и критики". В. А. Соллогуб "несомненно обладал... силою таланта". Однако напечатав такие, получившие большую известность произведения, как "Большой свет", "История двух галош", "Тарангас", он затем "замолк надолго по крайней мере для обычного литературного круга".⁵ Это не значит, что Соллогуб ничего не опубликовал. Его работы печатались в "Записках Кавказского отдела географического общества", в газете "Кавказ" и других изданиях, не всегда доступных широким кругам читателей России. Пятый том сочинений Соллогуба целиком состоит из произведений, написанных на кавказскую тематику.

Каковы же его наблюдения и выводы о Кавказе?

Он утверждал, будто горцы похожи "скорее на орангутангов, нежели на людей".⁶ "Проводимые Шамилем в фанатическое иступление", они, по мнению Соллогуба, "не должны возбуждать ничего, кроме отвращения".⁷ Соллогуб воспевал "красоты" войны. С его точки зрения, "бесспорно, что война составляет одну из поэтических сторон кавказской жизни".⁸ Он прославлял генералов, подавляющих в крови движение кавказских горцев, разорявших горные аулы. Генерала Аргутинского-Долгорукова граф Соллогуб ставил в один ряд как "военачальника с... Суворовым и Наполеоном".⁹

Один из героев Соллогубского "Тарантаса" Иван Васильевич в новом произведении писателя "Иван Васильевич на Кавказе" отправляется в этот беспокойный край, чтобы убедиться самому, а главное, поведать читателям, как необходима война против кавказских горцев".¹⁰ Даже в претендующем на научную объективность "Очерке Кавказа", где речь идет о природе Кавказа, называется политическая тенденция Соллогуба. Он пишет, например, "о подвиге беспримерном" царских генералов, которые "усмиряют" племена, "обитающие на северных покатостях гор". Сопротивляющиеся им горцы называются им "хищниками".¹¹

Объективно анализируя творчество Соллогуба, Н. А. Добролюбов отмечает, что автор в "последнее время присоединил к прежним своим опытам и изучениям целую обширную сторону — Грузию с Кавказом".¹² Соллогуб "сделался статистиком, этнографом, историком, биографом, туристом, даже критиком и историком литературы", "составил биографию Котляревского, написал несколько слов о начале кавказской словестности".¹³ Но Н. А. Добролюбов не скрывает и своего отрицательного отношения к творчеству Соллогуба "последнего времени" "... в которое включается и время пребывания его на Кавказе. Все написанное Соллогубом в тот период "не могло быть названным новым обогащением русской литературы. Имя его потеряло прежнюю привлекательность и далеко отдалилось от имени Пушкина, Гоголя, Лермонтова"¹⁴, — заключает критик.

Н. А. Добролюбов скрывает причину, почему "новые произведения графа Соллогуба (в т. ч. произведения на кавказскую тему В. Г.) не встретили того восторженного приема, какой имели его первые повести. Если отвлечься от "разных общественных вопросов", затронутых в творениях Соллогуба, то по мнению Н. А. Добролюбова, нельзя не признать, что "талант этого писателя остался прежним".¹⁵ Все дело в том, что Соллогуб трактует общественные вопросы (в том числе и проблему так называемой Кавказской войны) так, что демократическому писателю не может не броситься в глаза реакционная направленность творчества этого писателя.¹⁶

Свои критические стрелы Н. А. Добролюбов направлял и против другого активного участника идейно-политической борьбы с движением горцев Е. Вердеревского. С 1854 года в течение нескольких лет Е. Вердеревский возглавлял газету "Кавказ". Образцом творчества Е. Вердеревского может служить памфлет "Ша-

миль в Париже поближе", в котором он вместе со своим соавтором Н. Дункель-Веллингтом дошли до утверждения, будто на Кавказе "народная масса состоит из жаждущих добычи изуверов".¹⁷

Особенно "прославился" Е. Вердеревский работой "Плен у Шамиля", где описывались страдания захваченных в плен горцами княгинь Орбелиани и Чавчавадзе.

Антидемократические политические тенденции труда Вердеревского шли вразрез с революционными взглядами: Н. А. Добролюбова. Однако открытое нападение на книгу, поддержанную властями, вряд ли было возможно. Великий критик "свел счеты" с Вердеревским другим способом. В небольшой статье, помещенной в "Современнике", Н. А. Добролюбов разбирает произведения Вердеревского "Стихотворения первой молодости" и "От Зауралья до Закавказья".¹⁸ Эти две книги подвергаются разгрому. Н. А. Добролюбов пишет о них, как "о двух никому не нужных и не интересных книгах".¹⁹

Произведение "От Зауралья до Закавказья" написано в форме писем. С насмешкой Н. А. Добролюбов отмечал, что письма эти первоначально печатались в Петербургских ведомостях, а потом в газете "Кавказ". Там было их место, но как отдельная книга, они возбуждают интерес в читателях. "Письма как письма, что в них нет ничего слишком глупого, или слишком умного".²⁰ А чтоб его позиция в отношении Вердеревского на кавказскую тему была еще ясней, Н. А. Добролюбов пишет: "... Публика знает, какими исполненными шагами идет вперед благонамеренность... графа Соллогуба. Г. Вердеревский с ним состязается".²¹

Н. А. Добролюбов не случайно в статье, посвященной творчеству Вердеревского, соединяет его имя вместе с именем Соллогуба. Вердеревского, как литератора, сближала с Соллогубом, прежде всего, одинаковая несправедливая точка зрения на кавказских горцев. Понятно, что в устах революционера-демократа Н. А. Добролюбова "похвала" в благонамеренности, в которой Вердеревский "состязался" с писавшим в про царистском духе о Кавказской войне Соллогубом, могла звучать только как насмешка и обвинение.

Показывая духовное родство упомянутых литераторов, Н. А. Добролюбов подчеркивает, что одно из своих произведений на кавказскую тему "Соллогуб написал в умиленном единогласии с Вердеревским".²²

Остановимся еще на одной работе великого революционера -

демократа. Речь идет об оценке Н. А. Добролюбова событий 1857-1859 гг. в Индии. Хотя его статья посвящена индийскому восстанию, анализ ее помогает во многом определить позицию Николая Александровича к событиям, происходившим в это же время в Дагестане и Чечне. Известно, что индийское восстание вызвало в России живой интерес. Почти все журналы и газеты помещали о нем статьи и корреспонденции.²⁵ Описывая всеобщий интерес к этому восстанию, один из авторов в журнале "Отечественные записки" отмечал: "В настоящее время в политическом мире едва ли есть вопрос важнее, интереснее и серьезнее вопроса об Индии... все с величайшим нетерпением ждут известий из Индии; на столбцах газет прежде всего ищут магических слов: "Индия", "Индийская почта", "Корреспонденция из Калькуты".²⁴

Очевидно, такой интерес русского общества к событиям в Индии следует объяснить помимо значимости самого восстания и политическим положением в самой России. Это было время, когда, как указывал В. И. Ленин, происходило "оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью, всем дворянством, распространение по всей России "Колокола", могучих проповедей Н. Г. Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, проявление прокламаций, возбуждение крестьян, которых "очень часто" приходилось с помощью силы и с пролитием крови заставлять принять "Положение", обдирающее их как липку, коллективные отказы дворян, мировых посредников применять такое "Положение", студенческие беспорядки - при таких условиях самый осторожный и трезвый должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание опасностью весьма серьезной".²⁵ Назревала революционная ситуация.

В такое время при всеобщем интересе к индийскому восстанию нужно было сказать свое слово революционерам - разночинцам, "Современнику" нужна была статья, писал Н. Г. Чернышевский, - о нем"²⁶ (т. е. о восстании - В. Г.). За это дело взялся Н. А. Добролюбов. Статья его "Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии" была опубликована за подписью Турчанинова.

"Статья, - писал Н. Г. Чернышевский, - вышла хорошая".²⁷ Мы же укажем, что статья Н. А. Добролюбова, как единодушно отмечают исследователи, несомненно была наиболее глубоко научным исследованием, вышедшим из-под пера современника. Статьей,

близкой по ряду выводов к трудам и высказываниям К. Маркса.²⁸ Без сомнения, рассматривать ее надо как выражение сочувствия и поддержки русского народа народам Индии. Показывая тяжелое положение трудящихся Индии, Н. А. Добролюбов объективно вызывал сочувствие к поработленным народам:

Раскрывая социально-политические причины, вызвавшие восстание, Н. А. Добролюбов убедительно показал, что оно было неизбежно, "потому что есть мера всякому терпению человеческого... " и оно "должно было произойти по естественному ходу английских дел в Индии".²⁹ Индийское восстание, заключает чуть ниже автор, следует рассматривать не как случайный взрыв, а как дело исторической необходимости. Объяснение ему нужно искать не в этом или другом частном влиянии, а во всей истории Индии.³⁰ И далее, описывая историю покорения Индии, автор бичует жестокую колониальную политику правящих кругов Англии.

Этот вывод имел и чрезвычайно важное политическое значение.

Дело в том, что русская пресса конца 50-х - начала 60-х гг. XIX в. оказалась в весьма щекотливом положении. Раскрывать колониальную политику Англии и в ней видеть причину восстания было небезопасно: это могло возбудить нежелательные сравнения с событиями на Кавказе. Поэтому приходилось приписывать причину восстания темноте и жестокости самого индусского населения.

Бросая упреки англичанам в непомерной гордости, алчности и прочих "грехах", авторы статей, как правило, подробно описывали "дикость" индусов, считая это главной причиной восстания.³¹ И в такое время великий русский революционный демократ не побоялся объяснить основную причину, вызвавшую восстание в Индии, — колониальную политику Англии. Само собой понятно, что у читателей этой статьи должна была возникнуть мысль об известной схожести политики капиталистов и русского царизма на Кавказе.

В конце статьи Н. А. Добролюбов делает очень важный вывод: после восстания под воздействием и с помощью "общественности всей страны, Англия должна будет... устроить управление Индией с большим пониманием к нуждам народа, с большею заботой о его благе", чем это было ранее.

Читателю не трудно догадаться, что и на Кавказе, где в 1857 г. шли еще достаточно ожесточенные бои, следовало бы с по-

мощью "общественного голоса" изменить военно- административный аппарат. То, что такое понимание статьи Н. А. Добролюбова не является беспочвенным, подчеркивается написанной им и помещенной в 1859г. в №11 "Современника" статей, что в Индии, а также с борьбой за свободу в Алжире и Ломбардии.³³

Большой интерес для понимания предмета нашего исследования представляет статья Н. А. Добролюбова "Жизнь Магомета. Сочинения Вашингтона Ирвинга", опубликованная в "Современнике" в 1858г. Издание в переводе на русский язык исследования Ирвинга для своего времени было значительным явлением. Н. А. Добролюбов специально взялся за роль личности в истории. Он совершенно справедливо подверг резкой критике господствовавшую в то время в исторической, да и не только в исторической литературе концепцию, считавшуюся главной движущей силой истории личность. "Странный вид принимают исторические знания под пером наших историков, - писал Н. А. Добролюбов, - точно скучная, нелепая сказка для детей". В них обычно рассказывается, что такой-то царь создал государство и что нашелся такой великий человек, который и выдумал новую религию, а войны выиграны также благодаря руководству и стойкости полководца.

"Восстание произошло от того, что несколько неблагонамеренных человек раздражали народ..., но ведь был же какой-нибудь материал, над которым все эти поколения правители и прочие великие люди производили свои упражнения? Ведь не один же, сам с собой полководец вел войну, - замечает Н. А. Добролюбов, - не сам же собой какой-нибудь молодец... основал вдруг целое "гражданское общество", кто-нибудь помогал ему, служил орудием его планов, и, верно, его замыслы согласились содействовать ему".³⁴

Историю делает народ, а не личности- такой вывод Н. А. Добролюбова не мог натолкнуть читателя на мысль, что и те события, которые происходили на Кавказе, были вызваны не действиями отдельных личностей, а потребностями общества и времени. Значение вывода Н. А. Добролюбова можно правильно оценить, если помнить, что вся официальная пресса неустанно твердила о том, что движение горцев Дагестана и Чечни возникло в результате злонамеренных действий отдельных личностей. Подобного рода объяснение исторических событий имел в виду великий революционный демократ, когда писал, что "на историческое развитие народа, на естественную, живую связь событий никогда не хотят обратить ни малейшего внимания наши историки".³⁵

Наиболее ясно и полно высказал свое отношение к движению горцев Чечни и Дагестана Н. А. Добролюбов в статье "О значении наших последних подвигов на Кавказе".³⁶ Появление статьи вызвано было следующими обстоятельствами. Как известно, 25 августа 1859г. царские войска на горе Гуниб пленили Шамиля. Этим завершилась длившаяся многие годы борьба горцев Дагестана и Чечни.

Самодержавие решило представить пленение Шамиля как событие огромной исторической важности. Реакционные силы России использовали этот факт как повод для возвеличивания могущества царя. Царизм пытался, в связи с разгромом национально-освободительного движения в Чечне и Дагестане, укрепить свой значительно пошатнувшийся после Крымской войны авторитет.

Множество журнальных и газетных статей посвящалось "подвигам" генералов, захвативших в плен Шамиля. Немало статей выдвигали эту победу за общенациональное дело, а окончание войны представляли как народную победу.

В такой обстановке русская революционная демократия должна была сказать свое слово. Этим словом и была статья Н. А. Добролюбова, опубликованная впервые в "Современнике" в 1859г. Мы уже знаем, что статьей этой очень интересовался лидер русского революционно-демократического лагеря Н.А. Чернышевский.³⁷

Прежде чем приступить к анализу статьи, небезынтересно остановиться хотя бы вкратце на том, как расценивали эту статью наши предшественники. Прежде всего отметим, что сами издатели Полного собрания сочинений под общей редакцией акад. П. И. Лебедева-Полянского оценивали эту статью как обвинительный акт против царизма. Таковую же оценку давал статье в своих исследованиях С. К. Бушуев, да и почти все историки, писавшие о борьбе горцев.³⁸

В 1947г. в своем выступлении в Институте Истории АН СССР М. В. Нечкина совершенно справедливо указала, что смысл статьи заключается в признании движения освободительной войной, народной войной с поработителями, с царизмом.³⁹ Однако в ряде работ, появившихся в начале 50-х годов, для доказательства реакционной сущности движения стали приводить отдельные произвольно выхваченные из контекста статьи, цитаты (о них ниже), пытались представить статью якобы направленной против движения горцев.

Мы уже имели возможность высказываться по этому вопросу

еще в 1956г.⁴⁰ Здесь же укажем, что в настоящее время все историки-кавказоведы единодушно считают, что в статье впервые в русской историографии правильно определены причины и характер движения горцев Северо-Восточного Кавказа.

Перейдем теперь непосредственно к анализу статьи. Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, что эта статья написана в подцензурной печати, эзоповским языком. Обычным приемом эзоповского языка, призванным обойти цензуру, как уже отмечалось в предыдущем очерке, было использование отвлеченных понятий, употребление терминов, сходных с употребляемыми в официальных изданиях и т. п. Именно этим и объясняется название самой статьи "О значении наших последних подвигов" (подчеркнуто нами. — В. Г.). Слово "наших" Николай Александрович несомненно употребляет из-за цензурных стеснений, так же как колониальное управление на Кавказе называют то "русским владычеством", то "нашим управлением". Статья начинается с констатации того факта, что в "последнее время" восторженные разговоры и статьи о Кавказе и Шамиле были очень часты. Н. А. Добролюбов подчеркивает, что не только в Петербурге, но, может быть, и во всей России "не оказалось, не могло оказаться" такого дома, где бы не шла речь об этом. Почему же все только и говорят о пленении Шамиля? Н. А. Добролюбов дает понять что царская пропаганда сделала свое дело. "Национальное чувство было слишком сильно затронуто новою славою русского оружия и должно было вылиться наружу в громких, восторженных и продолжительных толках". Н. А. Добролюбов выступает против хвалебного хора официозных историков и публицистов по поводу последних "подвигов" царизма. Он заявляет: "Всеобщность модных толков не исключает возможность нескольких скромных замечаний о деле. Конечно, предпринимаемая работа не легка, — продолжает он. — Мы решаемся на это среди общего шума восклицания и восторгов".⁴¹

Для того, чтобы разобраться в последних "подвигах" царизма Н. А. Добролюбов считает необходимым рассмотреть некоторые факты, разобраться в истории возникновения и хода движения горцев Дагестана и Чечни. Он пишет: "Настоящее, последовательное стремление к покорению Дагестана началось у нас с начала нынешнего столетия, вскоре после подданства Грузии", хотя край этот был знаком задолго до начала XIXв. Далее он очень кратко останавливается на дагестано-русских взаимоотношениях с конца XVI до начала XIX века.

В покорности правительству горцы удерживались в то время "особого рода политикой". Кавказское командование ссорило горских владетелей "между собой" и "напускало их на вольные общины". Такая система была "постоянно успешна до тех пор, пока не явился Казимулла (Гази- Магомед-В. Г.), воспламенивший в горах религиозный фанатизм".⁴²

Мы подошли к чрезвычайно важному моменту статьи Н. А. Добролюбова. Религиозные настроения, принимавшие порой форму фанатизма, действительно охватили многих участников освободительного движения в Чечни и Дагестане. Само движение проходило под религиозно-политическими лозунгами, облекалось в своеобразную религиозную оболочку.

Царская пропаганда успешно использовала этот несомненный факт в интересах правительства. Согласно официальной концепции движение кавказских горцев было порождено новым иверским мусульманским учением.

Исключительное значение имело опровержение Н. А. Добролюбовым утверждений царских историков и публицистов о причинах войны на Кавказе. Он пишет: "Обыкновенно приписывают исключительно этому явлению (т. е. мюридизму) те волнения, которые начались потом в покоренном нами Дагестане, но едва ли это вполне справедливо".⁴³ Далее Н. А. Добролюбов доказывает, что не "мюридизм породил движение кавказских горцев". Нанося сокрушительный удар по царской концепции, согласно которой мюридизм вызвал движение горцев, Н. А. Добролюбов замечает: "Религия сама по себе может, конечно, сильно увлекать новообращенных, но мюридизм не был вовсе религией новой. Это было то учение ислама, давно знакомое горцам, но никогда до тех пор не используемое ими."⁴⁴

Затем Н. А. Добролюбов разъясняет, что представляло собой учение тариката Накшбенди. Это "высшие нравственные предписания Корана, доступные не каждому мусульманину". Последователи тариката "представляли нечто вроде монашествующих орден ислама". Великий критик справедливо пишет, что строгое учение мюридизма никогда не находило себе значительного круга приверженцев. Мюриды пользовались большим уважением мусульман в Персии, Бухаре и пр., но никогда не воспаляли массы народные и не приобретали политического значения. Тем не менее можно было не опасаться влияния мюридизма на Кавказе, "среди разрозненных племен, да притом еще плохих мусульман".⁴⁵

Чем же объяснить, что уже в 1824 году “в то самое время когда казалось, что уже ничего не могло вырвать Дагестан из наших (читай: царских - В. Г.) рук, начались волнения”. Объяснение этому, подчеркивает Н. А. Добролюбов, нужно искать, конечно, не в успехах мюридизма; напротив, скорее сами его успехи нужно объяснить враждебностью горцев к русскому (читай: царскому - В. Г.) владычеству.⁴⁶ Вот в чем суть.

Не религиозное учение мюридизм, а нежелание горцев подчиниться колониальному владычеству царизма - одна из основных причин, вызвавших движение в Дагестане и Чечне. “Подвиги” же царизма, как первоначальные, так и последние, заключались в стремлении сломить сопротивление горцев, заставить их надеть на себя колониальное ярмо.

Таким образом, говоря словами проф. Н. А. Смирнова, в статье “впервые в русской историографии появление мюридизма, причины его распространения и дальнейшая судьба ставятся на реальную почву социально-экономических условий жизни горцев”.⁴⁷

Н. А. Добролюбов не отрицает, что первым кликом мюридизма на Кавказе был газават.⁴⁸ Но затем разъясняет, что в тех мусульманских странах, которые не подвергались нашествию захватчиков, где “утвердилось свое правительство, газават был забыт”. Иное дело Кавказ. “Горцы решились подвергнуться всем строгостям и неудобствам ислама - не пить вина, накрыть покрывалами женщин, прекратить разгул молодежи и прочее - только, чтобы получить надежду на изгнание русских”.

Напомним, что Н. А. Добролюбов написал слово “русских”, а не “русский царизм”, только по цензурным соображениям. Русский народ сам был жертвой царизма и является естественным союзником, братом народов Кавказа. Чем же объяснить такую ненависть горцев “к владычеству царизма на Кавказе; ненависть, которая заставляла горцев десятилетиями вести ожесточенную, изнурительную борьбу? Для объяснения этого царские генералы и историки использовали религию, веру в горцев “чудо”, знамение. Некоторые из них, например, использовали следующую слух: убитый в бою под Гимрами первый имам Гази-Мухаммед якобы одной рукой держал бороду, а другой указывал на небо. По поверьям мусульман, в такой позе умирали праведники.

С насмешкой пишет Н. А. Добролюбов о тех, кто утверждает, что “от этого будто бы восстание горцев после смерти Казимуллы возобновилось с большей силой, чем при его жизни”.⁴⁹ У Н. А.

Добролюбова мы не находим другое объяснение усиления движения горцев: "Едва ли нужно прибегать к "чуду" для того, чтобы растолковать причины непрерывной ненависти свободных горских племен к русскому (т. е. царскому — В. Г.) владычеству". В чем же причина этой ненависти? "Все дело разрешается гораздо проще: во-первых, ненависть к чужому господству вообще сильна была в горских племенах, и во-вторых, наше (царское- В. Г.) управление на Кавказе совершенно не было сообразно с местными потребностями и отношениями".⁵⁰

С "подвигами" царских генералов сбрасываются все парадные одежды. Утверждение Н. А. Добролюбова означало, что царизм грубо попирает свободу горских народов, навязывая им свое господство. Что касается царского управления на Кавказе, то оно было таким, что просто вынуждало горцев братья за оружие (конечно, по цензурным соображениям Н. А. Добролюбов не мог говорить более определенно, но все же сказал достаточно, чтобы читатель смог догадаться в чем суть дела): Так царские генералы и чиновники "не заботились о привлечении обитателей на свою сторону, а поступали уже с ними так, как бы с народом покоренным издавна и окончательно. Далее Н. А. Добролюбов приводит несколько примеров произвола и лихоимства тогдашней администрации Кавказа, заимствованы (им) из официальных источников.⁵¹ Все говорится о том, что такая политика царского правительства, а не занесенный в Дагестан "мюридизм" и не различного рода "чудеса" вызвали борьбу горцев с царизмом.

Появление после смерти Гази- Мухаммеда новых предводителей у горцев не было случайностью. "Так как во всем народе недовольство и брожение были сильны и общи, — утверждает Н. А. Добролюбов, — то и невозможно было, чтобы не нашлось приемника для убитого имама".⁵² Данное положение статьи чрезвычайно важно. Одно из главных положений царской пропаганды состояло в том, что освободительное движение в Дагестане и Чечне не прекращалось будто бы только потому, что у горцев были воинственные предводители. Н. А. Добролюбов показывает, что дело обстояло как раз наоборот: предводители появились у горцев именно потому, что горцы не хотели мириться с царским гнетом, что существовало направленное против гнета народное движение.

Н. А. Добролюбов довольно подробно описывает ход действий в кратковременный период правления имама Гамзат- бека, а затем и в 25-летний период правления Шамиля. К 1839 году положение

Шамиля становится критическим. После сражения при Ахульго (1839г.) "дело дошло до того, что ему, т. е. Шамилю, не было возможности далее оставаться в Дагестане".⁵³

Документальные данные подтверждают, что дело обстояло именно так. Положение уцелевших после разгрома при Ахульго сторонников Шамиля было настолько катастрофическим, что сам предводитель заявил: "Нет на свете никого, кроме тех, кто ненавидит и преследует нас".⁵⁴ Повторимся, царские военачальники считали взятие Ахульго концом сопротивления горцев: "Хотя Шамиля и не удалось пленить, - писал в своем донесении генерал П. Х. Граббе, - скитаясь одиноким в горах..., должен только думать о своем пропитании и о спасении собственно жизни. Секта мюридов пала вместе со всеми ее представителями и приверженцами... Столь счастливая разрядка экспедиции, - продолжал он, - дала мне возможность... приступить к тем мерам, которые я считаю необходимыми для упрочения спокойствия края".⁵⁵

Что же вновь придало силы Шамилю, вызвало новый подъем борьбы на Северо-Восточном Кавказе? Очень последовательно Н. А. Добролюбов отвечает и на этот вопрос. Он писал: "... в это время русское (читай: царское-В. Г.) управление показало себя именно с такой стороны, что не могло не возбудить неудовольствие во вновь покоренном народе".⁵⁶ С этого времени и "начинается блистательная эпоха правления Шамиля".⁵⁷

Восставшие горцы, предводительствуемые Шамилем, одержали ряд побед. И это несмотря на то, что в 1844г. наряду с Кавказским корпусом действовал присланный ему в помощь Николаем I пехотный корпус. Результат боевых операций хорошо подытожил офицер К. К. Бенкендорф. Он писал, что в 1844г. "Наше дело было проиграно и мы стыдились своего бессилия".⁵⁸

И действительно, вводимая кавказским командованием полицейская система управления, как впоследствии были вынуждены признать даже дворянско-буржуазные историки, "усиливала всеобщее недовольство".⁵⁹

Особенно это сказывалось в Чечне, где во главе колониального управления был поставлен ген. П. А. Пулло, "человек жестокий и несправедливый".⁶⁰ Поводом к восстанию в Чечне, - пишет Н. А. Добролюбов, - послужила мера, придуманная тогда для обезоруживания чеченцев. Им было предписано платить подати оружием вместо денег".⁶¹ Доведенные до крайности произволом царских военачальников, трудящиеся массы Чечни подняли всеобщее вос-

стане. Восставшие чеченцы обратились к Шамилю с просьбой возглавить их отряды, этим умело воспользовался Шамиль. В этом же 1840 году к восставшим присоединяется и значительная часть Аварии.

В 1845г., как отмечалось выше, последовал полный разгром армии ген. Воронцова во время похода в Дарго. Н. А. Добролюбов дал очень интересное описание так называемой Даргинской экспедиции Воронцова. Свой рассказ Н. А. Добролюбов начинает с продвижения царских войск в горы, при этом специально останавливается на тактике Шамиля. Затем красочно, хотя и кратко, изображает условия, в которых оказались царские войска. Вынужденные отступить, войска Воронцова, пишет он, "и перед тем уже дельвищие один сухарь на несколько человек (Даргинский поход известей под именем сухарницы -В; Г.), в течение пяти дней ничего не ели, кроме кукурузы. Потери наши (т. е. царских войск-В. Г.) в эти дни простиралась до 1200 человек убитыми и ранеными и если бы Фрейтаг запоздал еще сутками, весь главный отряд непременно погиб бы".⁶² И вслед за этим великий критик, приводя заимствованное из официальных источников описание "о победном шествии и героизме воннов главного действующего отряда", заключает: "Действительно, несмотря на все потери 1845г., поход Даргинский покрыл славою русские войска, которые доказали, что для них нет невозможного..."⁶³. Это очевидно сделано по цензурным опасениям.

На самом деле, в то время, как вся официальная пресса, выполняя социальный заказ самодержавия, всеми силами и средствами восхваляла героизм царских генералов, нельзя было писать только о поражениях. Однако, даже описывая победы, великий критик оказался верен себе. Он пишет не о подвигах генералов и офицеров, а о героизме русских войск, русского солдата, который действительно покрыл себя неувядающей славой. Совершенно прав Н. А. Добролюбов, когда замечал, что важнейшим следствием Даргинского похода было изменение системы борьбы с горцами. Было решено прорубать просеки в лесах, защищавших горцев, медленно, но верно окружать железным кольцом занятые ими районы, строить укрепления.

Как правильно пишет Н. А. Добролюбов: "Новая система действий с особенной силой и последовательностью приводилась в исполнение в последние годы движения."⁶⁴ Перевес царских войск стал очень велик, особенно после окончания Крымской войны. Даль-

нейшее продолжение борьбы горцев теряло смысл. Вот в чем была одна из решающих причин поражения Шамиля.

Глубоко проникая в суть дела, Н. А. Добролюбов вскрывает еще одно обстоятельство, способствовавшее успеху царизма в Чечне и Дагестане: генералы и офицеры, кроме военных мер, широко применяли идейно-политические средства.⁶⁵ Н. А. Добролюбов показывает некоторые из основных направлений этой борьбы. Он пишет: «необходимо было поддерживать в горах раздоры, а также развивать в горских племенах алчность к деньгам, т. е. прибегать к подкупам, поощрять корыстолюбие, чтобы разрушить в горах «врожденную их любовь к родине и поселять в них раздоры и распри... Тогда нужно было военное шпионство и предательство».⁶⁶ Говоря об успехах такой политики, в результате которой часть горцев стала переходить на сторону царизма, Н. А. Добролюбов с горечью отмечает, что «борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта». Горячей любовью к горцам, болью за то, что некоторые из них поддались царской пропаганде, продиктовано следующее восклицание: «До какой же степени лишены они были всякого создания о национальном единстве и как мало ценили свою свободу».⁶⁷

И наконец, третьей, но не последней причиной, приведшей к поражению движения горцев, было внутреннее разложение движения. Развал имамата, отход многих горцев в последние годы движения Шамиля Н. А. Добролюбов отчасти объясняет тем, что «под Шамилем была им уже свобода».⁶⁸ Раньше, до решающих успехов царизма свобода не была уж так плоха. «Уж плоха свобода» под властью Шамиля стала тогда, когда не осталось никакой надежды защититься от царизма. Тогда особенно ясен и нетерпим стал произвол наибов, притеснявших рядовых горцев. «Наибы его (т. е. Шамиля - В. Г.), - пишет Н. А. Добролюбов, - действовали очень произвольно, грабили и наживались, а он, говорят, очень часто смотрел на это сквозь пальцы. Уважение к себе он поддерживал более страхом, нежели любовью, палач был при нем неотлучно и казни были беспристанными».⁶⁹ Видимо таким путем Шамиль хотел сделать невозможное: продлить существование Имамата.

Чтобы читатели не сомневались в решающей причине, из-за которой горцы стали к концу войны покидать Шамиля (война потеряла смысл, одержать военную победу над царизмом стало невозможно), Н. А. Добролюбов подчеркивает: «Пака еще он (т. е. Шамиль - В. Г.) имел успехи и мог защищать горцев от русских

(читай: царизма- В. Г.), его... уважали и любили. Но как только успехи его прекратились, особенно же после того, как он высказал такую бездельность во время Крымской войны, которой мог воспользоваться, - значение его между горцами очень упало".⁷⁰

Развивая тезис о том, почему в последний период движения горцы покинули Шамиля, Н. А. Добролюбов пишет: "Они увидели в нем нет для них прочной защиты от русских (читай: царизма-В. Г.) и потому готовы были, при первой возможности, оставить его... Ясно было, что Шамиль уже сделал свое дело и не мог более противиться русским (т. е. царским-В. Г.) силам..."

Таким образом, Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности: Оттого-то и находилось так много людей, способных изменить ему, хотя, по понятиям горцев, да и по законам Шамиля, измена народу считается важнейшим преступлением и наказывается смертью".⁷¹

Как верно заметил Н. А. Добролюбов: "Теперь управление Шамиля не давало горцам никаких выгод, в то же время они видели жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее".⁷²

Следовательно, - заключает великий революционный демократ, - "им (горцам- В. Г.) представляется уже выбор не между свободой и покорностью, а только- между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта".⁷³ Небезынтересно отметить, что именно эти цитаты послужили основанием ряду авторов утверждать, якобы Н. А. Добролюбов был чуть ли не противником движения горцев. Но ведь эти, сами по себе совершенно верные выводы Добролюбова, что нетрудно понять, относятся к последнему этапу движения, и поэтому их ни в коей мере нельзя относить ко всей многолетней борьбе горцев. Вместе с тем необходимо также подчеркнуть, что эти краткие, но очень емкие выводы глубоко и всесторонне раскрывают внутренние и внешние причины разложения и падения имамата Шамиля. Насколько проницателен был великий русский революционный демократ, показывают сравнения выводов Н. А. Добролюбова с признанием самого Шамиля. Впоследствии в беседе с А. Руновским Шамиль говорил: "Горцы давно удостоверились в невыгодности сопротивления России, через сравнения усилий своего быта с бытом покорных туземцев и, наконец, вообще признают необходимость для страны от-

дохнуть от долговременной борьбы и сопряженных с нею страданий".⁷⁴

Свои последние "подвиги" на Кавказе царские генералы совершали в обетановке, когда, в силу указанных причин, горцы массами покидали Шамиля.

В заключении статьи, останавливаясь на злободневном для того времени и в то же время очень сложном и важном вопросе о значении пленения Шамиля, Н. А. Добролюбов напоминает, что "не случайное появление личностей, подобных Шамилю", и не "строгое учение мюридизма" породили войну на Кавказе, поэтому и падение личности до сих пор ничего не значило для сущности дела, иначе говоря, Шамиль взят в плен, но это новое восстание горцев. Если возникает "народная потребность, может выступить на сцену новый деятель". Чтобы восстание вновь не вспыхнуло, "нужно, чтобы всем горским племенам было гораздо лучше при русском управлении, нежели было при Шамиле", необходимо, "чтобы в последствии гуманного и справедливого управления горные племена не нуждались более в подобных деятелях". В этих строчках целая программа будущих отношений демократической России с населявшими страну многочисленными народами. Н. А. Добролюбов ратовал не только "за гуманное, справедливое управление", но и за братскую помощь нерусским народам, чтобы они сами не хотели порывать с Россией, дорожили ее дружбой, стремились к добровольному объединению с русским народом в едином государстве.

Он писал: "Когда русское управление сделает то, что для горцев не будет привлекательной перемена его на какое-нибудь другое- тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены".⁷⁵

Н. А. Добролюбов видел, что добровольное объединение в одном государстве нерусских народов России с русским было бы великим благом для всех трудящихся, но такое объединение, "гуманное и справедливое управление", по мнению Н. А. Добролюбова, возможно только при условии в стране подлинно демократических порядков.

К созданию в России революционными путем народного демократического управления призывал Н. А. Добролюбов как в анализируемой нами статье, так и в других своих работах. Появившаяся в обстановке, когда, царская пресса, в связи с пленением Шамиля нагнетала шовинистический угар, статья Н. А. Добро-

любова "О значении наших последних подвигов на Кавказе", вскрыла подлинную сущность царских "подвигов" на Кавказе: сумела показать истинные цели борьбы царизма.

Н. А. Добролюбов убеждает читателя, что самодержавие не может установить "справедливое и гуманное" управление на Кавказе (само собой разумеется, что такое управление при царизме невозможно и в самой России). Статья наталкивала читателя на далеко идущие выводы о необходимости коренных преобразований в России. Только революционные, демократические преобразования, несовместимые с существованием царизма, могут избавить русский народ от явлений, подобных царским "подвигам" на Кавказе.

Н. А. Добролюбов горячо, по-сыновьи любил свое народ и поэтому заботливо относился и к другим народам. Великий критик сам считал, что "патриотизм живой, деятельный именно и отличался там, что он патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только мог быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям".⁷⁶

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

В. Т. Г. ШЕВЧЕНКО О НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Т. Г. Шевченко "принадлежит к числу самых крупных народных поэтов, каких только знает всемирная история литературы".¹ Он не только "поэт совершенно народный"², но и основоположник революционно-политической мысли Украины. Еще в детстве и юношестве он познакомился и на всю жизнь полюбил старинные украинские песни и думы, в которых воспевалась героическая борьба трудящихся масс, любовь к родине. Эта народная летопись, рассказы стариков о борьбе народа против угнетателей оказали большое влияние на формирование взглядов Т. Г. Шевченко.³ Как поэт и мыслитель, он формировался под благотворным влиянием передовой прогрессивной украинской и русской культуры. С огромной любовью и признательностью относился он к творчеству великих русских поэтов и писателей А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова и др. Первого из них Тарас Григорьевич, - "... истинный ведатель сердца человеческого! Самый мудрый философ! И самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним как перед человеколюбом!"⁴

Но особенно большое влияние на формирование общественно-политических взглядов Т. Г. Шевченко оказали великие русские революционные демократы А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский. Н. А. Добролюбов. Известно, что Т. Г. Шевченко лично встречался с В. Г. Белинским, хорошо был знаком с произведениями А. И. Герцена. Связан он был и с Петрашевцами. Установлено⁵, что основной причиной ареста и ссылки Т. Г. Шевченко была не деятельность поэта в Кирилло-Мефодиевском обществе, тайной политической организации разночинной молодежи в Киеве в 1845-1847 гг., а революционная поэма "Сон", в которой дана резкая критика самодержавия и феодально-крепостнической системы.⁶ После своего возвращения из ссылки Т. Г. Шевченко сблизился с Н. Г. Чернышевским, стал другом и соратником его.

Естественно, что эта дружба имела огромное значение не только для великого "Кобзаря", но и для "школы" Н. Г. Чернышевского. И не случайно исследователи подчеркивали, что великий поэт в оценке многих событий современности, и в частности, оценки царизма и царских иллюзий народных масс, стоял на позициях Герцена и Чернышевского. Он отводил решающую роль в истории народным массам, что является важной составной частью исторической концепции революционных демократов.⁷ В то же время руководимый Н. Г. Чернышевским "Современник", ставший и решавший эпохальные задачи, не минуемо должен был чувствовать необходимость глубинного знания своего предмета, установления связи с периферией, проверки своих теоретических построений жизненными интересами народа. Т. Г. Шевченко, сын крепостного, вернувшись в Петербург из 9-летней ссылки, привез с собой не только ореол борца, но и чувства от настоящего живого народа, от крепостной массы. Шевченко знал реальную деревню, отлично понимал нужды крестьянства и с этим багажом входил в круг жизни Н. Г. Чернышевского. Поэтому можно безошибочно заключить, что сам Чернышевский горячо искал встречи с Шевченко, рассчитывая на него и должен был (как и оказалось на самом деле) многое получить от этой встречи. Это видно хотя бы из того, что Н. Г. Чернышевский очень высоко ценил великого "Кобзаря". В программной статье "Национальная бестактность" он говорит о Т. Г. Шевченко, как о любимом народном поэте, имя которого драгоценно каждому малороссу".⁸ Следует особо отметить, что великий украинский поэт, будучи последовательным врагом царизма, выступал не только как обличитель самодержавно-крепостнического строя, но и первый среди революционных демократов России в середине 40-х годов XIX столетия обратился прямо к народу с призывом к восстанию, к революционной борьбе.⁹ Ненависть к феодально-крепостническому строю и открытым революционным призывам пронизаны выдающиеся поэтические творения Т. Г. Шевченко: "Сон", "Еретик", "Холодный яр", "Давыдовы псалмы", "Завещание" и многие др.

Однако революционный демократ, мыслитель Т. Г. Шевченко выступал борцом не только против социального, но и против национального гнета. "Поскольку объективно, исторически социальные отношения в России сложились так, что осяю освободительного движения является аграрный вопрос, т. е. борьба против крепостничества, выступления Шевченко против национального

гнета, естественно, своим острием были направлены против крепостнического гнета и царизма. А поскольку крепостнический и политический гнет царизма были общими для украинского, русского и других народов, объективно это обусловило выступление Шевченко так же, как и русских революционных демократов, за дружбу трудящихся разных национальностей против общего врага - царизма и помещиков-крепостников".¹⁰

Самым внимательным образом Т. Г. Шевченко изучал историю народно-освободительных движений, происходивших на Украине, Белоруссии и других национальных окраинах Российской империи. Придавая особое значение в истории народным массам, он высоко оценивал их самоотверженную борьбу в жестоких антиколониальных и антифеодальных выступлениях. И когда дворянско-буржуазные историки представляли участников этих движений разбойниками, он давал им достойную отповедь. А когда известный историк, член Петербургской академии наук А. А. Скальковский, автор ряда работ по истории Запорожской сечи и движения гайдамаков, в книге "Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII столетия (1733-1768)" назвал гайдамаков "разбойниками", Шевченко как бы в ответ на это написал: "Брешеш людоморе!"

*За святую правду-волю
Разбойник не стане¹¹ воевать*

Историю Запорожья Шевченко считал тесно связанной с освободительной борьбой украинского народа за социальное и национальное освобождение. Запорожцы ходили в походы, писал он, "братив вызволяти".¹² Такого же мнения придерживался и Н. Г. Чернышевский. "Если,- писал он,- смотреть на казацкие войны с настоящей точки зрения, они не представляются борьбой национальности (подчеркнуто нами-В. Г.), на стороне польских панов и некоторые малороссы, а казаки находили сочувствие и в населении коренных польских провинций".¹³

С глубоким сочувствием относился Т. Г. Шевченко к многолетней героической борьбе горцев Северо-Восточного Кавказа, что недвусмысленно выражено им в широкоизвестном ведении поэта "Кавказ". (1845г.)

В условиях жестокой царской цензуры не могло быть и речи об издании этого остро революционного произведения, каким является поэма "Кавказ". Но многочисленные рукописные списки его

очень быстро распространились в передовых прогрессивных кругах Российской империи. Известно также, что сам Т. Г. Шевченко отправил экземпляр поэмы "Кавказ" через П. И. Савича великому поэту-революционеру Адаму Мицкевичу, проживающему в те же годы в Париже. С поэтом тогда же могло познакомиться не только окружение А. Мицкевича, но и прогрессивные деятели Польши. Неисключена также возможность, что с ней могли познакомиться и представители других западно-европейских стран.

Впервые же поэма была издана в конце 1858г. в Лейпциге, в сборнике, озаглавленном "Новые произведения" Пушкина и Шевченко", очевидно специально на титульном листе под изданием 1859г.

Редактор этой публикации И. Головиц сделал к стихотворению украинского поэта многочисленное пояснение: "стихи Т. Г. Шевченко, - писал он, - выражение всеобщих накопивших слез: не он плачет об Украине, она сама плачет его голосом".¹⁴ Как и следовало ожидать, это издание очень быстро разошлось. Спрос на произведения Т. Г. Шевченко был настолько велик, что уже в следующем 1859г. в Лейпциге было осуществлено повторное издание книги под названием "Поэзия Тараса Шевченко". Большое количество экземпляров этих сборников нелегально были перевезены и в Россию. Об этом, например, говорит хотя бы то, что только в библиотеках Ленинграда было обнаружено 23 экземпляра сборника.¹⁵ Это и свидетельство того, что поэма "Кавказ" получила еще в те года довольно широкое распространение. Эта поэма как единодушно утверждают исследователи, вместе с другими произведениями поэта оказывала могучее революционизирующее воздействие на трудящихся страны. Как известно, поэму "Каказ" Т. Г. Шевченко посвятил своему другу-талантливому художнику Якову Петровичу де Бальмену. В 1844г. он иллюстрировал рукописный сборник произведений Т. Г. Шевченко, а "затем Якова за что-то сослали на Кавказ в действующую армию".¹⁶ Будучи адъютантом ген. Лидерса, в 1845г. он участвовал в экспедиции царских войск на Дарго или в так называемой "сухарной экспедиции, которую, как указывалось выше, возглавлял М. С. Воронцов. Царские войска потеряли убитыми 4 тыс. солдат, 186 офицеров и 4 генерала. Даргинская экспедиция всеми здравомыслящими политическими, военными и научными деятелями и не только того времени была оценена как одно из крупных поражений царских войск на Кавказе. Этого очевидно не поняли, а точнее стыдились признать:

царские военачальники, скорее всего принимали "хорошую мину при плохой игре". Только этим, пожалуй, можно объяснить то, что официальная Россия объявила экспедицию крупнейшей победой царских войск, признала как "знаменитый в летописях Кавказа... поход, оставивший самые сладостные воспоминания".¹⁷ В этом походе 14 июля был убит и Я. П. де Бельмен.

Эпиграфом к поэме Т. Г. Шевченко взял цитату из стиха одной из трех пророческих книг Библии. Вот она: "Кто дает главе моей воду и оче сем моим источник слез, и плачутся и день и ночь о побиенных..."¹⁸

Хорошо известно, что Т. Г. Шевченко часто прибегал к библейским сюжетам, вводил в свои произведения библейские персонажи. Как правило это делалось для пропаганды противоположных, точнее атеистических взглядов, для разоблачения эксплуатации, прикрывающейся религиозным знанием. Не случаен выбор данного эпиграфа. И навеян он, надо полагать, не только смертью друга поэта, но и бессмысленной гибелью большого числа русских и украинских солдат. Выше отмечалось, что многие декабристы "искали" смерть на Кавказе. Затрагивалась Д. В. Пассека. Нам не известно, сам ли де Бельмен "искал" себе здесь смерть, но то, что он был загнан царизмом на Кавказ, - несомненно. Об этом со всей категоричностью писал поэт:

*"И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину-
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови довелось испить.
Из царевой чаши отравы!
Друг мой незабвенный, истинный и правый!"*¹⁹

В другом месте поэмы Т. Г. Шевченко, подчеркивая ту же мысль о бессмысленной гибели огромного числа русских и украинских солдат, загнанных царизмом на Кавказ, писал:

*"... И легло костями"
Людей муштрованных немало
А слез, а крови! Напоить
Всех императоров бы стало
Князей великих утопить
В слезах вдовиц и слез девичьих,*

*Ночных и тайных слез привычных.
 А материнских горьких слез!
 А слезы отцовских, слез кровавых!
 Не реки- море разлилось,
 Пылающее море...¹²⁰*

Как все это созвучно вышеприведенным мнениям Н. Г. Чернышевского. И действительно, так называемая Кавказская война ежегодно уносила десятки тысяч жизней. В этой жестокой борьбе гибло и немало горцев Дагестана и Чечни. По словам Е. Вердеревского, шло уничтожение "цвета юношества и вообще мужского пола".²¹ В Дагестане говорят: "Войны не рождают сыновей. Войны убивают сыновей".²² И чтобы этого не происходило, не надо начинать бессмысленные побоища, стремиться подавить все живое силою оружия.

Важно отметить, что жестокое многолетнее побоище верно оценил и правдиво изобразил великий поэт в своей бессмертной поэме "Кавказ". "За горами горы тучами повиты, засеяны горем, кровью политы". Самоотверженную борьбу горцев против самодержавия Т. Г. Шевченко сравнивает с образом "Прометея", являющегося символом человеческого достоинства и величия. Подобно тому, как ежегодно прилетавший ореол терзал прикованного к скале Прометея, самодержавие, которое обычно изображается двуглавым орлом, в течение нескольких лет вооруженной рукой "усмиряло" и "покоряло" горцев. Разве "карательные экспедиции" царских генералов, походы Ермолова, Мадатова, Грекова, Засса, Пулло, Клюки-фон-Клугенау, Розена, Головина, Нейдгарта, Фрейтага, Бейбутова, Фези и других не напоминают ли образ орла, который "Что ни день долбит он ребра, сердца разбивает".²⁴ Однако, подобно Прометею, малочисленные и разноязычные горские народы Северо-Восточного Кавказа самоотверженно боролись с огромной, хорошо вооруженной, оснащенной и обученной царской армией. В чем тут причина?

Главкомандующий на Кавказе ген. Паскевич в рапорте от 6 мая 1830 года Николаю I писал: "Уже более 50 лет как они (т. е. горцы-В. Г.) имеют дело с нами, и, к сожалению, были случаи, которые достаточно поселить в них мнение не в пользу нашу. Одна мысль лишиться такой дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаяние, с другой стороны, пятидесятилетняя борьба, без успеха проникнуть в горные их убежища,

дает им уверенность, что их горы для нас недоступны; обе сии причины достаточны пробудить их к упорнейшему сопротивлению. Чем больше делаю я наблюдений и вхожу в познание сих народов, тем более удостаиваюсь, что направление политики и отношения наши к ним были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость, в частности, умножала ненависть и возбуждала к мщению. ”²⁵

Иную причину недовольства горцев царизма указывает другой корпусный командир, ген. Н. Н. Муравьев: “Причиной недовольства горцев бывают распутство и корыстолюбие чиновников и неуважение к тем, в которых народ видит судей и посредников своих. Необразованный чиновник наш, зараженный всеми пороками и всего более предубеждением европейским, что все несхожее с нашими обычаями есть отпечаток невежества, полагают порядочными людьми только тех, которые имеют классовые чины, почтенного старика, пользующего доверием в народе, считают его уже за совершенно ничтожного человека, потому что он бороды не бреет или одевается не в тонкое сукно”.²⁶ Еще более откровенен обозреватель, офицер генштаба Мочульский. “Жестокости царских сатрапов на Кавказе, - подчеркивает он, - вызывали глубочайший протест, побуждая горцев к новым порывам, новым действиям, к новой злобе”.²⁷

В поэме “Кавказ” силами реакции и насилия противопоставлены народные массы. Великий революционер-демократ, мыслитель, материалист Т. Г. Шевченко убежден, что сколько бы царизм ни пытался “покорить” и “усмирить” народные массы, обладающие неукротимой волей и неиссякаемой силой, они не будут поставлены на колени. Точно также, как Прометей, сердце которого:

*“... Разбивает, да не вытьет
Крови животворной-
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно. И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы бога,
Вечного, живого.”*²⁸

Т. Г. Шевченко видит силу движения в ее способности к столь продолжительному и упорному сопротивлению прежде всего в том, что в нем участвовали широкие народные массы. Это очень верное наблюдение станет более явственным, если раскрыть причины, вынудившие массы горького крестьянства подняться на борьбу со столь грозным врагом, каким являлось самодержавие.

Вопреки утверждениям господствующей верхушки самодержавия, революционный демократ Т. Г. Шевченко показывает, что многолетнюю борьбу горцев, сложившуюся в первой трети XIX в. На Северо-Восточном Кавказе, породила социально-политическая обстановка, в итоге которой территории Дагестана и Чечни оказались "засеяны горем", "кровью политы". Царизм иронически называется великим кобзарем "милостивцем" (т. е. покровителем горцев - В. Г.).

*"Отняли у голодной голи
Все, что осталось - вплоть до воли,
И травим..."*²⁹

Если эти исполненные глубочайшей жизненной правдой, стихи поэмы на бесстрастный язык истории, то станет очевидным, что военно-феодальные методы царизма довели горцев до крайности. Кстати сказать, это вынуждены были признать даже царские офицеры и историки. "Царские генералы, - писал Н. Н. Раевский, - мстили целым племенам за вину нескольких лиц".³⁰ Полк. Романовский период управления Кавказом ген. А. П. Ермолова характеризовал как "начало систематической войны против горцев".³¹ Не менее откровенен был историк С. Эсадзе. Проводимую Ермоловым политику оценил он как стремление "уничтожить в крае всякую нерусскую национальность".³²

В историю Т. Г. Шевченко вошел как беспощадный обличитель царизма. В поэме "Кавказ" с непримиримой ненавистью пишет он о самодержавно-крепостническом строе, при котором в стране "от тюрьмы вплоть до высокого престола одни ходят "в золоте", другие "голы".³³ И глубоко скорбит о тяжелом положении трудящихся масс, исходивших "кровавым потом и слезами".

"Кат* издевается над нами", пишет поэт, в то время, как "правде спать и пьяной быть".

"Так когда же она проснется? Вопросает великий кобзарь."

Когда же восторжествует правда?³⁴ Наступит ли такое время, когда трудящиеся массы будут жить человеческой жизнью?

Любопытно, что в поэме Т. Г. Шевченко "правда" сравнивается с "богом". Сравнение "бога" с социальной "правдой" имеет глубокую связь в украинском фольклоре. Однако у Т. Г. Шевченко "бог" выступает не только как "правда" вообще, а как "правда" угнетенного народа. В свете всего этого становится понятным восклицание поэта: "Верим мы творящей силе Господа-владыки!" — оно есть ни что иное, как вера в силу трудового люда, вера в торжество правды и справедливости.

В анализируемой поэме революционный демократ Т. Г. Шевченко разоблачает также лживый патриотизм и фарисейство господствующих классов, которые даже под религией и богом скрывают свои "шкурные" интересы. И ради своекорыстных интересов дерут с трудящихся шкуру, как выражается поэт "по закону" же, иронизирует поэт, они продают или проигрывают за карточным столом "крепостных-людей крещенных..., простых", "За кого же был ты распят. Сын единый, божий?" — недоумевает поэт. Согласно христианским представлениям, Иисус Христос является спасителем человечества. Он, якобы, в искупление грехов людских принял смерть на кресте. Иль может быть, иронизирует поэт, Христос был распят, "чтоб глумление не кончилось?" И заключает: "Так оно и случилось!"

Великий поэт клеймит союз церкви с самодержавием, разоблачает "святость" проповедников-попов. В поэме Т. Г. Шевченко с сарказмом излагает эпизод, в котором "святой чернец Святую Библию читает и поучает", о том, как некогда царь "сженою приятеля спознался", а приятеля убил. Когда же царь умер, то по закону божьему он попал прямо в рай.

"Какова злодейская святость" и каково лицемерное учение религии о рае, если за это и вот так "пускают в рай"?³⁵

В поэме "Кавказ" Т. Г. Шевченко резко критикует национальную политику самодержавия. Российская империя изображена им как "тюрьма народов", где многочисленные народы лишены всех прав и где:

*"От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют!..."*¹³⁶

Эта лаконично меткая и правдивая формула "на всех языках молчат" - сделалась крылатой фразой, классическим определением царской "тюрьмы народов". Ее неоднократно использовали в революционной публицистике, начиная с Н. Г. Чернышевского, вплоть до большевистской печати.³⁷

Итак, в поэме "Кавказ" царская Россия изображена Т. Г. Шевченко средоточием и национального, и социального гнета, где трудящиеся всех национальностей изнывают "под пятой" самодержавия.

Совершенно иначе изображены в поэме горцы Северного Кавказа. Поэт с сочувствием пишет:

*"Чурек и сакля - все твоё,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями".*³⁸

Конечно, представлять горские народы Северо-Восточного Кавказа свободными от всякого гнета не верно. Не следует забывать, что горское крестьянство эксплуатировалось и "своими" феодалами: ханами, беками, старшинами и местным мусульманским духовенством. Не были свободны они и от национального угнетения. Мало того, как отмечалось выше, социальный гнет усилился в первой четверти XIX в. Великий "кобзарь" мог обо всем этом не знать. Тем более, что царская цензура строго запрещала правду о народах Кавказа и событиях, происходящих там. А всякого рода "Путевые очерки", "Впечатления", "Этюды", широко публикуемые в прессе, да и вся художественная литература изображала горцев сынами дикой свободы. Не случайно Кавказ, говоря словами В. Г. Белинского, сделался для русских "заветною странкою... широкой, раздольной воли."³⁹ Однако революционный демократ Т. Г. Шевченко говорит не только о свободе горцев, но и изображает их жертвой агрессии царизма. Вот как это описано в поэме:

*"Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная, и то,
Что солнце светит вам бесплатно..."*⁴⁰

Здесь, как и во всей поэме "Кавказ", нет и намека на пресловутые грабежи и налеты шаек разбойников, набеги "необузданных фанатиков", о чем так много писалось в официальных изданиях тех лет. Напротив Т. Г. Шевченко считает, что царизм из-за "государственной необходимости" стремился во что бы то ни стало "покорить" и "усмирить" свободолюбивые народы Дагестана и Чечни. Иначе говоря, горцы оказались в положении того ягненка, вина которого состояла только в том, что его хотел съесть волк. Стало быть в развязывании военных действий на Кавказе Т. Г. Шевченко обвиняет царизм и только царизм.

Известно, что правящие круги самодержавия, а вслед за ними и историки великодержавно-монархического направления оправдывали борьбу по "усмирению" и "покорению" горцев "великой миссией", "возвышенными принципами", якобы стоящими перед царизмом. Исходя из этих посылок, так называемую Кавказскую войну они определяли как "борьбу цивилизации с самым упорным варварством".⁴¹ Утверждали, что "покорив" и "усмирив" горцев, царизм внесет в жизнь "необузданных варваров" гражданственность и окультурит хищных горцев. Как бы в противовес этому Т. Г. Шевченко писал:

*"Вы (горцы- В. Г.) не учены,
Святым крестом не просвещены,
Но мы научим Вас!... Кради,
Рви, забирай-
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!"⁴²*

Как видно, великий революционный демократ Т. Г. Шевченко едко высмеивает "злодейскую святость религии", разоблачает культуру самодержавно-крепостнического строя и показывает, что означает в понимании царизма цивилизаторская миссия Т. Г. Шевченко предвосхищает то, к чему пришли наши исследователи. Мы же хорошо знаем, что царизм только лишь прикрывался возвышенными идеями, на деле не думал, да и думать не мог об установлении в стране правопорядка, об улучшении жизни трудящихся покоренных народов, о культуре и просвещении. Прогрессивные перемены в экономической культурной жизни присоединенных к России нерусских народов происходили вопреки царизму и против его воли. Все это говорит, что Т. Г. Шевченко еще тогда сумел

отличить происходивший в связи с присоединением объективный исторический прогрессивный процесс от субъективных целей и намерений царизма. Именно поэтому "кобзарь" считал, что объединение народов "с русским народом, их приобщение к его великой культуре, к его освободительному движению способствовали культурному и политическому росту этих народов, успеху их борьбы за свое социальное и национальное освобождение".⁴³ Вместе с тем, как уже отмечалось выше, Т. Г. Шевченко обвинил самодержавие за то, что оно превратило Россию в страну бесправия и "держало иногородцев (так назывались малые народы - В. Г.) в нищете, невежестве и бескультурьи". Он хорошо понимал, что национальное угнетение есть неотъемлемое следствие самодержавного строя. "Не русский народ, который сам изнывал под пятой царизма, а самодержавно-крепостнический строй, освященный церковью, превратил Россию в тюрьму народов".⁴⁴ Великий революционный демократ открыто выступил в защиту угнетенных царизмом народов.

Т. Г. Шевченко, как справедливо замечает украинский писатель-революционер Иван Франко, "желал свободы и вольного слова не только для Украины, но так же для всех народов, подавленных царским произволом".⁴⁵ К этому стоит добавить, что Т. Г. Шевченко не только желал, но и вел непримиримую борьбу с самодержавием за освобождение трудящихся масс. Борьбу против социального и национального гнета ведет Т. Г. Шевченко и в поэме "Кавказ". Вопреки официальным утверждениям, окрестившим борьбу горцев "движением мюридизма", а его участников не иначе как "извергами" и "изуверами", Т. Г. Шевченко возвеличил борющихся с царизмом, называя их "великими витязями".

*"Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым,
Слава витязям великим,
Богом не забытым".⁴⁶*

Представляя движение Северо-Восточного Кавказа справедливой освободительной борьбой за свою свободу и независимость, великий революционный демократ своим пламенным словом воодушевлял народ на борьбу с царизмом. Веря в победу и конечное торжество трудового народа над самодержавием, он призывал:

*“Вы боритесь- поборите,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!”*

Чтобы оценить весь смысл этих строк, необходимо помнить время, когда они были написаны. Это была эпоха, когда трудящиеся России, Украины, Кавказа и других окраин империи находились в духовной физической кабале самодержавия. Время, когда в стране жестоко преследовалось всякое свободомыслие.

Выступая в защиту горских народов Кавказа, Т. Г. Шевченко подчеркивал общность их судьбы с другими угнетенными народами империи.

Понимая историю народа как историю борьбы со своими угнетателями, революционер- демократ Т. Г. Шевченко сознавал, что национальный вопрос может быть решен только в связи с социальным освобождением. Через все творчество Т. Г. Шевченко “красной нитью” проходит ведущая мысль о том, что все внимание, все усилия закрепощенных масс трудящихся России, не зависимо от национальных различий, надо направить на борьбу против главного, злейшего врага свободы и воли- против палача- царя и “банды своскорыстных помещиков”.⁴⁷ Одновременно, ведя непримиримую борьбу против национального угнетения, Т. Г. Шевченко выступает горячим поборником интернациональной дружбы между трудящимися. Выступает сторонником единения народных масс на демократических началах. Великая историческая заслуга Т. Г. Шевченко в том, что “он боролся за солидарность и дружбу народов, за сплочение их сил против всех видов угнетения”.⁴⁸

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Могучим взлетом революционной и теоретической мысли ознаменовано творчество А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Т. Г. Шевченко.

Живой отклик нашли в их произведениях и события, происходившие на Кавказе в первой половине XIXв. Нужно, однако, иметь в виду, что их высказывания по этому поводу содержатся в многочисленных работах, порой не имеющих непосредственного отношения к Кавказу и к Кавказской войне. Все это создает определенную трудность в систематизации изучения всего, что касается борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIXв.

Известную сложность для исследователя составляет также и то, что революционные демократы, живя в условиях царского режима, не могли говорить полным голосом, писать откровенно о том, что думали, к чему стремились. Лишь иносказательно, приспособившись к требованиям царской цензуры, могли они высказать свои мысли. Однако, даже в тех тяжелейших условиях самодержавия прогрессивные деятели России и революционные демократы находили пути и средства выступить в защиту угнетенных царизмом нерусских народов.

И нужно сказать, что весь многоголосый хор официальной прессы царской России тщетно пытался заглушить голоса русской демократии. Весьма важно также отметить, что из всей многочисленной дореволюционной литературы наиболее правильные выводы и характеристики движения горцев в первой половине XIXв. содержатся в трудах А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Т. Г. Шевченко и других прогрессивных деятелей.

До настоящего времени не потерявшие своего научного значения их выводы чрезвычайно важны не только для углубленного изучения самого движения, но и потому, что они показывают отношение революционного крыла России XIXв. к борьбе горских народов Кавказа с самодержавием.

↳ Вопреки официозной версии (поддерживаемой всеми средствами идеологического воздействия), которая представляла военные

действия царизма на Кавказе чуть ли ни как необходимую оборону против набегов, экспансии "хищных" горцев, революционные демократы вскрыли суть агрессивной политики самодержавия, установили истинные причины, вызвавшие движение.

Великие революционные демократы России выступали против захватнических войн и подчинения самодержавной власти других народов. Они считали, что завоевательные войны приносят выгоды только правящей верхушке страны. Трудовым слоям, несущим основную тяжесть войны на своих плечах, они приносят лишь бессмысленные беды и страдания, разорение и гибель массы людей.

Революционные демократы были глубоко убеждены, что социально-политическое освобождение самого русского народа невозможно без национального освобождения угнетенных царизмом окраин. ↓

В противовес официальной концепции дворянско-буржуазных историков, которая представляла военные действия на Северо-Восточном Кавказе как борьбу "креста" с "полумесяцем", революционные демократы убедительно показали, что "не извечная вражда между мусульманами и христианами" и тем более не своеобразное течение ислама-мюридизм породили движение горцев. Они неопровержимо доказали, что успех самого мюридизма возможен был при определенной социально-политической обстановке, возникшей на Северо-Восточном Кавказе в связи с ужесточением колониального режима и усилением гнета местных феодалов в первой четверти XIX в.

Известно, что в исторической литературе широкое хождение имело мнение, что мюридизм занесен в Дагестан из Средней Азии, Ширвана или Турции. Конечно, изучать вопрос о месте первоначального возникновения и путях проникновения его на Кавказ необходимо, но в жарких спорах, которые велись вокруг этого вопроса, говоря словами проф. Н. А. Смирнова, не учитывалось главное- специфические черты кавказского мюридизма, связывающее его с политической борьбой. А именно они свидетельствовали, что кавказский мюридизм представлял собой явление самостоятельное, возникшее в своеобразных условиях Кавказа XIX в. На это обстоятельство и обратили внимание революционные демократы. Н. А. Добролюбов в статье "О последних подвигах..." убедительно доказал, что движение горцев возникло на местной социально-экономической почве. Великий революционный демократ борьбу

горских народов не ограничивал рамками лишь одного движения мюридизма. Н. Г. Чернышевский уже в то время указывал на различие между учением Бахаад-дина Накшбенди и кавказским мюридизмом. Он один из первых сумел понять и дать правильную оценку двойственной роли местного мусульманского духовенства в движении горцев Дагестана и Чечни.

Известно, что великие российские мыслители близко подошли к правильному пониманию роли личности и народных масс в истории общества.

"История, - говорил Н. А. Добролюбов, - не биография выдающихся людей. История занимается людьми даже и великими только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества".¹ Именно с этих позиций оценивали великие русские революционные демократы происходившие на Северо-Восточном Кавказе события. Отвергнув идеалистическую теорию, согласно которой причины возникновения движения сводились к "злонамеченным" выступлениям фанатиков-проповедников, великие революционные демократы показали, что отдельные личности не в состоянии были бы поднять народные массы на борьбу, если бы не было на это социально-политических причин.

Сами предводители горцев, указывал Н. А. Добролюбов, оказались выдвинутыми в связи "с общей народной потребностью", и поэтому смерть одного из предводителей ничего не означала, поскольку тут же находилось лицо, способное занять его место. Из этого, само по себе ценного теоретического положения, напрашивался очень важный вывод: "не было народной потребности" выдвигать предводителей движения, необходимо было изменить условия, порождавшие такую потребность. Иначе говоря, в корне изменить социально-политическую обстановку на Кавказе.

Вопреки измышлениям царской пропаганды и утверждениям дворянско-буржуазной историографии, революционные демократы России считали движение кавказских горцев народно-освободительной борьбой против самодержавия. Высоко оценивая борьбу горцев, они неоднократно сравнивали ее с освободительной борьбой поляков и народным восстанием в Индии.

Совершенно новым было и то, что революционные демократы раскрыли причины поражения движения горцев и со всей убедительностью доказали, что установившийся здесь внутренний режим являлся одной из причин отхода народных масс от движения, а следовательно, и внутреннего разложения имамата.

Великие русские революционные демократы критиковали руководителя борьбы горцев Шамиля за необоснованные жестокости и репрессии. Они были убеждены, что одними репрессиями нельзя продлить существование имамата: "Если с каждым годом, - писал Н. Г. Чернышевский, - старому порядку вещей приходится принимать для своего поддержания меры все более и более крутые, то не ясно ли сам он свидетельствует этим, что сила его противников с каждым годом увеличивается? И не приближается ли смерть его теми отчаянными средствами, к которым он принужден прибегать для поддержания своей жизни?"²

Н. А. Добролюбов критиковал Шамиля за то, что в конце его правления он не был уже "представителем свободы и национальности", народу при этом "уже была плоха свобода", и за то, что он "уважение к себе поддерживал более под страхом".

Н. Г. Чернышевский указывал на чрезмерную жестокость Шамиля и на то, что он в середине 50-х гг. не понял или не захотел понять безнадежность сопротивления и продолжал бесперспективную кровопролитную борьбу, которая ничего не могла дать народу, кроме страданий.

А. И. Герцен в статье "Тот же граф Строганов, тоскующий на гробе сеченного Кандыбы" писал: "Строганов отвез бы куда-нибудь в Петербург или назначил бы его в Калугу стеречь такого же дикого зверя Шамиля".³ Как видно, А. И. Герцен сравнивает Шамиля с гр. Строгановым, реакционером, "защитником розг и помещичьих злоупотреблений". Надо полагать, что такое нелестное сравнение Шамиль заслужил только потому, что он, особенно в конце своего правления, прибегал к ненужным жестокостям и необоснованным репрессиям. Иначе говоря, в глазах А. И. Герцена графа-реакционера Строганова и Шамиля роднит характерный им обоим деспотизм.

В этой связи небезынтересно также остановиться на высказываниях Л. Н. Толстого, глубоко сочувствующего горцам и в весьма резкой форме критиковавшего колониальную политику царизма и активных проводников ее на Кавказе. В 1857 г., когда Хаджи-Мурат перешел на сторону царизма, Лев Николаевич в письме к брату писал: "Второе лицо после Шамиля-Хаджи-Мурат предался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец; а сделал подлость".⁴ Но впоследствии, в период работы над своей знаменитой повестью "Хаджи-Мурат", Л. Н. Толстой говорил С. Н. Шульгину: "Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат

с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников этой эпохи - Шамиля и Николая, представлявших вместе как бы два полюса: азиатский и европейский".⁵ Небезынтересно привести и высказывания поэта-демократа Н. А. Некрасова о предводителе горцев Дагестана и Чечни. Он характеризовал Шамиля, как "человека, бесспорно замечательного, хитрого и изворотливого, лукавого и недоверчивого".⁶ Н. А. Некрасов, как известно, с глубоким сочувствием относился к другим народам, в том числе и к горцам Северо-Восточного Кавказа. Об этом говорят статьи в возглавляемом им журнале "Современник". Один только перечень опубликованных здесь статей, очерков и рассказов показывает, что в журнале помещались работы, правдиво изображавшие Кавказ, его жителей и происходившие там события. В "Современнике", как известно, были опубликованы: статья "О значении наших последних подвигов на Кавказе" (правда без подписи), очерк В. Даля "Рассказы лезгина Ассана о походе своем", материал Я. Костенецкого "Аварская экспедиция 1837г." и др.

В повести "Хаджи-Мурат" Шамиль показан Л. Н. Толстым предводителем борьбы горцев против насилия, гнета и самодержавия, но без особых к нему симпатий. Такое отношение великого писателя к борьбе горцев и личности Шамиля очевидно следует объяснить тем, что Л. Н. Толстой вслед за революционными демократами считал борьбу горцев освободительной, в то же время отрицательно относился к предводителю движения за его необоснованные жестокости. Через всю повесть ("Хаджи-Мурат" - В. Г.) проходит мысль, что трудовым народам нужны мир и дружба, что захватническая война приносит слезы как русским крестьянам, так и горским труженникам.⁷ В своих кавказских произведениях Л. Н. Толстой подвергал резкой, но справедливой критике самодержавие. Именно поэтому царская цензура, как утверждают исследователи, не пропустила в печать главу повести "Хаджи-Мурат", где великий писатель критиковал Николая I, его окружение, и его правление. В то же время с большой нескрываемой любовью относился Л. Н. Толстой к Кавказу. "Не знаю, - писал он, - является ли Кавказ страной вдохновения, но он несомненно страна любви"⁸. А 9 июля 1854г. он записал: "... Я начинаю любить Кавказ, хотя смертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются самые противоположные вещи, - война и свобода".⁹

Подходя к концу нашего повествования, мы должны еще раз подчеркнуть, что революционные демократы России А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко с большим уважением, симпатией, любовью относились к угнетенным царизмом народам, в том числе и горским народам Кавказа, и неоднократно выступал в защиту их прав. Являясь пламенными обличителями и борцами против самодержавно-крепостнических порядков, великие революционные демократы порой, особенно когда их одолевали чувства горечи за русский народ, подвергали критике даже своих соотечественников. Такое отношение, как показал В. И. Ленин, было подсказано им отсутствием желаемой революционности в России. Имея в виду содержащиеся в романе Н. Г. Чернышевского критические слова в адрес русского народа, В. И. Ленин писал: "Это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения".¹⁰

Российские революционные демократы А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко, любя свой народ горячей сыновней любовью, верили в его творческие силы, его великое будущее. Они были уверены, что русский народ сыграет выдающуюся роль в исторических судьбах других народов. Пламенные поборники дружбы народов, революционные демократы страстно мечтали о временах, когда русский народ, сплотив вокруг себя другие народы, сможет разбить цепи угнетения, добиться свободы и исторического прогресса. "И эта вера спасет нас в тяжкие минуты отчаяния"¹¹. — писал А. И. Герцен.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Глава I

1. Дубровин Н. Ф. История войны и владычество русских на Кавказе, СПб, 1971г.; т. 1. С. 14.
2. Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968г., С. 6.
3. Шадури В. Первый русский роман о Кавказе. Тбилиси, 1947г., С. 17, 84, 98.
4. Хачапуридзе Г. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в. // Вопросы истории, 1946г., №5-6, С. 81.
5. Грибоедов А.С. Полн. сбор. соч. ПГ, 1917г., Т. III. С. 343
6. Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 36-37.
7. Полевой П. Н. История русской словесности. СПб, 1900г. т. II, с574
8. Грибоедов А.С. Указ. соч. С186.
9. Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова М., 1969г. С. 189-190.
10. Грибоедов А.С. Указ. соч., С. 185-187
11. Попова О. И. Грибоедов — дипломат. М., 1969г. С105
12. Тресков И. Творческое содружество. Нальчик 1956г. С40.
13. Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIXв. М. 1960 С353.
14. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. т. I Тифлис 1907г. С67.
15. Пушкин А.С. В русской критике. М 1953. С42.
16. Там же. С. 208
17. Пушкин А.С. Полн. сб. соч. М. 1957г. т. III С465
18. Шадури В. Указ. соч. С450
19. Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М. 1972г. С144
20. Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIXв. М. 1958г. С192.
21. Подробно об этом смотри: Гаджиев В. Г. Декабристы на Кавказе// Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975г., С7-50
22. Зиссерман А. 25 лет на Кавказе. СПб, 1879г. т II, С56

23. Гаджиев В. Г. Указ. соч., С27.
24. ВИ. 1951г. №1. С104.
25. Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951г. С671. Лунин М. С. Сочинения и письма. М., 1928. С45. Андреев В. Воспоминание из Кавказской страны. // Кавказский сборник. Вып. 1. Тифлис, 1876г. С151-152
26. Полевой П. А. История русской словестности. СПб, 1900. Т. II, С576.
27. Грибоедов А. С. Соч. М., 1945г. С459.
28. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1947г. С193
29. Литературное наследие. №60. Кн. 1. С487.
30. Попова О. И. Грибоедов — дипломат. М. 1964г. С53-54.
31. Грибоедов А. С. Т. III. С36-37.
32. Грибоедов А. С. Т. III. С200. 343.
33. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1837г. ТХIII. С17-18.
34. То же. Т. VIII С445.
35. Версаев М. Спутники Пушкина. М., 1837г. С387; Файнберг И. Незавершенные работы Пушкина. М1955. С302.
36. Шадури В. С. Указ. соч. С37.
37. Вяземский П. А. Собр. соч. Т. VII С172.
38. Андреев В. Указ. соч. С1.
39. Фадеев А. В. Указ. соч. С233.
40. Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860г. С120.
41. Уманец Ф. М. Проконсул Кавказа. СПб., 1812г. С45-46.
42. Задронский Н. Жизнь Н. Н. Муравьева. М., 1974г. С144.
43. Шадури В. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951г. С25.
44. Гаджиев В. Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. // О движении горцев под руководством Шамиля. : Мат. сессии Дагфилиала АН СССР 4-7 октября 1956г. Махачкала, 1957г. С155.
45. Письма А. П. Ермолова к Закриевскому. // Сборник материалов описания местности и племен Кавказа. Махачкала, 1926г. Вып. 45. С24.
46. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. III. С90 (Далее ИСПФПД).
47. Русский вестник. 1861г. №3. С308
48. Декабрист. Новые материалы... С86.
49. Лорер Н. И. Записки. М., 1931г. С214. Розен А. Н. Записки декабриста. СПб, 1907. С261-262. Русские писатели о Грузии. Тбилиси, 1948г. С478. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети. 1958г. С366
50. ЦГИА. Ф. III. Отдел I. Экспедиция. 1828г. Д. 61. ЛЛ. 153,177,178,199,200 и др.
51. Дагестан в русской литературе. Т. I, Махачкала, 1958г. С457.
52. Лорер Н. И. Указ. соч., с212.

53. Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе. М., 1979г. С131
54. Гаджиев В. Г. Декабристы на Кавказе. С42.
55. Васильев В. Бестужев- Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939г. С42
56. Дагестан в русской литературе. Т I. С141.
57. Колубцов С. Н. Бестужев- Марлинский. М., 1960г. С133.
58. Гаджиев В. Г. Роль в истории Дагестана. М 1965г. С312
59. Подробнее об этом см. : Гаджиев В. Г. Декабристы на Кавказе. С40-48; Косвен М. Д. Этнография и история Кавказа. М., 1961г. С130-183
60. Тресков И. Творческое содружество. С40.
61. Воспоминания Бестужевых. С505
62. Там же. С668.
63. Цит. по: Косвен М. О. Указ. соч. С156.
64. Корнилович А. О. Указ. соч. С395.
65. Там же. С409.
66. Воспоминания Бестужевых. С223.
67. Розен А. Е. Указ. соч. С336.
68. Декабристы. Новые материалы. С81
69. Воспоминание Бестужевых. С336.
70. ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 134/380. Д. 673. Л4.
71. Цит: Косвен М. О. Указ. соч. С156.
72. Русский вестник. 1861г. №4. С463-464.
73. Корнилович А. О. Указ. соч. С379
74. Русский вестник, 1861г., №4, С463-464.
75. Отечественные записки. 1860г. №6. С346
76. Андреев В. Указ. соч. С187.
77. Дагестан в русской литературе. Т I. С138.
78. Державин А. Рассказ бывшего солдата Апшеронского полка С. Рябова о своей боевой службе на Кавказе. // Кавказский сборник. Т. 18 Тифлис, 1897г. С363
79. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164, Л. 231.
80. Северная Пчела. 1862. №133.
81. Андреев В. Указ. соч. С187.
82. Шадури В. Указ. соч. С331.
- 82"а" Костецкий Я. Об аварской экспедиции на Кавказе. СПб., 1851г. С38.
83. Русский архив. 1874г. №2. С671.
84. Нечкина М. В. Движение декабристов. ТII. М., 1955г. С448.
85. Белинский В. Г. Собр. соч. М., 1948г. ТI. С692-693.
86. Лермонтов М. Ю. Соч., М.; Л., 1954г. ТII. С168.
87. Черепнин Л. В. Указ. соч. С72.
88. Лермонтов М. Ю. Соч. Т II. С193-196; ТIII. С201; ТIV. С149.

89. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6391. Л. 89-90.
90. АКАК. Т. IX. С504-505.
91. Фадеев А. В. Россия и восточный кризис. С219.
92. Андроников И. Л. Направление поиска. // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. М., 1976г. С157.
93. Неделя. №9 (1249), 1984г. С20.
94. Бойко С. В этой книге, что строка, то правда. Вступительная статья. // Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. Ставрополь, 1986г. С6.
95. Там же. С23.
96. Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. С86.
97. Там же. С13.
98. Там же. С92.
99. Там же. С13-14. См. также : Голубев С. Указ. соч. С340.
100. Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. С116.
101. Военный сборник. 1859. №7. С341-549.
102. Гаджиев В. Г. Роль России в истории... С235.

Глава II

1. Смирнов Н. А. Характерные черты идеологии мюридизма. М., 1956г. С1.
2. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6550. Л. 10; Д6294. Л25, 31-32; ф. Ермоловых. Д. 306; ДГСВК... С132.
3. ДГСВК. С137-140.
4. ДГСВК. С168.
5. ЦГВИА, ф. ВУА, Д. 6512. Л51.
6. АКАК. Т. IX, С334-338; МИДЧ. С351-357, 359; ДГСВК, С169.
7. ДГСВК, С181-183. Сумбат-заде А. О. Кубинское восстание. 1837. Баку, 1961.
8. Там же.
9. Милютин Д. Описание военных действий в 1839г. в Северном Дагестане. СПб. 1850. С139.
10. Милютин Д. Указ. соч. С118-119.
11. АКАК, Т. IX, С334-338; МИДЧ. С414-423; Хроника, С97-122.
12. ЦГВИА, ф. ВУА, 6379, Л. 2-15. МИДЧ... С419-487.
13. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис. 1909, С109.
14. Гаджиев В. Г. Роль России в истории. С219.
15. ДГСВК. С457-468.

16. Воспоминание гр. Бенкедорова о Кавказской летней экспедиции. 1845, С89.
17. ЦГА Кабардино-Балкарии. Ф. 16, Опю1, Д. 54888, Л. 42; ДГСВК. С505-509.
18. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С119.
19. Фадеев Р. А. 60 лет Кавказской войне. Соч. СПб., 1889, Т. 1. С89.
20. ИНСК... С152.
21. Гаджиев В. Г. Военная организация и воинские знаки отличия в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989г.
22. ИНСК... С156.
23. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С115.
24. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С173.
25. ГБЛ. Ф. 169, карт. 71, Д. 20, Л. 30.
26. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XVII, С194.
27. Отечественные записки, 1844, №11.
28. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. II С130-131.
29. ЦГАОР, ф. III, Отд. (109), 1 экз., Т. 8. Д. 167, (1844), Л. 6-7.
30. Там же. Л. 15.
31. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С371.
32. Там же. Т. XII. С204.
33. Там же. С199.
34. Там же. Т. XIV. С98.
35. Базилева П. "Колокол" Герцена (1857-1867), М. 1949. С214.
36. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. VI. С425.
37. Там же Т XIII. С141-142.
- А) Там же С265.
- Б) Там же.
38. Там же Т. XVIII. С309.
39. Там же Т. VII. С182.
40. Там же. С211.
41. Там же Т. XII. С130.
42. Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. XXX. С335
43. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т XVI. С11.
44. Там же С107.
45. Там же Т. II. С39
46. Там же Т. XIII. С16.
47. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947. С182.
48. Хачапуридзе Г. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в., Фадеев А. В. Декабристы в отдельном Кавказском Корпусе. В. И. 1951.
49. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XII. С187
50. Там же. Т. XXVI. С259.
51. Андроников И. А. Лермонтов в Грузии 1837. М. 1955, Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX. М. 1960; Гаджиев В. Г. Роль

России в истории Дагестана М. 1965; Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М. 1968.

52. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. М. Л 1954, Т. II. С168
53. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т VIII. С140.
54. Там же.
55. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6443. Л4
56. ГБЛ. Ф. 169. Карт 9. Ед. Хр. 8. Л. 267.
57. А. В-ъ. Покорение Кавказа. // Русский вестник 1860 №6. С348.
58. Герцен А. И. Полн. сборн. соч. Т. XII С48
59. Там же Т. XVIII. С10.
60. Огарев Н. Комиссия для составления положений. Прим. "Колокол" №54. См. Сборник: "Колокол" в. II, М. 1961. С444.
61. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XV. С109
62. Довольно значительная по объему работа М. И. Венюкова была опубликована в "Прибавочном листе к первому десятилетию "Колокола" 1 августа 1867. См. сб. "Колокол". М. 1964. Т. IX. С10.
63. Колокол Т. IX. С9.
64. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XIX. С332.
65. Там же. ТХIV. С11
66. Там же. ТХ. С437.
67. Там же ТХII. С80.
68. Там же С203.
69. Там же ТХIV. С18-19.
70. Там же ТIX. С462.
71. Там же ТХVII. С210-211.
72. Там же ТХIV. С157.

Глава III

1. Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 23. С147.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С129.
3. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. X. С48.
4. Там же. Т. V.
5. Там же.
6. Там же. Т. VII. С792.
7. Там же. Т IV. С487.
8. Там же Т. XIV. С381
- 9-10. Гаджиев В. Г. Движение Кавказских горцев под руководством Шамиля в Исторической литературе., 1956. С42-43.
- 11-12. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XIV. С381
13. Bodenstedt. Die Volker des Kavkasus und ihre Fretheiskapfe gegen die Russen.

14. Berlin, 1855.
15. Труды III-го международного съезда ориенталистов СПб, 1871. СПб, 1887-1890. Т. 1. С306.
16. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XIV. С 501.
17. Там же. С507.
18. Там же. Т. X. 1907.
19. Романов И. М. Мироззрение Н. Г. Чернышевского... Под редакцией
провр. Шульгина. Якутск, 1958. С9.
20. Черников А. М. Чернышевский Н. Г. на Каторге в Забайкалье. (1864-1871). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л. 1965. С18.
21. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XVI. С397
22. Там же.
23. Фрунзе М. В. Избранное произведение. М. 1940. С 175.
24. Записка А. П. Ермолова ч. II. М. 1863. С153. Под ланник собственноручной Записки хранится в ЦГАДА. Ф. Ермоловы: д. 307 Указанный эпизод описан на стр. 181-182. См также Погодин А. П. Ермолов. Материалы для его биографии. -Русский вестник 1853 ноябрь, Т. XVIII. С363.
25. ЦГВИА. Ф. 14719. оп3, Д125, Л243.
26. Институт рукописей А. Н. Грузии, ф. Вейденбаума д. 390. Л.
- 12.
27. ЦГВИА. Ф. 14719. Оп3. Д. 752. Л28.
28. Там же. Л. 27.
29. Там же. Л. 27-29.
30. Там же Л52.
31. ЦГИА. Грузии. ф. 2, оп 1, д. 3380. Л31.
32. 13454.; оп 6, д. 23, Л. 2; ВУА, д. 6388, Л. 35.
33. ЦГАДА. Ф. Воронцова, д2226. Л35.
34. Там же. Д. 2213. Л91.
35. ЦГИА Грузии, ф. 1087, д. 293, л71.
36. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. С141.
37. Чернышевский Н. Г. Указ. соч. Т. XVI. С339-340
38. Там же. С340.
39. Там же. С342-343.
40. Там же. С344.
41. Там же.
42. Там же С345.
43. Там же. С346.
44. Там же.
45. Там же. С449
46. КС, Т. VI. С48. ДГСВК. С429.
47. ДГСВК. С429.

48. Чернышевский Н. Г. Указ. соч. ТХVI. С350
49. Там же. С709.
50. Там же. С352.
51. Дубровин Н. Ф. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб, 1892, т. IV, кн. 2. С307.
52. Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л., 1939. С152
53. Отчет начальника Даг. области со времени образования до 1 ноября 1863. Темирхан-шура, с14
54. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIXв. М. 1961. С59.
55. Чернышевский Н. Г. Указ. соч. Т. XVI. С354.
56. АКАК. ТХII. С1521
57. ДГСВК. С422.
58. Чернышевский Н. Г. Указ. соч. ТХVI. С354.
59. Там же. С355.
60. Там же. Т. III. С152.
61. Там же Т. XVI. С354
62. Там же Т. III. С356.
63. Там же С347.
64. Там же Т. IV. С488.
65. Смирнов Н. А. Характерные черты идеологии мюридизма. М. 1956. С17
66. Чернышевский Н. Г. Полн собр. соч. Т XIV С346-347
67. Макеев Н. Н. Г. Чернышевский редактор "Военного сборника". М. 1950. С43.
68. Николаев Л. Ф. Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского на каторге (в Алексеевском заводе). 1867-1872. М. 1906. С17.
69. Русский архив, 1889, №11, с417.
70. Хроника... С240.
71. ДГСВК, С676.
72. Чернышевский Н. Г. Указ. соч. тXIV. С515.
73. Чернышевский Н. Г. Литературное наследство, тII, С44. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М1934. Т. 1. С162-189.

Глава IV

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С370.
2. Из истории русской философии. М. 1951. С406.
3. Современник. 1857. Кн. Уп. Отд. "Критика". С59-84. Добролюбов Н. А. Полн. соч. Т1. М. 1934. С162-180.
4. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т1. С162.

5. Там же. С163.
6. Соллогуб В. Кавказ в восточном вопросе // Кавказ. 1856. №6
7. Там же.
8. Соллогуб В. Несколько слов о начале кавказской словесности. / Кавказ 1855. См. так же : Соллогуб В. А. Сочинения, СПб, 1859. Т. V. С494-509.
9. Кавказ. 1856. №23.
10. Соллогуб В. А. Сочинения. Т. V. С 451-495.
11. Соллогуб В. А. Предисловие к "Запискам Кавказского отдела императорского русского географического общества." Кн. 1. Тифлис. 1852. Его же Очерк Кавказ // Сочинения. Т. V. С237-262.
12. Добролюбов Н. А. Т. 1. С170-171.
13. Там же. С164.
14. Там же. С163.
15. Там же. С165.
16. Там же. С178-180.
17. Вёрдеревский Б., Дункель- Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. Тифлис. 1855. С23. Работа была напечатана и в газете "Кавказ".
18. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. т1. С295-299.
19. Там же. С296.
20. Там же. Т1. С299.
21. Там же.
22. Там же.
23. Отечественные записки. 1857. С113-116. Библиотека для чтения. 1857. Т145.
24. Отечественные записки. 1857. №11. С361; Народное восстание в Индии. М. 1857. С230.
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С29-30.
26. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861-1862гг. М. 1890. С465.
27. Там же.
28. Народное восстание в Индии... С230.
29. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. III С30
30. Там же. С31.
31. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. III. С30
32. Там же. С61.
33. Там же. Т. IV. С156.
34. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. III. С334.
35. Там же.
36. Там же. Т. IV. С140-157.
37. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XIV. М. 1949. С381.
38. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV. С488-489. Бушуев С. К. Указ. соч. С88

39. Вопросы истории. 1947. №11. С137.
40. Гаджиев В. Г. Движение горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля в исторической литературе. Махачкала. 1956. С45.
41. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV. С140
42. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV С142
43. Там же
44. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV
45. -
46. Там же. С431.
47. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. С17
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же.
51. Военный сборник. 1859. №1. С169-170.
52. Добролюбов Н. А. Полн. сборн. соч. Т. IV. С145.
53. Там же.
54. Хроника.... С113.
55. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6379. Л. 2-15.
56. Добролюбов Н. А. Полн. сборн. соч. Т. 14. С147.
57. Там же.
58. Воспоминания генерала К. К. Бенкендорфа о кавказской легкой экспедиции. Русская старина. 1910. Т. 142. С142.
59. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909. С109.
60. ДГСВК, С457-468.
61. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV. С145.
62. Там же. С151.
63. Там же. С52.
64. Добролюбов Н. А. Полн. сборн. соч. Т. IV. С152.
65. Подробно об этом см. Пикман А. М. К вопросу об идейно-политической борьбе царизма с движением горцев Чечни Дагестана. Дисс. На соиск. к. и. н... 1969.
66. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV. С156.
67. Там же.
68. Там же.
69. Там же.
70. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV. С155.
71. Там же.
72. Там же.
73. Там же.
74. АКАК. Т. XII. С1445. Руновский А. Кодекс Шамиля. // Военный сборник. 1860. №14.
75. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV. С156.
76. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. III

Глава V

1. Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. М. 1923Ю С313.
2. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. II. С562-563.
3. Ткаченко Н. М. История в творчестве Т. Г. Шевченко // История СССР. 1964. №3. С105.
4. Шевченко Т. Г. Собр. соч. в 8- томах. М. 1977. Т. 4. С256.
5. Ткаченко Н. М. Указ. соч. С109.
6. Там же.
7. Шагинян М. Тарас Шевченко. М. 1946. С313.
8. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 793.
9. Новиков М. Н. Указ. соч. С85.
10. Там же. С124.
11. Повне зібрання творів Т. Г. Шевченго в десяти томах. Київ. 1949- 1957гг. Т. I. С. 338. Ткаченко Н. М. Указ. соч. С106.
12. Там же. С. 108.
13. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. II. М. 1950 С699.
14. Хинкулов Л. Ф. Тарас Шевченко. 1963. С306.
15. Новиков М. И. Указ. соч. С52
16. Хинкулов Л. Ф. Указ. соч. С85.
17. Шербинин М. Л. Биография ген- фельдмаршала кн. М. С. Воронцова. СПб. 1858. С246.
18. Шевченко Т. Собр. соч. Т. 1. С. 347.
19. Шевченко Т. Собр. соч. Т. 1. С351.
20. Там же С348.
21. Вердеревский Е. Плен у Шамиля. СПб. 1856. С64.
22. Народные изречения и пословицы Дагестана. / Перевод Н. Гребнева. Махачкала. 1966. С13.
23. Шевченко Т. Собр. соч. Т. 1. С347
24. Там же.
25. ДГСВК. С68-69.
26. Муравьев Н. Н. Записки. //Русский архив. 1877. кн. 1. С338.
27. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528; Ч1. (Политическая), Л. 52.
28. Шевченко Т. Собр. соч. Т. 1. С. 347.
29. Там же. С348.
30. Архив Раевских. Т. III. СПб. 1910. С342.
31. Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб.
32. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом в 2-х томах. Т. 1. Тифлис. 1907. С35.
33. Шевченко Т. Собр. соч. Т. 1. С349.
34. Шевченко Т. Собр. соч. Т1. С348.
35. Там же. С349.

36. Там же.
 37. Хинкулов Л. Ф. Указ соч. С98.
 38. Шевченко Т. Собр. соч. Т1. С349.
 39. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т XII. С37.
 40. Шевченко Т. Собр. соч. Т1. С349.
 41. Романовский Кавказ и Кавказская война. С48.
 42. Шевченко Т. Собр. соч. Т. 1. С 349-350.
 43. Дмитренко Я. Д. Указ. соч. С100.
 44. Там же
 45. Франко И Литературно- критические статьи. М. 1950. С87.
- Новиков М. И. Указ. соч. С139.
46. Шевченко Т. Собр. соч. Т1. С348-349.
 47. Новиков М. М. Указ. соч. С127.
 48. Дмитренко Я. Д. Указ. соч. С104.

Глава VI

1. Добролюбов Н. А. Полн собр. соч. Т. III. С120.
2. Лестидесятые годы. Сборник. М. 1940. С16-17.
3. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XIV. С199.
4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М. 1935. Т59. С132-133.
5. Толстой Л. Н. в воспоминаниях современников. М. 1955. ТII. С162.
6. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. Т9. 1950. С399-400.
7. Виноградов Б. С. Кавказ в творчестве Л. Н. Толстого. Грозный. 1955. С207.
8. Летопись дружбы грузинского и русского народов. Тбилиси. 196. С553.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т47. С10.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. С107.
11. Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т1. С88.

Воейков А. П., декабрист
Волховский В. Д., декабрист, ген
Воронцов М. С., ген. -адъют. . В1844-54гг. наместник на Кавказе
Вяземский П. А., поэт
Гаджиев В. Г., историк
Гази-Магомед (Гази-Мухаммад, Кази-мула) первый имам Дагестана и Чечни
Гангблов А. С., декабрист
Гарданов В. К., историк
Герцен А. И. писатель
Гоголь Н. В., писатель
Головин I-й Е. А., ген. -адъют., главнокомандующий на Кавказе (1837-1844)
Голубев С. Н., литературовед
Горский Н. И., ген. — м.
Горчаков А. М., кн., дипломат
Граббе П. X., ген. — адъют.
Греков Н. Б., ген-м.
Гучков А. И., лидер буржуазно- монарх. партии октябристов
Давыдов Д., партизан, поэт
Данте Алегьери (1265-1321), итальянский поэт
Державин А., историк
Джемалуддин, сын Шамиля
Дзиндзария Г. А., историк
Дибич-Забалканский И. И., ген. 0 фельдмаршал
Дмитриенко Я. Д., литературовед
Добролюбов Н. А., писатель
Дубельт Л. В., ген., начальник штаба отдельного корпуса жандармов
Дубровин Н. Ф., историк, академик
Дукай, кадий
Дружинин Н. М., академик
Дружинина В. И., член. корр. РАН
Ермолов А. П., ген. от инфант, наместник на Кавказе в 1886-1927гг.
Завалийский, экономист
Задонский Н., писатель
Закриевский А. А., ген. лейт.
Засс Г. X., ген. -лейт.
Зиссерман А. Л., историк
Ибрагим-паша, командующий египетской армией в 1816-41гг.
Иванов С., историк
Ивлич М. К., ген. — м.
Ирвинг В., писатель
Искрицкий А. И. декабрист
Казбек, полковник

Именной указатель

Абд-ль-Кадир, (1808-1883), руководитель освободительной борьбы в Алжире в 1832-1847 гг.

Абу-Джафар, марабут.

Александр I (1777-1825) император 1801 г.

Андреев В., декабрист.

Анчбадзе З. В., член-корр. АН Грузии.

Андронников И. Л., писатель и литературовед

Апраксин Л. В., ген.

Аргутинский-Долгоруков З. М., кн., ген. — адъютант

Ахундов М. Ф. (1812-72), азерб. писатель, философ

Базилева П., историк

Бахиканов А. К., историк

Бальмен де Я. П., художник

Барятинский А. И., ген. — фельдмаршал

Баскаков В. Г., философ

Бегичев С. М., друг А. С. Грибоедова

Бебутов В. Д., ген. от инфант.

Белинский В. Г., критик

Бенкендорф К. К. — офицер, адъютант. М. С. Воронцова

Берже А. Д., историк, академик

Бестужев Павел, декабрист

Бестужев Петр, декабрист

Бестужев-Марлинский А. А., декабрист, писатель

Боборыкин, декабрист

Боденштедт Ф., немецкий поэт

Бойко С., литературовед

Бурцев И. Г., декабрист

Бушуев С. К., историк

Бюжо, маршал

Васильев В., литературовед

Васильчиков А., полковник

Ватейшвили Д. Д., историк

Веденянин А. В., декабрист

Вейденбаум, историк

Венюков М. И., декабрист

Вердеревский Е. А., писатель

Вересаев М., писатель

Виноградов А. Ф., декабрист

Виноградов Б. С., литературовед

Катенин П. А., поэт, драматург
Каханов, ген. -м.
Кшопки-фон-Клугенау, ген. -лейт.
Кнорринг К. Ф., главнокомандующий на Кавказе
Компанейский, инженер
Константин, брат императора Николая I
Корнилович А. О., декабрист
Косвен М. Д., историк, этнограф
Костецкий Я., декабрист
Коцебу П. Б., ген. от инфантерии
Крылов Н. И. цензор
де Кюстин, маркиз
Кюхельбеккер В. К., декабрист
Ланской, ген. — м.
Лачинов Е. Е., ген., декабрист
Лачинов Н. Е., ген.
Лачинова Б. П., писатель
Лебедь-Полянский П. И., академик
Ленин В. И.
Лермонтов М. Ю.
Лндерс I-й, ген. — адъютант
Лорер А. И., декабрист
Лунин М. С., декабрист
Магомет-Али, египетский паша
Мадатов, ген. -л.
Мазарович М. И., посланник России в Персии
Макеев Н., полк.
Магомед-кадий Акушинский
Маркс К.
Мегди, шамхал Тарковский
Мейзенберг М., друг А. И. Герцена
Миклашевский А. М., декабрист
Милютин Д. А., ген. — фельдмаршал
Мицкевич А., польский поэт
Мочульский А., офицер
Моор Томас, англ. Мыслитель
Муравьев Н. М., ген. -адъютант, командующий на Кавказе в 1854-1856 гг.
Муханов П. А., декабрист
Накшбенди Бахауддин, основатель секты мюризма в XVI в
Наполеон I
Нарежный В. Т., писатель
Насонкина Л. И., историк
Неверовский А. А., офицер, историк

Нейдгард А. М., ген. от инфант, главнокомандующий на Кавказе в 1844-1845

Некрасов Н. А.

Нестеров А. П., ген. -м

Нечкина М. В., академик

Николаев Л. Ф., литературовед

Николай I

Новиков М. Н., историк

Норов В. С., декабрист

Огарев Н. П.

Орбелиани Д. Ф., кн., ген. -м

Павел I

Паскевич-Эриванский И. Ф., ген. — фельдмаршал, главнокомандующий на Кавказе в 1827-1830

Пассек Д. В. -ген. -м.

Пастель, декабрист

Пикман А. М., историк

Плеханов Г. В.

Полевой П. Н., литературовед

Полежаев А. И., поэт

Попова О. А., историк

Пржецлавский, пристав при Шамиле

Прушановский, офицер, историк

Пулло А. П., ген. -м

Пушкин А.С.

Пыпин А. Н., литературовед, академик

Раевский Н. Н., ген. — м.

Розен А. Е., декабрист

Розен Г. В., барон, ген. — адъют., главнокомандующий на Кавказе в 1831-1837гг.

Романовский Ф. В., ген. — м.

Руновский А., пристав при Шамиле

Рылеев К. Ф., декабрист

Рябов С., унтер- офицер

Сайд-Эфенди, кадий араканский

Скальковский А. А., историк

Скотт Вальтер, писатель

Смирнов Н. А., историк

Соллогуб В. А., писатель

Строганов С. Г., попечитель Моск. округа.

Струев П., рус. экономист, историк, философ, публицист

Суворов А. В.

Сулейман Эфенди, мулла

Сумбат-заде А.С., историк

Сухоруков В. Д., декабрист
Ташов Хаджи, наиб Шамиля
Ткаченко Н. М., историк
Толстой В. С., декабрист
Толстой Л. Н.
Тресков И., литературовед
Уманец Ф. М., историк
Умар Магомед, мулла
Фадеев А. В., историк
Федоров Я. Л., историк
Фези К. К., ген.-л.
Франко И., поэт
Фрейтаг Р. К., ген. -л.
Фрунзе М. В., военный и гос. Деятель
Хаджи- Мурад, наиб Шамиля
Хамар- Даданов Е., псевдоним писательницы Е. П. Лачиновой
Хачапуридзе Г., историк
Хашаев Х. М., историк
Хинкулов Л., литературовед
Хлюстин, полк.
Хрулев С. А., ген.
Циммерман А. Э., офицер
Чавчавадзе, князь
Чавчавадзе, княжна
Черепнин Л. Ф., историк, академ.
Черников А. М., историк
Чернышев А. И., ген. — адъютант
Чернышевский М. Н., сын Н. Г. Чернышевского
Чернышевский Н. Г.
Чернышевская О. С., супруга Н. Г. Чернышевского
Шагинян М., писатель
Шадурн В., литературовед
Шамиль
Шевченко Т. Г.
Шербинин М. Л. историк
Шишков А. А., поэт
Шостаковичи С. В., историк
Шульгин С. Н., историк
Щелкин А. П., известный театр. Деятель России
Энгельс Ф
Эриситави Д., князь, грузинск. обществ. деятель
Эсадзе С., историк
Эсен- Мурза, мулла
Юров А., историк

Список сокращений

акад.	— академик
АКАК	— Акты, собранные Кавказской археологической комиссией : в 12 т. Тифлис, 1866-1904.
Бар.	— барон
ВИ	— Вопросы истории
ВУА	— Военно-ученый архив
г.	— год
ген.	— генерал
кн.	— князь
ген. -а.	— генерал-адъютант
ген. -м.	— генерал-майор
ген. от инфант	— генерал от инфантерии
гр.	— граф
ДГСВК	— Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. : Сб. док Махачкала. 1959.
ИНСК	— История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). М.; "Наука", 1988.
ИСП ФПД	— Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. М., 1951.
МИДЧ	— Материалы об истории Дагестана и Чечни. Т. 3 Ч. 17. Махачкала. 1940.
Полк.	— полковник
сел.	— селение
ЦГДА	— Центральный Государственный архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный Государственный военно-исторический архив
ЦГИА	— Центральный Государственный исторический архив
ЦГА КБ	— Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарии
ЦГИГ	— Центральный Государственный архив Грузии
Хроника	— Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М; Л., 1941.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	5
I. "НАШИМИ УСТАМИ ГОВОРИТ ВСЯ РОССИЯ НАРОЖДАЮЩАЯСЯ"	9
II. А. И. ГЕРЦЕН О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ	29
III. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ДВИЖЕНИИ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ ШАМИЛЯ	46
IV. Н. А. ДОБРЮЛОВ О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ 1829-1859гг.	65
V. Т. Г. ШЕВЧЕНКО О НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	102
Именной указатель	114
Список сокращений	119

В.Г. Гаджиев, А.М. Пикман
РОССИЙСКИЕ ДЕМОКРАТЫ О БОРЬБЕ ГОРЦЕВ
ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ
В 20-50гг. XIX в.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Тир. 100 экз. Тип. УМП "Гамма"

157